

Беляев И. А.

Багровая полночь
Слухач
Начало истории

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илья Андреевич Беляев

Багровая полночь.

Слухач. Начало истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68956671

SelfPub; 2023

Аннотация

Как будет выглядеть мир лет через десять? А как он может выглядеть в современных напряженных условиях, когда ничего не определено, будущее размыто до определенного момента? А что делать, если эти десять лет прошли за решеткой, куда не просачивалось ни капли той информации, которая гуляла в остальном мире? Можно ли приспособиться к той реалии, которой живут сейчас все остальные люди?

Илья Беляев

Багровая полночь.

Слухач. Начало истории

В тот момент я не думал, о последствиях. В магазине «Магнитка» праздновали Новый год. Первого января следовало отметить с теми работниками, с которыми не успели отметить тридцать первого. Все шло хорошо. Смена напивалась быстро. Покупателей было мало и все готовилось к логическому завершению – закрытию магазина.

Мне удалось выпить сначала с одним, потом с другими, директором, товароведом (причем с двумя сразу) и почти со всеми продавцами. Я не был заядлым выпивохой или зачинщиком всего этого беспорядка, но так напивался я в последний раз лет десять назад, когда сдал испытания на краповый берет. Годы службы в элитных частях армии, смертельно опасное задание, его выполнение, списание в запас, на пенсию и вот в тридцать пять я уже стал никому не нужным. Хорошая работа не была ко мне в руки. Выбирать не приходилось, а то, что оставалось выглядело смешным и нелепым.

В общем мне позвонили из отдела кадров величайшего в стране сетевого гипермаркета «Магнитка». Из-за опасения потерять семью, детей и жилье, чаша весов склонилась

в пользу этого магазина. И я вышел на работу.

Перезнакомиться за год со всеми и войти к ним в доверие не составило большого труда. В итоге мы праздновали Новый год большой дружной семьей. Я потерял контроль, забыл что обещал жене и напился (второй раз в своей жизни).

Все было бы ничего, да пришло время закрытия магазина и нас попросили отправляться до «дома, до хаты». Распрощавшись со всеми, я подхватил под мышку коробку с новогодними подарками (от организации) для двух дочерей и шагнул к выходу...

Это мне потом показали видео того, что не стоило выходить из магазина в таком состоянии. Тогда же для меня мир померк быстрее, чем я сообразил что к чему.

– Осужденный 2604/8. На выход с вещами!

Тюремный охранник неторопливо проговорил заученную фразу и, открыв камеру, отошел в сторону. Одиночка для самых отпетых преступников и убийц. Кто бы мог подумать, что все так обернется.

Скрипнув несмазанными петлями, второй из охраны открыл дверь и держа меня под прицелом «калаша» проследил за моими действиями. А они уже стали стандартными за все время здесь пребывания.

Я не спешил. Заправил лежак, сложил государственное белье в стопку, подобрал с пола заранее подготовленную сумку и вышел в коридор. За поворотом оказались еще двое

с подобными автоматами. Усмехнувшись в настроенные ко всему лица, я последовал за капитаном – главным из сегодняшнего конвоя.

– Радуйся, мразь! Пришло твоё счастье. Начальник колонии желает тебя видеть, – не оборачиваясь произнес он.

Бесстрашный ко всему здесь происходящему, капитан давно потерял ощущение жизни. Как раз после того, как его жена в один прекрасный день собрала чемоданы и ускакала к хахалю. После этого, он превратился в ходячую машину смерти. При росте за два метра и телосложению под сто двадцать килограмм, он разруливал любую ситуацию, какой бы критичной она не была, а случались подобные моменты не раз. «Баба жизнь сломала» – говорили товарищи по работе. Да и считались ли они настоящими товарищами? Думаю нет. Капитан превратился в закрытого, неразговорчивого, лишь исполняющего приказы свыше, человека. При любых происходящих здесь волнениях и «разборках» он был одним из первых, кто методом кулака быстро приводил в себя зачинщиков конфликта. Подобные проявления буйства и недовольства «Системой» случались еженедельно. Ему не требовалось оружие. Даже резиновые дубины он никогда с собой не носил. Все говорили, что капитан сошел с ума, свихнулся «из-за бабы», но ему было совершенно начхать на всех тех, кто так считал. Я часто видел эту ходячую машину смерти в действии и ничего утешительного для его оппонентов не было. Всегда быстрая схватка с ним оказывалась не в пользу

зачинщиков буйства. Практически всегда последних уносили на носилках и зачастую ногами вперед.

– Вот что я тебе скажу, мразь, – все так же не оборачиваясь громко произнес он. – Тебе очень повезло, что ты дожил до этого момента. Уж кого-кого, но тебя я бы отправил на свидание с предками!

Откуда у него было столько ненависти к моей персоне? Я еще раз оглядел широкую спину этого человека. Да очень просто. Давным-давно, при поступлении сюда, я сломал ему челюсть и при первом же удобном случае он пытался вернуться к давнему конфликту. Спустя время после нашей схватки, Захар – смотрящий по тюрьме, сказал, что мне еще очень повезло.

Да куда уж там. Удача оставила меня десять лет назад, когда прокурору по подтасованному делу следствия легко удалось доказать мое прямое причастие в убийстве троих мужчин.

Меня даже не пытались оправдать. Увели прямо из зала суда. Я видел ужас и обреченность в глазах супруги. Мне стыдно было смотреть на зареванных малолетних дочерей, но ничего... абсолютно ничего не мог поделать. Что самое поскудное – я не совершал всего того злодеяния, в чем меня обвиняли.

Адвокат лишь развел руками. Прокурор, наоборот, потирал их. А судье вообще было плевать кто из них выиграет дело. Это уже потом, когда я вошёл в доверие к Захару, он шеп-

нул мне, что судье отвалили немало денег за невмешательство. Адвоката припугнули, а прокурору отсыпали столько доказательств, что не засадить за решетку мог бы только полный кретин.

Вот так и вышло, что безобидный, с виду, поход с работы до дома, в новогоднюю ночь, обернулся катастрофой для меня и моей семьи.

Чем они там меня накачали, я до сих пор затрудняюсь сказать, но чем-то очень сильным. Иначе как мое чистосердечное признание оказалось на столе у прокурора, которое он же и зачитал. Выходило, что я без повода замочил троих средних лет мужиков, где и был замечен недремлющим оком оператора видеонаблюдения вблизи торгового центра «Макс'И».

Однако карточная пирамида обвинения сложилась у них идеально и вот я пребываю здесь уже десять лет! Вначале была ярость и злость, готовность убить всех и каждого, потом осталась ненависть. А когда притупилось и это чувство, появилась скрытая месть, желание досидеть (незаконно) положенный срок, выйти и покарать тех, кто был причастен в этом деле.

Жена сразу осунулась, постарела... Горе в один момент убило её как физически, так и морально. По словам того же самого Захара, она каждую неделю приходила ко мне на встречу и приносила передачи, но ни одного раза мне не дали с ней увидеться.

А что видел я? Каторжную работу. Небо в клеточку из одиночки да нескончаемые коридоры самой тюрьмы, которые я протопал не один десяток километров. Лично меня выводили на улицу, во двор тюремной зоны один раз в году – на мой день рождения. Почему было такое предвзятое отношение я не знал, но постепенно у всех зонавских сложилось мнение, что я особенный. Так и прицепилось ко мне это погоняло. Даже охранники называли меня не по номеру, а этим режущим слух словом: «особенный».

Сокамерников у меня никогда не было (опять-таки плюс за мое погоняло). Коротать долгие мучительные ночи приходилось в одиночестве. Как я не сошел с ума – не знаю. Наверное жажда возвращения к жене и детям, да ещё вера в Бога сотворили чудо. Всевышнего здесь вообще чтут и даже любая трапеза не обходится без молитвы к Нему. Да что там говорить. Даже я проникся этим и сохранил в душе человечность.

У многих не получилось даже этого. Они зачастую сходили с ума или же уходили в иной мир любыми подручными способами. Я вытерпел. Прошел весь этот ад и сохранил здравый ум. Сколько мне Бог отведет ещё для свершения поставленных перед собой задач, я не знал, но просил лишь дать завершить еще не начатое дело. Хотя нет, дело сдвинулось с мертвой точки и сейчас я иду на кажущуюся такой далекой, свободу.

– Лицом к стене!

Грубый голос капитана настолько резко оборвал мои мысли, что я невольно вздрогнул. Он заметил и ему это понравилось.

– Не ссы, скоро будешь жене в юбку плакаться и детям. Хотя такую мразь даже дети должны возненавидеть.

Проглотив сказанное, я вошёл в открытую дверь и подойдя к столу, остановился.

Комната начальника тюрьмы. Лишь однажды я побывал здесь, но с того моего визита ничего не изменилось. Два стола: за одним сидел он, за другим – хмырь из охраны с автоматом; два шкафа и две банкетки. Вот и все, что заполняло эту самую важную комнату во всей колонии.

– Белов Данила Игнатьевич, – выдержав паузу и глядя мне в глаза, произнес мужчина.

Ещё один кадр из прошлой цепи событий. То, что ему дали на лапу, даже к бабушке не стоило ходить. Здесь как раз тот случай, когда жажда наживы затмевала все остальное. Именно он посадил меня в одиночку. Именно он держал меня двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году без выхода на солнечный свет. Именно он... хотя нет, приказ не пускать ко мне жену этот стриженный налысо боров, скорее всего, получил сверху. *«Вон как глазенки бегают. Не рад, гад, что я выжил, да ещё на волю на своих двоих выхожу. Ничего, поживи пока. Свою долю ты получишь в последнюю очередь. Прости, но тебя-то я уж никак не могу обойти стороной».*

– Белов Данила Игнатьевич, – вновь повторил он. – Ра-
дуйся! Сегодня у тебя второй день рождения!

Отвернувшись от его буравящих глаз, я взял себя в руки чтобы не врезать промеж них. Сила воссоединения с семьей была крепка и никакой лысый хрен не мог нарушить этот долгожданный момент.

Видя отсутствие реакции на свои слова, он хмыкнул и наконец поставил долгожданную подпись на освободительной бумаге.

– До скорой встречи! – улыбнувшись ехидной улыбкой сказал он, протягивая мне свободу. – Обычно, побывавшие у нас, на воле долго не задерживаются. Так что скоро увидимся!

– Это не мой случай, – выдержав его взгляд, спокойно ска-
зал я.

– От сумы да от тюрьмы... Знаешь такую поговорку? Так что не зарекайся. Все. Свободен. Караульный! Выведете его отсюда! А то на радостях перепутает чего, да останется с нами.

Начальник тюрьмы рассмеялся, достал сигарету и закурил. Проследив за тем, как меня уводят, он откинулся к спинке кресла и облегченно выдохнул.

А мне было совершенно плевать на него и его подобную «шелуху», что сейчас дежурила по зоне. В руках у меня находился заветный пропуск в другой мир, в тот, что оказался потерянным на долгие десять лет.

Мы прошли по длинному коридору, окруженному со всех сторон стальными камерными дверьми, спустились на первый этаж и подошли к самому выходу из здания, когда увидели, что из соседнего коридора к нам, неторопливыми шагами направляется человек.

Это был заключенный, но без сопровождения. Кто он такой я догадался еще издали. Захар – смотрящий по колонии. Только ему разрешались некоторые послабления по режиму. Захар считался самым правильным из всех здесь находящихся и возникающие конфликты разруливал по понятиям. К нему с доверием относился сам начальник тюрьмы, а охрана нейтрально наблюдала за некоторыми его вольностями.

– Ну что же, Данила, здесь наши пути расходятся окончательно, – утвердительно произнёс он пожимая мне на прощание руку. – Я старый человек и вряд ли когда отсюда освобожусь. Но за то недолгое время, что прошло с момента твоего здесь появления, многое произошло. Я благодарен тебе за все, что ты для меня сделал, а Захар в долгу не остаётся ни перед кем. Вот, возьми!

Он протянул мне запечатанный конверт без адресата и крепко пожал руку.

– Это на тот случай, если все сложится против тебя. Да и узнать немного из прошлого не помешает. А теперь ступай! Я уже и так долго с тобой задержался. Ещё наряд за мной вышлют. Ха-ха.

Развернувшись, Захар пошёл в обратную сторону. Я лишь

пожал плечами, убрал конверт подальше и раздумывая над его словами, вышел на улицу.

Этому, как его здесь все называли, «старичку», я помог всего лишь два раза. Но и этого хватило, чтобы заручиться его поддержкой. «Как говорится – рука руку моет», – сказал он после того, как я спас его от гибели, организованной на тот момент шайкой «бледного». С того и по велась наша, можно сказать дружба. Меня перестали доставать задиристые заключенные, да и конвойные ослабили хватку. Я стал «неприкасаемым». А учитывая то, что противозаконных действий не предпринимал, про меня все забыли и только этот, идущий впереди амбал затаил обиду на долгие годы, но она так и не проявилась.

Захар был правильным смотрящим, а в свои семьдесят с небольшим лет давал фору сорокалетним. Нет, в драках он, конечно же, не участвовал но возникающие конфликты подавлял в зародыше. Многие претендовали на его место, но не дотягивали. «Не тот уровень», – говорил он фиксируя поражение своего оппонента, так и не сумевшего занять его место.

Жгучее желание узнать что же находится в том конверте, я притупил счастьем полной свободы. Оно заиграло во мне всеми цветами радуги, когда позади, с лязгом закрылись скрипучие ворота зоны. Конвойный зло зыркнул на меня и заиграл скулами.

– Ещё увидимся! – сквозь зубы прошептал он.

– Не в этой жизни, – ответил я и глубоко вдохнул воздух совсем другого, нежели за колючей проволокой, воздуха.

Новая вольная жизнь, казавшаяся такой родной, но давно по забытой, встретила меня совсем не тем, на что я рассчитывал. Я шёл по знакомым давно хоженным улицам и никак не мог понять произошедших здесь перемен. Вроде все казалось так: те же улицы, те же дома, те же люди... Но с другой стороны все было не так.

Людей стало малочисленно, да и держались они в лучшем случае парами. Одиночки и вовсе шарахались от меня в разные стороны при моем к ним приближении. На лбу у меня не было написано, что я недавно откинувшийся зек. Тогда тем более было непонятно подобное их поведение.

Пройдя напрямую до костела, я остановился. Стоящее в запустение, всю мою молодую жизнь, здание, наконец-таки отреставрировали, но на входных дверях по-прежнему висел массивный замок и хода внутрь не было. А как хотелось, в детстве, попасть туда и хоть одним глазком посмотреть что творилось внутри.

Дойдя до «чертова моста», как старожилы города называли то место, я остановился и облокотившись на перила, посмотрел вниз. Текущую там, замусоренную реку-«говнянку» так никто и не вычистил. Ее тонкий ручеек еле-еле пробивался через весь мусор. Было время немного передохнуть и подумать. «Странное дело. Ни пробок, ни разгуливающей

толпами молодежи, ни мангалов с шашлыками в этом районе города. А ранней весной ох как многие высыпали на улицы». Часто люди попадались в медицинских или строительных масках. Завидев меня, они сворачивали с дороги и шли в другую сторону, либо же старались держаться на максимально удаленном расстоянии. *«Да что здесь вообще происходит? Заболели что ли? Ладно, доберусь до дома – разъяснят».*

Вздыхнув, я в последний раз взглянул на умирающую речку и двинулся дальше.

Одна из главных дорог города не встретила меня, как ранее, шумом сотен моторов автомобилей. Они больше никуда не спешили, не поднимали неубранную спецтехникой пыль и песок; не сигналили медленно идущим по переходу пешеходам и не играли в салки с водителями маршрутных такси за право быть лидерами в гонке-преследовании. Вместо этого появились странного вида угловатые конструкции без руля и водителя соответственно. *«Электромобили? Автопилотники?»* И тут реальность накрыла меня.

В паре метрах над головой, шумы моторами, пролетел квадрокоптер, размером с детскую прогулочную коляску. Ему навстречу – другой, иной формы и конструкции. Там и тут из-за крыш домов показывались и исчезали подобные им летательные агрегаты. Под ноги, чуть не сбив меня, бросилась какая-то железяка. Я вовремя отскочил, едва не столкнувшись с ним. Роботы, шурша колесами, катились по из-

вестным им делам, совершенно не обращая на меня никакого внимания.

«*Что за хрень творится?*» – Я удивленно крутит головой и никак не мог прийти в себя, начиная запоздало понимать, что за время моего отсутствия в мире кардинально все изменилось.

Самих людей на улицах было мало. Да и казались они намного странными нежели творящееся вокруг железное помешательство. Хмурые, сосредоточенные, сворачивающие с дороги при моём появлении, с надетыми на лицо медицинскими масками и строительными респираторами.

С открытым, в прямом смысле этого слова, ртом, я прошел оставшиеся улицы: Соколовского-Рыленкова-Петра Алексеева и уже почти завернули на Попова, когда на дороге, недалеко от меня, скрипнув тормозами, остановилась машина. Я обернулся.

Из патрульно-поискового «УАЗ'ика» вышло два нахального вида полицейских и направились в мою сторону. «Ну вот, хоть одним я приглянулся». Один из них обошел меня, остановившись сзади, а другой перегородил дорогу и растегнув кнопку поясной кобуры с пистолетом, сложил на груди руки.

– И кто это здесь нарушает порядок? – спросил он, ехидно улыбнувшись и осматривая меня как обычно глядят в зеркало на застрявший между зубов, после еды, мусор.

– Ты откуда такое чудо выползло? – слышалось сзади.

Я не стал сразу бросаться грудью на амбразуру, что-то им доказывая. Обычно так делают легковозбудимые люди, не умеющие держать свой гнев глубоко внутри. Не став их разочаровывать, я прикинулся таким недалеким деревенщиной, не умеющим ни постоять за себя, ни внятно объяснить что к чему.

– Так я ведь тут так... недавно в общем... сам не здешний... Одним словом... чем провинился перед вами?

– Мужик, ты что, debil?

Впередистоящий нахмурился и шагнул ближе. *«Старший лейтенант Перемычко, – прочитал я на его нашивке. – Вот, дожили. Уже хохлы в нашей карающей инспекции работают».*

– Нет. Я не debil. А чем я вам не угодил, разрешите спросить.

– В городе комендантский час. Свободно разгуливать разрешается только с двенадцати до шести. В иное время – только по сопроводительному листу, либо другому документу. Сейчас же уже половина седьмого вечера, а каких-либо бумаг у тебя вряд ли найдется. Поэтому ты заведомо нарушитель! А нарушение подлежит наказанию, – «вежливо» разъяснили мне творящиеся вокруг непонятности.

Продолжая играть дурочка, я поинтересовался:

– А наказание какое будет?

– Не, ну точный debil.

– Пять МРОТ или же арест на десять суток. Но послед-

нее выбирают практически все. У народа сейчас не ахти с деньгами, поэтому и записываются в ряды административных преступников.

– А это, как ты понимаешь, клеймо на всю жизнь.

– Так тебе что выписывать? Административку или штраф? – оскалился полицейский, доставая из нагрудного кармана наручники?

– Подождите, люди добрые! – выставив вперед себя руки, произнёс я. – Мне ваши предложения не устраивают, поэтому вынужден отказаться и от одного и от другого. Зато у меня есть другой документ.

Я полез в карман за выданным мне в тюрьме освободительным листом и краем глаза заметил, как рука полицейского потянулась к пистолету, но я и не думал осуществлять каких-либо противоправных действий. Достав сложенную в несколько раз бумагу, я развернул её и протянул лейтенанту. Тот нацепил очки и быстро пробежал по ней глазами.

– Только откинувшийся? Что ж, не зря мы остановились. Таких как ты видно издалека.

Он ещё раз осмотрел меня с ног до головы. Остановился на спортивной сумке, набитой всяким барахлом – единственными вещами, оставшимися из той, старой, давно ушедшей жизни и глядя в глаза, произнес:

– Значит так, у тебя только один выход из этой ситуации – в течении трех дней явиться в отдел регистрации с этой бумагой и там пройти процедуру снятия биометрических пока-

зателей. Без этого дальнейшее существование в городе окажется невозможным.

– Если же ты, конечно, не хочешь быть отверженным обществом или «Системой», – вмешался другой. – Иначе у тебя останется лишь один выход – петля на шею или вниз головой с крыши.

Он усмехнулся и направился к машине.

– Напарник прав. Такие как ты не нужны обществу. Или ты становишься частью «Системы» или нежелание сотрудничать с ней приведет к ожидаемой гибели. Выбор всегда есть, – ухмыльнулся лейтенант и словно что-то вспомнив, полез в карман куртки. – Ах да, совсем забыл. Комендантский час в городе не с проста. Разгуливает вирус и у меня задача выявлять зараженных и изолировать их от общества в карантинные боксы.

Достав изогнутый прибор наподобие ручного регистратора скорости движения автомобилей, он направил лазерный считыватель мне на лоб, но видимо что-то пошло не так.

– Черт, заряд сдох! Дмитрий!

– Да? – высунулся из окна машины напарник-водитель.

– Ты тепловизор сегодня заряжал?

– Нет. Нас же срочно вызывали на подавление очага отверженных. После ночной смены никто им не занимался.

– Черт! – еще раз выругался лейтенант. – Вводи координаты базы. Снимаемся с патрулирования. Нужно заменить тепловизор. Ну а у тебя, – повернулся он ко мне, – есть три

дня, как уже говорилось, для снятия биометрических показаний, идентификации личности и вакцинации против разгуливающего вируса. В отделе регистрации тебе измерят все, что нужно, сделают укол и отпустят на все четыре стороны. Так что поспеши, а то без идентификации тебя сложно найти в городе и в случае чего невозможно будет прийти на помощь.

Полицейский оскалился в улыбке, показав вставленные зубы, сел в машину и она сама на автомате порулила в сторону базы.

В пяти метрах над головой пролетел очередной квадрокоптер, заставив меня непроизвольно вздрогнуть и прийти в себя от столь нежеланной встречи.

«Вот так вышел на свободу! Может стоило повременить, как советовал дед Захар и разобраться во всем, с чем предстояло столкнуться? А то из огня да в полымя... вот и случилось то, что случилось».

Спрятав освободительную бумагу, я шагнул в сторону и чуть не наступил на механизмы спешащего мимо низкорослого робота.

– Вы совершили административное правонарушение, – проскрежетал он своим тягучим медным голосом. – Мое движение до почтового пункта прервано вашей неосторожностью. Фото и видеоданные инцидента уже отправлены мною в «Систему». В отношении вас будет предъявлено обвинение. Для более подробной идентификации личности

приложите правую руку с микрочипом к этому терминалу!

Боковая панель робота отъехала в сторону и вперед выдвинулась сенсорная панель.

– Да куда же я попал?

Естественно, ничего ни к чему прикладывать я не стал, а просто развернулся и не оборачиваясь поспешил убраться подальше. Металлическое чудо техники еще долго что-то тарабанило вслед, но этим действием уже не могло меня остановить.

Перебегая через дорогу, я засмотрелся на очередную вытянутую беспилотную автомашину и едва не задел столб с дорожным знаком, поспешил домой, решив что на сегодня знакомство с «неизвестной» местностью с меня достаточно.

«Ничего, приду домой, закачу праздник встречи, приму душ, отдохну и уж только тогда спрошу жену обо всем, что произошло за последние десять лет. Главное дочек не напугать своим внезапным появлением. Сколько им было, когда меня повязали? Два и четыре? Большие какие стали! А вспомнят ли? Да не важно это все. Приду, объясню – поймут. Не маленькие уже. С делами потом будем разбираться. Уж точно не сегодня».

Дойти до подъезда нашего дома не составило большого труда. Главное в неприятности ни в какие не влез. Вот и чудненько.

Дворовая территория никаким образом не изменилась, ну если не считать поредевшего числа автомобилей. Даже сосед

дядя Юра все так же ковырялся в своем фургоне. *«Она, а это уже что-то новенькое»*. Его «мерседес» стоял на домкрате и кирпичах, а все четыре колеса с литыми дисками и дорогушками (по меркам тех лет) колпаками больше не красовались на своих местах.

– Пропил что ли?

Из фургона высунулась синешечая голова Сергея – бывшего дальнобойщика, но уверенная рука Виталика втянуло порывающееся выйти на свет Божий тело, обратно.

– Мда. У этих все по-прежнему.

Махнув рукой уставившемуся на меня Юрию, я нажал кнопку квартиры на домофоне и стал ждать родной голосок одной из трех девчонок моей семьи.

– Кто?

Грубый мужской голос в очередной раз вогнал меня в ступор. Потрясение оказалось настолько сильным, что я не смог ничего ответить и словно рыба выброшенная на берег открывал и закрывал рот.

– Пошли к черту, немые козлы!

Соединение оборвалось и от этого стало еще хуже.

«Моя Марина не дождалась меня! Быть такого не может! Что за чертовщина творится? Что это за хрен в нашей квартире? Не верю... сейчас все узнаем».

Рука потянулась вновь набрать комбинацию цифр, но раздался свист, удерживающую дверь магниты отключились и из подъезда вышел Олег – сосед с первого этажа.

Стриженный чуть ли не на лысо, в спортивной черной форме, он в свои пятьдесят следил за своим телом и выглядел горой мышц, сошедших с экранов микс-файтингового телеканала.

– Опа. Данила? – вытаращив глаза искренне удивился он. – Ты какими здесь судьбами? Твоя же Марина...

– Потом. Все потом!

Проскочив мимо него вовнутрь, я бегом, перешагивая через две ступени, влетел на четвертый этаж и остановился напротив нашей квартиры.

Нашей да не нашей. Черный металл поменял свой цвет на коричневый. Сбоку, как и положено, висел звонок, который мы обоюдным решением с женой принципиально никогда не вешали. Под ногами распластался коврик с затоптанными от времени, но еще видимыми двумя бокалами разливного пива и таранкой во всю его длину.

– Вот же зараза. Неужели хахаль? – прошептал я, со вспыхнувшей яростью давя кнопку звонка.

Уж не знаю, сколько я так простоял вжимая кнопку, но через какое-то время квартирная дверь со скрипом открылась и послышались шаги в мою сторону.

– Кого бесы принесли?

Все тот же мужской голос не оставил мне ни капли сомнения черных, закравшихся в душу, мыслей.

Ключ вставился в личинку и дверь открыл лысый, не бритый мужик в шортах и полосатой майке. Лицо явно кавказ-

ское, но акцента не было. Либо наш язык учил долго, либо много времени провел в нашей стране и научился разговаривать без акцента.

– Ты кто такой? – нахмурил он и без того морщинистый лоб.

– Я бы тоже хотел это знать про тебя.

– Слышь, мужик, ты двери что ли попутал или окосел от сивухи? Вали вон, пока в изоляцию не попал!

– Ты что, охренел? Я пришел к себе домой. Это ты чего разгуливаешь в шортах перед моей женой и детьми?

– Точно окосел. Я здесь один живу. Уже девять лет. Понимаешь? Один! А тебе не полицию, а бригаду из Гедеоновки вызову, чтобы скрутили-связали и на принудительное лечение отправили. Пожизненно!

Он уже собирался захлопнуть дверь перед моим носом, но я вовремя успел подставить ногу. В голове творилась каша. Понять сказанное им оказалось очень не просто. *«Как же так, - думал я. – Либо он врет, либо в моей семье случилось какое-то несчастье».*

– Все, мужик, ты меня достал. Молись! Сейчас за тобой приедут.

Он развернулся в сторону квартиры звонить по одному всеми известному номеру и тут я заметил у него на ноге табуировку паука, опутавшего всю правую голень своей паутиной.

– Слышь, брат, не серчай. Хреново мне после отсидки, –

остановил я его. – Раньше это была моя хата. Жил с женой и с двумя дочками, но десять лет назад случилась беда и вот я только пришел. Ты вот смотрию тоже был в местах не столь отдаленных! Угостишь чифирком?

Он смерил меня недоверчивым взглядом, поковырял в гнилом зубе мизинцем и заходя в квартиру, бросил через плечо:

– Дверь на ключ закрой и ботинки здесьними. Ходят здесь... всякие!

Прихожая, да и остальные комнаты оказались совсем не такими, какими я их помнил в последние дни своего здесь пребывания. Нет, то что это все стало его я уже не сомневался, но вот что послужило такому повороту в жизни жены мне было непонятно. *«Сдает или того хуже – продала? А куда сама с детьми съехала?»*

Пройдя через арку на кухню, я сел за треугольный стол и посмотрел на лысого, разливающего чай из заварочника.

– Что смотришь? Не нравлюсь? Откуда узнал что я сидел?

– Так ведь сам только оттуда. Еще утром баланду хлебал, да с нашивкой-номером на бесплатных работах трудился. Что про тебя... таких пауков мы сами накалывали иглой попавшим за решетку по малолетки да по незнанию устроенности этого мира. В молодости часто так бывает. Идешь домой, а потом бац... сам на нарах, а небо в клеточку.

Отпив обжигающий, но ароматный чай, я посмотрел на лысого.

– Знаешь что, я бы реально тебя сдал, «брат», но последняя фраза заставила передумать. Мы своих не бросаем. Закон такой. Сам отсидел в соседнем городе пятеру. Знаю по-чем фунт лиха.

Наливать себе чай он не стал. Просто сел, скрестив руки на груди и стал ждать. Прошла долгая минута. Что-то внутри не горело желанием расспрашивать про то, что здесь произошло.

– Ну что молчишь? Хочешь узнать как я здесь оказался? Я кивнул, размешивая сахар и не поднимая взгляда.

– Не жди от меня интересного рассказа. Во первых не умею я складно сказывать, а во-вторых нечего здесь говорить. После отсидки, много лет назад, я купил эту квартиру у судебных приставов с их аукциона. Цена как раз подходила под мои скромные финансы, да и корешки зоновские в этом районе проживали. Так что не оставили в беде – подсобили чем могли. Отвлекся. Так вот... поговаривали, что до меня здесь проживала какая-то барышня, но за долги по обслуживанию, квартиру опечатали приставы и она ушла с молотка. Более конкретно что да как – сказать не могу. Да мне в принципе было все равно у кого покупать. Крыша над головой появилась и хорошо. Бог помог!

Мужчина посмотрел на меня и вздохнул.

– Не веришь? Хорошо. Сейчас поверишь.

Он вышел из кухни, долго рылся по шкафам и вернулся с черной папкой, откуда достал ворох бумаг и положил их

передо мной на стол.

– Вот Если сомневаешься – можешь проверить. Не липа. Все законно.

Честно говоря, я действительно не верил что говорит этот лысый. Однако лежащие документы свидетельствовали об обратном. То, что все находящееся здесь подлинно – не возникало сомнений. Научили за столько лет разбираться во лжи. Спасибо Захару. Но для достоверности я все же взял их в руку и пробежал глазами по написанному.

С каждой строчкой мое сердце сжималось и отчаяние тяжелым камнем опустилось на плечи.

Квартира действительно подлежала реализации из-за накопившихся долгов через продажу на аукционе, где этот кадр ее благополучно и выкупил. В нотариально заверенных документах ни слова не говорилось о том, что произошло с прежней владелицей жилья и из-за чего случилась такая ситуация. Я сдержал подступивший к горлу комок, глубоко вздохнул и отложил бумаги в сторону. Нет, мужик говорил правду. Это можно было сказать точно, не прибегая к помощи полиграфа. Но все же чувствовалась какая-то недосказанность, неясность, которая сама собой, как известно, развеяться не могла.

– Это все, что ты можешь сказать? – спросил я, прекрасно зная ответ.

– Конечно. Зуб даю! Было бы что еще – все выложил бы. Свои своих не бросают.

– Ладно, «свой», прости за вторжение. Пойду я.

– Так чего ломился?

Я обернулся и оглядев собеседника, сказал:

– Жена у меня здесь жила – десять лет назад, до того как меня за решетку упрятали – с детьми. Две девочки. Два и четыре года. Жену Мариной звали. Точно про таких не слышал?

Лысый наморщил лоб, вспоминая или делая вид, но потом отрицательно покачал головой.

– Нет. Точно нет. Ты б у местных спросил. Они тут изначально живут. Должны что-то знать.

– Да. Так и сделаю.

Уже выходя из квартиры, я задержался на секунду: посмотрел в открытую маленькую комнату, потом в зал.

– Тебя звать-то как, «брат»?

– Сергей.

– Ну бывай, Сергей. Может когда свидимся.

Подобрав с пола спортивную сумку со скудным тюремным скарбом, я вышел из потерянной квартиры и не желая вызывать лифт, стал спускаться по лестнице.

«Что за черт? Где мои дети? Где жена? Что вообще произошло за это десятилетие? Нет, конечно, я понимаю, мир меняется каждую секунду, но чтобы так коренным образом... Марина приходила ко мне и не раз, но потом ее визиты сошли на нет. Может быть это как-то связано? Спросить сторожил? Это точно не станет лишним».

Хотя времени еще было мало, но город уже готовился ко сну: фонари, не работающие в те времена – зажглись, придворовая улица опустела, изредка в окнах горел свет, а бродячие кошки и собаки вообще исчезли из окружающего пейзажа.

В «мерседесе» дяди Юры горел свет. Скорее всего туда удалилась вся шобла подъездных сабутыльников. Деградация народа государством была что в то, что в это время. Подойдя ближе, я остановился у двери фургона. Оттуда доносился пьяный смех и разговоры, наперебой перебиваемые друг другом. Послышался звук наливающейся воды и звон ударяющегося друг о друга стекла. Вдохнув, я постучал.

Вначале на это никто не обратил внимание, но после третьего раза раздался щелчок открываемого замка и за отъехавшей в сторону дверью показался сам владелец передвижного кабака.

– Данила? – искренне удивился тот. – Заходи!

Внутри находилось еще четверо, причем один из них спал на ветоши, в углу фургона. На складных стульях сидели: Олег, Алексей и Виталий. Последний как раз что-то активно доказывал своим товарищам, размахивая руками. Завидев меня, он остановил словесные изречения и оглядел с ног до головы.

– Данила, я уже думал, что не увижу тебя больше, – он встал и пожал руку. – Когда сказали, что тебя повязали и упекли за мокруху, я же не поверил. Вот годом буду, если

брешу. Все докажут. Думал – кранты – пожил паренек и все на смарку, ан нет – вернулся. Маринка тогда чуть с ума не сошла, да и дочки... да что тут вспоминать. Давай с нами, за встречу!

Он протянул мне стакан с прозрачной жидкостью и стал ждать ответных действий. «Угощение» я принял, но поставил его обратно на стол.

– Обижаешь! – покачал головой Виталий и предпринял вторую попытку всучить мне спиртное.

– Я согласен пропустить с вами по маленькой, если вы расскажите что случилось с Мариной и моими дочерьми!

Повисло молчание. Собирающийся что-то возразить мужчина осекся и сел, потупив взгляд. Олег стал разглядывать опухшие руки, Алексей отвернулся, а дядя Юра, раскачивающийся до этого словно тополь в штормовую погоду, вмиг протрезвел и шлепнулся на водительское сиденье. Я понял, что произошла какая-то беда и стал готовиться к худшему.

– Ну так что?

– Тут вот какое дело, – начал Виталик. – Ты сядь! Возьми вон в углу стульчик сложенный лежит. Так вот...

Мужчина залпом опрокинул свою порцию, зажевал долькой лимона, скривившись как от посещения стоматолога.

– Это... как так сказать... – не мог никак начать он.

– Скажи уж как есть, – заговорил Алексей.

– Нету больше твоей Маринки! – выдохнул мужчина, налил полный и влил в себя за один глоток. – Ты только сядь и

успокойся! Сейчас все расскажем, – и рука вновь потянулась к спиртному.

А я сидел, тупо уставившись на Сергея-дальнобойщика, «совершенно не замечая», что он намочил штаны от «хорошей жизни». Догадка оправдалась, но впадать в истерику желания не было, так же, как и сил. Оставалось только ждать, когда наконец мне разъяснят и расставят все по полочкам. *«Блин, Маришка, прости меня! Это я во всем виноват! Что мне в этот злосчастный вечер стоило отказаться работницам-выпивохам и с трезвой головой вернуться домой? Я повел себя как свинья... как пьяная скотина и дорого заплатил за свою выходку».*

Взяв со стола стакан с разведенным спиртом, я понюхал его, внутренне передернулся и поставил обратно. Затем посмотрел на мужчину, но тот лишь кряхтел и пытался что-то внятно произнести, но наружу вырывались лишь хрипы и мычания.

– В общем... умерла она! – заговорил Олег. – Выбросилась из окна. После того, как тебя приговорили к десяти годам «без суда и следствия», она впала в отчаяние, апатию – депрессию одним словом. Лишилась работы... Вскоре начались проблемы по оплате коммунальных услуг. Росли долги, пеня... В один «прекрасный» день пришли коллекторы взымать долги. Потом судебные приставы. Ювенальная юстиция отобрала детей, хотя мы помогали им чем могли. Я ведь помню Марину еще маленькой девочкой. Ей постоянно звонили,

приходили, угрожали... Она не выдержала всего этого и открыв окно на кухне – попрощалась с жизнью. Похорон не было. Тело забрали и кремировали без права выдачи родственникам. Да и кому было выдавать? Дети у ювеналов. Отца у нее нет. Мать тоже неизвестно где. Последний раз ее видели много лет назад в запое. Твой брат с подружкой – пропал. По ним уже наводили справки компетентные органы, но так ничего и не дознались. Сестра – в другой стране. Родители – окопались в области, да и запрет у них на выход за пределы участка. И не смотри на меня такими глазами! Тут много чего произошло, пока тебя не было.

– Считай, что попал в новую страну, – вставил свои «пять копеек» Алексей.

– Да, дела здесь у вас происходят.

Я залпом опрокинул стакан с горячительной жидкостью.

– Даже представить себе не мог, что страна преобразится за такой промежуток времени.

– Это еще что. Сейчас мы про вирус тебе расскажем, что последние годы бушевал по планете и заполз к нам... – начал было Виталий.

Внезапно дверь фургона отъехала в сторону и в открывшемся проеме появился полицейский. Круглолицый, крепкого телосложения... беглым, зорким взглядом он осмотрел помещение, остановившись на Сергее и командным волевым голосом произнес:

– Граждане – товарищи, предъявите билетики для осмот-

ра!

Я непонимающе посмотрел по сторонам. Алексей улыбнулся. Виталий хлопнул меня по плечу и сказал всеми известную фразу прошлого:

– Все, кина не будет – электричество кончилось!

– Что стряслось, сосед? – спросил Олег.

Усмехнувшись, он встал и подойдя к полицейскому, пожал ему руку.

– Приказ пришел сюда патруль отправить для осмотра. Так что «сматывайте удочки» и расходитесь по домам!

Потом осмотрел меня с ног до головы и добавил:

– Новенький?

– Старенький, – ответил за меня дядя Юра, выключая двигатель и собирая скромные припасы в пакет. – Жил еще до твоего сюда заселения. Теперь вот вернулся.

– Что местный – хорошо, не повяжут, иначе загреметь тебе в квадрокубы, что в Красном Бору. Так, пошевеливайтесь! Через пол часа они будут здесь. С этим что? – кивнул он на мирно спящего Сергея.

– Да ничего. Проспится – наберет мне. Спущусь – выпущу. Нечего его будить и волоком тащить до квартиры.

– Лады.

Полицейский развернулся и пошел к подъезду, из которого не так давно вышел я.

– Это Санек, новый жилец. Ты его не знаешь, – обратился ко мне Виталий, вылезая из фургона. – Появился уже после

твоего несчастья с мокрухой. Хороший человек. Нам по мере сил помогает. Вот и сейчас не дал беде случиться. Так, мужики, ко мне идем!

Вывалившись из «Мерседеса», я заметил висящего квадрокоптера в десятке метрах над головой и поинтересовался.

– Что за квадрокубы?

– Ты еще многое не знаешь. С нами пойдешь? Там бы и рассказал.

– Нет, спасибо, – скептически покосился я на торчащие из пакета баклажки с разведенным спиртом. – Как-нибудь в другой раз. К другу заскочу. Если удастся – переночую у него. А нет – найду где место.

– Если что ко мне приходи! Мы до поздна сидеть будем. Тем более после шести вечера – комендантский час. На улице светиться запрещено и эта висящая консервная банка тому доказательство, – тыкнул пальцем в небо Виталий. – Ну ладно, бывай!

Пожав руки бывшим соседям, мы разошлись в разные стороны.

«Вот ведь как бывает. Живешь себе живешь... семья, дом, жена, дети... а потом из-за какого-то случая... банальной оплошности – теряешь все!» Я перекинул сумку из одной руки в другую и прибавил шагу.

Заметно начало темнеть. Зажглись фонари. Улицы опустели. Лишь одинокие бездомные собаки с опаской поглядывая по сторонам семенили лапами по своим делам. Лю-

дей не было: ни бабулек, ежедневно устраивающих раньше вечерние прогулки перед сном; ни молодежи, собирающейся компаниями, распивающими пиво и травящими под окнами анекдоты, из-за чего приходилось выкрикивать с балконов нецензурные выражения призывая к тишине и порядку. Да ничего не было. Лишь механические вертушки, шумя моторами, проносились в вышине, дополняя нереальную картину происходящего.

«Кто бы мог подумать, что такое произойдет? Маринка...» Я сглотнул подкативший к горлу комок и ускорил шаг. *«Все из-за меня... из-за меня поганого. Откажись я от корпоративного приема коньяка – ничего этого в моей жизни не было бы. Теперь ее не вернуть!»* Слеза покатила по щеке, и я поспешно стряхнул ее. *«Гадство какое-то творится! Он должен знать что произошло. Где искать детей? Вся надежда только на него!»*

Прикрываясь темнотой домов, деревьев и машин, и хоронясь от пронсящегося в воздухе жужжания моторов, я добрался до нужного мне дома. Благо он находился недалеко от моего... бывшего моего. Квартиру я помнил наизусть. Да и как забыть (даже за все эти годы) лучшего друга, с которым прошел школу, армию, спецподготовку и недолгую совместную работу. *«Девятый этаж. Сто пятнадцатая квартира. Никто не забыт, ничто не забыто. Брат, главное, чтобы ты оказался дома... главное, чтобы оказался дома!»*

Проскочив подъездные ступени, я набрал на домофоне

нужную комбинацию и стал молить, чтобы он ответил. Десяток гудков ушли в пустоту. Наконец, в динамике щелкнуло и знакомый голос произнес:

– Кто нарушает комендантский час?

– Илья, открывай! Я вернулся. Дело есть.

– Данила? Господи, Боже мой, вот так новость. Заходи!

Противно запищало внутри и удерживающий магнитный замок больше не был препятствием для моего визита к однокласснику и сослуживцу одновременно.

Звонок в дверь, последние мгновения перед встречей...

– Да как же так? Ты бы хотя бы предупредил бы, когда откинешься... в смысле освободишься!

Мы сидели на кухне. Илья заварил в тюрке крепкий кофе (как раз такой, как я люблю) и теперь встал около плиты осматривая меня.

– Я чувствую себя новогодней елкой в магазине перед покупателем, – усмехнулся я. – Не надоело тарашиться? Или все еще не веришь, что я вернулся?

Мой одноклассник встретил меня доброжелательно, хотя немного и настороженно. В свое время я обратился к нему за помощью по поводу все того же ложного обвинения в «преднамеренном убийстве группы лиц». Но, как он тогда выразился: «не имеет достаточно полномочий повлиять на судебный процесс и уж тем более вытащить из-под следствия». Я все понимал и не обижался, а теперь и вовсе забыл про то дело к нему.

Его квартира оказалась обустроенной со вкусом. Оно и не удивительно. Подняться до начальника отдела и иметь убогие хоромы, которые как мне, к примеру, достались от родителей было бы не простительно. Нет, конечно, меня на такую должность никто не ставил, да и не поставит уже, но, если выбился в люди – нужно держать себя достойно. Его-то со счетов, в запас, никто не списывал!

Отличник с первого по одиннадцатый класс – каким я помнил друга, сумеет удержаться на любой должности, в независимости от того, что ему предложат. Ни капли не сомневаюсь, что это было не заслуженно.

Дорогая мебель на кухне и посуда говорили о том, что некие значимые переговоры проходят и в стенах дома и здесь, где сижу я, возможно, находился сам директор той службы, где он проходил по контракту. ФСБ считалось приближенной к правительству организацией и хотя многое говорить в слух не следовало (из-за прослушивания и ведения наблюдения за всеми без исключения ее работниками) я все же хотел поинтересоваться обо всем, что можно произносить.

– Ребята, к вам можно?

На кухню вошла «красавица-жена», как нахваливал свою вторую половину Илья. Он никак не признавался на кого из представительниц слабого пола пал его выбор, но сказал, что «это удивит». Так и вышло. Жена начальника отдела внутренней безопасности оказалась... Полина – еще одна наша

одноклассница. «И когда уже успели притереться друг к другу?» Интересно оказалось то, что в школьные годы они не переваривали друг друга, да и после выпускного не общались. Ан вон как все получилось. Любовь одним словом!

– Данила?

Девушка явно оказалась не готовой к такой встрече. К бабке можно не ходить. Это явственно читалось в ее взгляде.

– Илья сказал, что сейчас придет давний знакомый, но и словом не обмолвился, что это ты.

– Да, меня нигде не ожидали увидеть, – улыбнулся я, – даже в собственном доме.

Сказав специально такую фразу, я краем глаза стал наблюдать за их реакцией. Сослуживец потупил взгляд. Его жена явно занервничала, теребя край платья, в котором была одета.

– Ты это... извини! Здесь я тоже ничего не мог поделать, – начал оправдываться друг.

– Вот с этого момента давай поподробнее!

Разговор оказался долгим. Затянувшись на несколько часов он, тем не менее, не принес ясности. Илья постоянно юлил, многое не договаривал и все время озирался по сторонам, словно мы находились на улице и нас каждый мог подслушать. Да это и не удивительно. Я прекрасно знал про подобные уловки вышестоящего начальства. Подобное относилось и ко мне, когда я еще находился с братом на службе в этой организации. Нас постоянно проверяли и перепроверя-

ли, но было это скорее из-за присущей человеку болтливости. Работая в службе безопасности нужно постоянно держать язык за зубами и следить за всеми теми словами что могут произвольно вылетать во время разговора. Контроль был жесткий, но дело того стоило. Вот и сейчас, я видел, как мой закадычный друг мучается в нерешительности сообщить мне все и сразу.

Из беседы я мало что почерпнул для себя. Как и говорили соседи по подъезду, моя Маринка умерла. Она действительно лишилась работы, но не из-за депрессии и прогулов, как оказалось, а от самоизоляции, куда все население загнало «переживающее за них» государство.

Эпидемия случилась девять лет назад. Пришла, как многие считали, из азиатских стран, но это было заблуждением. По виду Ильи было ясно, что он точно знал, откуда что пришло, но в силу известных обстоятельств не мог мне это озвучить. Да я и не настаивал.

Людей всех загнали в панельные (или кирпичные – это уж кого куда) квартиры-коробки и запретили выходить на улицу, сообщая по громкоговорителям из полицейских машин, что собираться по двое и более – запрещено под страхом штрафов и последующих репрессивных действий. Вначале люди не верили в это и продолжали нарушать карантин. Затем, под нарастающие последствия вируса стали активно задействовать в операциях вооруженные силы, национальную гвардию (которую, кстати, как оказалось, специаль-

но создавали для этого) и всевозможного рода оперативников, включая вневедомственную охрану.

Вирус «КВ-45» косил прежде всего людей старшего поколения, причем не только в нашей стране, но и по всему миру. Пока якобы создавалась вакцина, он мутировал в «ВСВ-21», а потом в «ЗФ-6». Население умирало, как говорится «пачками» в арифметической прогрессии без видимых причин. Все министерство здравоохранения встало на уши, но ощутимых результатов это не принесло. Столица взяла на себя главный удар, но эпидемия затронула каждый город нашей необъятной Родины. Люди заражались от людей и передавали заразу дальше по цепочки. Инкубационный период длился две недели. Две недели живущая внутри человека зараза ничем себя не проявляла, но продолжала заражать всех вокруг себя. Правительство не смогло придумать ничего иного, как запереть людей по своим норам-квартирам.

Так вот. Закрывалось все, что могло закрыться: кинотеатры, кафе, бары, рестораны, театры, промышленные магазины, прачечные, дворцы культуры, цирки... Работали лишь продуктовые магазины, банки и аптеки. Государственные учреждения (за исключением больниц и поликлиник) перешли на онлайн – удаленную работу из дома. Крах цивилизации наступил через год подобного существования. Микро и малый бизнес умерли без возможности возрождения. Работодателям нечем было платить работникам заработную плату. Они прикрывали свою деятельность, отпуская людей в

свободное плавание на все четыре стороны и признавали себя банкротами.

Люди запирались в своих квартирах, переходя на домашнюю интернет-работу. Студенты и школьники – на дистанционное обучение.

Конституционные права и свободы оказались разрушенными. За неподчинение властям и нарушение возведенных запретов, люди наказывались без сожаления. Карательная машина правосудия была запущена со всей жестокостью. Ввели комендантский час. Работающим разрешалось пребывать на улицах с двенадцати дня до шести вечера. Не закрывшиеся магазины работали с часу до пяти. Людям давалось шестьдесят минут, чтобы они доехали до работы и столько же, чтобы они заперлись по своим коробкам и не высовывали носа.

Президент бездействовал, предоставив неограниченные полномочия в этой сфере региональным властям.

– Я помогал Марине насколько хватало возможностей, но ее нервы и жизненные силы не выдержали после того, как ювенальная юстиция, «борющаяся» за права детей однажды пришла к ней домой и забрала последнее, ради чего ей стоило жить – двух дочерей. Какие-то «доброжелательно» настроенные соседи накапали на твою семью, подав онлайн заявление, что у Марины нет средств к содержанию Киры и Вероники. На тот момент им было два и четыре года соответственно. Твоя жена молила, просила, угрожала... ничего

не помогло. Безжалостные органы опеки не внемли душераздирающему крику помощи и забрали самое ценное, что еще у вас осталось. Это и убило Мари. Она не выдержала и шагнула с окна своей квартиры. Так закончилась жизнь твоей супруги.

Мы все втроем потупив взгляд сидели за столом. Повисло тяжелое молчание. Каждый думал о чем-то своем и не желал разбивать тишину ненужными звуками. Наконец, спустя небольшое время, Илья продолжил:

– Что касается твоих детей – мне не известна их дальнейшая судьба. Знаю только, что они попали в распределитель ювеналов, но их контора в городе, насытившись людским горем и собрав обильную жатву ни в чем не повинных созданий, странным образом прикрылась. Куда пропало столько детей возраста от нескольких месяцев до восемнадцати лет, я не знаю. Информация оказалась строго засекречена и даже нет к ней доступа.

Сослуживец посмотрел вначале на жену, потом медленно перевел взгляд на меня и перейдя на шепот, произнес:

– Единственный, кто владеет знаниями и информацией – нами известный директор той службы, где я еще работаю. Ты был под его началом последний год перед тем, как «умные» люди из верхушки сослали тебя на раннюю пенсию и «позаботились» о твоей жизни.

Я залпом выпил содержание давно поставленного на стол бокала с дорогим коньяком и сделав глубокий выдох, отки-

нулся к спинке высокого стула.

– Значит ты пытаешься донести до меня, что я должен начать поиски дочерей с визита вежливости своему бывшему начальнику и...

– Я ничего не пытаюсь до тебя донести, – резко перебил Илья. – Да и вообще, ничего подобного я не говорил и говорить не собираюсь. Помогать не стану. Нет полномочий, да и своя шкура дороже. Сам выкручивайся. Тебе уже терять нечего... больше нечего, ну кроме оставшейся жизни. Хотя я считаю, что теперь ты в лепешку расшибешься, но сделаешь все возможное, чтобы вернуть дочерей обратно. Мой тебе совет – без них или лучше всего с ними, но стоит залечь на дно и не высовываться годик-два. А еще лучше вообще не попадаться на глаза. Никому. Никогда. Если выберешь путь отца тебя начнется охота и я не могу с уверенностью сказать, что выйдешь сухим из воды. Так что прости! Мне очень жаль.

Друг детства посмотрел мне в глаза и столько было там печали и скорби, что я не выдержал и отвернулся к окну, изумляясь опустившийся на город темноте.

– Дорогой, – разорвала тишину Полина, – ты не помнишь, во сколько сегодня придут к нам гости?

Посмотрев на наручные дорогие часы, он присвистнул и покачал головой.

– Да должны уже подойти. Думаю, с минуты на минуту появятся.

– Я понял. Спасибо за гостеприимство! Можно?

Не дожидаясь ответа, я взял начатую бутылку коньяка и пройдя в прихожую пихнул ее в глубокий карман куртки.

Илья не препятствовал. Да и не хотелось ему со мной связываться.

– Данила!

Полина остановила меня за плечо и взяла за руку.

– Пойми, мы не можем ничего сделать! Это не наша вина. Мы только-только встали на ноги и опускаться в ту мерзость и запустенье, что сейчас царит вокруг нам не хочется. У нас скоро будет ребенок и мы не имеем права подставлять его, помогая тебе. Все что могли – сделали – поделились информацией, но мы действительно ничего не можем. Пойми!

В ее глазах заблестели слезы. Я освободил руку и под недовольный взгляд Ильи обнял и поцеловал в щеку.

– Я-то как раз все понимаю и нисколько не держу на вас зла. Даже наоборот. Спасибо за все! Адрес твоего начальника прежний?

– Да, но тебя там уже будут ждать. Не думай, что сегодняшний разговор пройдет для тебя бесследно.

– Вот только не нужно угрожать.

– Да ни в коем разе.

– И пугать тогда тоже не стоит. Пусть боятся те, кто сейчас это слышит.

Одев куртку, я подхватил с пола сумку и, открыв дверь, вышел на площадку.

– Идти-то есть куда, – спросила Полина.

– Разберусь.

Не оборачиваясь, я дошел до лифта и нажал кнопку вызова.

«Интересно девки пляшут! Выходит, повязали меня в одном государстве, а вышел на волю я уже в совершенно другом. Потерял все, что имел... Хотя нет. Потеряю все, если не соберусь и не верну, кого еще можно вернуть». При воспоминании о дочерях, мое сердце сжалось и учабившийся пульс едва не вырвал его из груди. Я помассировал виски, пытаюсь быстро прийти в себя и тут почувствовал, что мой головной убор отсутствует. Простенькая шапка, выменянная на коробок спичек несколько лет назад, оказалась безнадежно забытой на угловой полке в прихожей Ильи. Тогда, «Одноглазый» Генка, передавая ее мне, сказал:

– Носи на счастье! Думаю, тебе она принесет удачу.

Так это или нет пока еще было не ясно. Да и случая проверить не выпадало, хотя я и носил ее практически не снимая.

Вернувшись, я уже собирался нажать кнопку звонка, как доносящийся изнутри квартиры шум и громкий разговор заставили повременить с этим и прислушаться.

– Заткнись, дура, тебе ли про это знать!

Хозяин квартиры разошелся не на шутку. Не хотелось сейчас находиться рядом с ним. *«Бедняжка Полина! Илья всегда был авторитетом и лидером в классе до самого выпускного. Почему он выбрал Полю? Это же как две проти-*

воположности».

Меня разделяла лишь одна-единственная металлическая дверь, поэтому при относительной тишине все сказанное внутри, тем более на каких повышенных тонах, было слышно.

– Служба отслеживает каждый наш шаг и знает все наши разговоры, а ты вот так запросто все выдаешь этому... бывшему другу!

– Молчи, женщина! Это не бывший друг, а мой сослуживец и наш одноклассник.

– И что из этого? Если он станет между мной и моей работой ему не жить. Он убийца! Ему не место среди нас!

– Он не убийца и ты это прекрасно знаешь!

– Ага, еще расскажи директору что собирал по нему информацию...

– Молчи!

Послышалась возня... По-видимому, Илья пытался закрыть Полине рот.

– Или ты сейчас же прикрываешь свой нежный ротик и начинаешь встречать подъезжающих гостей или я за себя не отвечаю. В последний раз, как мне кажется, ты здорово поплатилась за свои слова.

Девушка похоже согласилась, так как воцарилась тишина и оттуда больше не доносилось ни звука.

«Значит у них от меня тайны, а Илья пытался докопаться до истины в том темном деле о «тройном убий-

стве». *Что ж, шапка-шапкой, но возвращаться я туда не стану. Достаточно было услышано. Выходит, так нужно, чтобы она осталась у него дома».*

Отойдя от двери, я услышал шум приближающегося лифта и пришлось быстро удалиться в противоположную сторону – самый дальний и темный угол лестничной площадки. Благо коридор в двенадцатиэтажки Ильи был длинный и не все лампочки освещали пространство.

Раздался скрип открывающейся грузовой кабины лифта и оттуда вышло семь человек: пятеро мужчин и трое женщин. Разговаривая о своем, они подошли к двери Ильи, позвонили и тот гостеприимно впустил их внутрь. *«Ха. Посиделки в режиме самоизоляции. Ну, этим-то можно. Власть имущие и не на такое способны».*

Выйдя на небольшой балкончик, я предварительно посмотрел вниз на дворовую территорию. У подъезда стоял пассажирский «Форд» на десяток человек. Водитель, выйдя из душного автомобиля озирался по сторонам, держа в зубах сигарету и нервно обшаривая карманы в поисках огня. Не найдя ничего подобного, он посмотрел на часы, вскочил в машину и скрылся за поворотом.

«Вот и дорога освободилась. Нет, все же это волшебная шапка. Прав был Генка. Выйдя я на улицу минутой раньше, меня бы повязали за милую душу. Тогда бы не помог даже Илья. Есть Бог на свете!»

Беспрепятственно покинув многоэтажку, я прикинул воз-

возможные варианты продвижения и выбрал по моему мнению, самый безопасный и близкий. Друг отца – дядя Саша жил в следующем доме за нашим. Это был последний человек к кому можно было обратиться за помощью. Не то, чтобы у меня не хватало товарищей. Просто не было к ним доверия. Я шел погруженный в свои мысли, обдумывая слова Ильи и их ссору, когда прямо на меня из-за поворота вырубил ночной патруль. Что им было делать во дворах нашего района – оставалось непонятно. Видимо приказ жесткого соблюдения карантина касался всех без исключения улиц.

Нацгвардеец, полицейский, кружащий рядом с ними дрон и низкорослый робот, катящийся на трех парах сдвоенных колесах. Я подумал, что пока не нужно проявлять агрессию и стоит попытаться урегулировать ситуацию мирным путем. Хотя, прикинув приблизительное время и присвистнув, я понял, что мирным путем здесь не разберешься. По всем минимальным подсчетам выходило глубоко за полночь. Значит стоило готовиться к худшему действию.

– Стоять! – став на моем пути, выставил вперед руку полицейский. – Вам следует предъявить штрих-код причины выхода из дома в это время. И она должна быть действительно уважительной.

Привычным жестом я достал приписную бумагу и передал стражу порядка.

– Вот, домой иду.

– С утра самого? – с недоверием осмотрел меня крепкого

телосложения детина. – Больше двенадцати часов прошло. Не порядок! Андрей, проверь, кто это вообще такой!

Нацгвардеец вытащил из кармана некий миниатюрных размеров прибор и наведя его мне на лоб, нажал кнопку. В нем что-то щелкнуло, замигало и на дисплее засветилась надпись.

– Толян, у него и штрих-кода с данными нет!

Мужчина схватил мою правую руку, развернул ладонью вверх, оголив запястье и щелкнул его. Прибор выдал ту же самую серию звуков.

– Имплантированный чип отсутствует.

– Ну что ж, гражданин неизвестный, будем оформлять задержание.

– Не нужно ничего оформлять. Вот мой дом – у вас за спиной, в сотне метрах отсюда...

– Поздно, – перебил полицейский, – по новым правилам переоформление в крипто-кабинах должно происходить не позднее шести часов по прибытии, а у вас вдвое больше уже прошло.

Он снял с плеча рацию.

– Фургон с биометрическими снятиями данных в восьмой микрорайон. У нас неандерталец. Кто знает откуда такой свалился. Проводим дознание. Помощь не требуется, – и затем уже, глядя на меня, повесив рацию обратно, проговорил в пустоту, – дрон, неандертальца под конвой. Дроид, разьясни ему его права и соверши удержание!

Дрон завис над нами в десятке метрах, как я полагая конспектируя все происходящее на камеру видеонаблюдения. Да и нашпигован он был разными штучками. Так что не удивлюсь, если у него в арсенале окажется мини пулемет прицельного действия. Андроид подкатил ко мне, скрежеща металлическим голосом и из открывшегося окошечка выехала рука-манипулятор явно намереваясь окольцевать меня на запястье. Дурацкая идея. Тем более никакие штрих-коды с цифрами малоприятного зверя я не собирался наносить на лоб.

Для меня все далее происходящее растеклось словно в замедленной съемке. Вряд ли стражи закона поняли, что произошло.

Ударом ноги я оттолкнул от себя сократившего расстояние дронида, отчего тот отлетел назад и завалился на спину. Пока патруль ошалелыми глазами смотрел на меня, я переместился к нацгвардейцу и кулаком в нос напрочь отбил у него охоту связываться со мной далее, уложив его на землю.

Полицейский выхватил пистолет, но я ребром ладони по запястью выбил оружие и вспомнив что произошло с женой, точным ударом в висок вышиб дух, уложив рядом с первым патрульным.

Поднявшийся андроид вновь покатил на меня, но я знал, как с ним поступить. Шейные механизмы и их крепление головы к остальному туловищу всегда были слабым местом подобных роботов. Просто об этом мало кто знал, а мне дово-

дилось разбирать подобных, когда они еще только-только собирались внедряться в общество. Недолго думая, я схватил его за голову и резкими движениями вправо-влево сломал важные крепления. Затем перевернул ее на триста шестьдесят градусов и нажав под слуховой панелью определенную часть, с трудом отделил голову от всего остального металлического организма. Размахнувшись и прикинув расстояние, я швырнул металл в воздух, ухитрившись сбить низко зависший квадрокоптер. Тот, зашипев, рухнул в близко растущие кусты.

В надежде, что подобного зверства с моей стороны никто не заметил, я быстро сорвал рацию с плеча полицейского, заглянув в кусты и порывшись в металлоломе, вытащил блок с памятью, отвечающий за видеосъемку из превратившегося в рухлядь летательного аппарата. И уже бегом покинул место преступления.

Запоздало подумав, что в андроиде мог находиться подобный блок, я не стал возвращаться, прикидывая сколько потребуются времени для приезда фургона с крипто кабиной, берущей биометрические показатели. *«Главное, чтобы в железках не было онлайн видео трансляции всего кругом происходящего. Иначе плохи будут мои дела. Тогда им вычислить мое лицо и передвижение по городу с помощью наштабированных везде видеочамер не составит труда».*

Лифтом решил не пользоваться. Влетев по ступеням на девятый этаж, где жил дядя Саша, я вышел на меж коридор-

ный балкончик и осмотрелся.

Открывшийся лифт заставил остановиться. Из него неожиданно вышел сам дядя Саша, к которому я стремился попасть и уставился на меня изучающим взглядом.

– Данила? – наконец осознал он кто находится перед ним.

– Да, дядь Саш, я к вам, ненадолго. Если позволите переночевать – буду рад. Завтра утром уйду и никоим образом не потесню вас больше.

– Да о чем речь! Конечно можно! Сколько лет-то прошло! Пойдем, есть у меня коллекционная бутылочка виски. Как раз пригодилась на такую неожиданную встречу.

В квартире дяди Саши был полный разгром. Как он сам объяснил – ремонт шел полным ходом, вот только денег не хватило. Кроме него здесь никого не оказалось. Жена с дочерью уехали к теще в область вдали от города переждать неприятности. Но неприятности растянулись надолго.

Взяв с нетронутой ремонт полке рамку с фотографией миловидной девушки, я безошибочно определил, что это Анастасия – дочь дяди Саши. Когда-то давно в самом детстве мы всей семьей пришли к ней на пятилетие. Помню отец тогда устроил своего лучшего друга на новую работу, где уже долгое время работал сам – в епархиальное управление. Дядя Саша в то время, как раз искал работу и без раздумья согласился на предложенную. В последствии он никогда не жалел о подобном шаге и часто из-за этого дарил нам подарки.

В зале стоял один-единственный длинный стол с навален-

ной на нем компьютерной техникой: компьютер, ноутбук, принтер, сканер, ворох плат, шлейфов, кабелей и другого барахла. Явно мужчина сменил свой образ жизни или повысил квалификацию на работе.

– Тебе определенно повезло, молодой человек, – сказал он, доставая из нижнего ящика стола упомянутую бутылку виски и разливая в пластиковые одноразовые стаканы. – Приди ты минутой ранее и остался бы с носом. Я как раз в это время был у соседа сверху – представляешь, затопил меня паскуда. Прихожу вчера, а с потолка льется как с дырявого корыта. Я к нему – здорово накатал по физиономии. Шланг подачи воды у машинки стиральной разорвало! Вот сегодня за компенсацией морального ущерба ходил.

Мы чокнулись. Он залпом выпил, занюхав рукавом, а я лишь пригубил из уважения и поставил обратно.

– Да что же это я все о себе и о себе, – спохватился Александр. – Ты-то сам как? Давно откинулся... в смысле освободился?

– Утром.

– И что же так долго до меня шел? – с укором покачал головой.

– Дела были. У вас тут все изменилось. А я думаю дай домой зайду... а дома – того... как оказывается уже нет!

Мужчина глубоко вздохнул, заглянул мне в глаза и не предлагая больше составить компанию, налил полный стакан и залпом осушил его не поморщившись.

– Дома значит был?

– Ага.

– Про жену знаешь?

– Знаю.

– Я покажу тебе, где ее могила.

– Буду признателен.

Он налил еще.

– Вероника и Кира... мои дочери... о них есть у тебя информация?

Поперхнувшись воздухом, дядя Саша закашлял, вытер выступившие на глаза слезы и зажевал все это дело долькой лимона, выуженного из другого ящичка стола.

– Дети говоришь? Здесь все намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

– Я пока никуда не спешу, если же вы меня не выгоните на улицу.

– Бог мой, о чем речь, конечно же нет! Оставайся здесь столько, сколько тебе потребуется. Я предвидел этот наш с тобой разговор, поэтому часто прокручивал в голове предполагаемые ответы, но к подобному невозможно хорошо подготовиться. Извини, я волнуюсь. Все так неожиданно!

– Понимаю. Успокойся! Начни издалека. Расскажи вначале про работу, про бывшего начальника моего отца – Ивана Михайловича, энергетика Антона, программиста Василия... про них отец много рассказывал историй. Я послушаю, а потом и то расскажешь, что сложно тебе дается.

– Хорошо. Так и поступим, но сразу предупреждаю – рассказчик из меня никудышный.

Он еще раз хлебнул из стакана и, икнув, начал рассказ:

– Все началось неожиданно. Буквально за один месяц все новостные телеканалы заполнились пугающими событиями распространения новой, чудовищной пандемии, от которой еще не придумали вакцины и не существовало спасения. Люди умирали тысячами по всему миру. Вначале пострадали азиаты, потом запад и страны ближнего зарубежья. От вируса негде было укрыться. Наш президент и ближайшие его помощники разработали ряд мер, благодаря которым эпидемию если и не удастся укротить, то приостановить ее развитие – точно. Они издали законы, запрещающие: выходить на улицу и собираться людям толпами, удалили всех на домашнюю дистанционную работу и обучение. Закрыли до восьмидесяти процентов магазинов, полностью прикрыли деятельность культуры, спорта и туризма. На улицу можно было лишь выйти в ближайший магазин, аптеку или банк. Вскоре у людей закончились деньги из-за повсеместной безработицы. Они вначале бунтовали, но полиция, нацгвардия и воюки быстро закрыли всем рот. В городе, да и во всей стране стало процветать мародерство, кражи, убийства... За кусок хлеба могли легко лишиться деньги. Вот после всего этого и стало так, как ты видишь сейчас. На въездах-выездах из городов поставили кордоны. Патрули усилили дронами и андроидами – новейшими разработками из научно-исследо-

вательского института – детище нашего премьер-министра. Людей загнали по квартирам-коробкам с правом выхода до магазина. Врачам, наделенным небывалыми полномочиями, баснословно добавили зарплаты и заставили выявлять у небольных вирус и убирать всех неугодных государству в изолированные боксы – «изобоксы» по-другому.

Не обошли репрессии и церковь. Священникам запрещалось проводить какие-либо службы или таинства с людьми под страхом немедленного закрытия и обложения как минимум штрафом, а то и помещением самих священников под арест на долгое время...

В общем вся система жизни людей, их уклад, их вера и надежда на безоблачное будущее рухнули.

Дядя Саша включил компьютер.

– Под шумок, церкви, храмы, монастыри и часовни переоборудовали. Многие закрыли. В тех, что еще остались поставили многочисленные терминалы по обслуживанию населения. Они принимали виртуальные пожертвования на любую религию, на любую икону и любую свечу.

Александр зашел в галерею фотографий и выбрав нужные стал их демонстрировать.

– Сейчас нужно всего лишь подойти к терминалу, выбрать нужное религиозное течение, затем икону, которой хотел молиться, количество и вид свечей и время, которое они будут виртуально гореть. Все это оплачивается введенными недавно криптоинами – безличными деньгами, свободно гуля-

ющими на просторах интернета и вай-фай соединений. Священники упразднились. Службы тоже. Все таинства проходили на дому самоизоляции людей за отдельную плату. Поговаривают, что вернулся натуральный обмен, но я этого не знаю. Тот мир, который ты знал, больше не существуют, Данила.

Фотографии все так же менялись на компьютере, а я все больше входил в уныние. *«Это же надо, сколько я всего проморгал – закат старой и рождение новой эпохи. Там, где я пребывал ни о чем подобным не говорилось. А вот что оказалось на самом деле».*

– Иван Михайлович – бывший начальник твоего отца ушел с работы по возрасту, передав правление мне. Теперь я отвечаю за хозяйственное обслуживание соборного комплекса на Соборной Горе. Там только что и осталось, что следить извне за чистотой и порядком. Антон все так же является главным энергетиком епархии, но перенесенный третий инсульт говорит о том, что нам придется вскоре искать ему замену. Программист Василий – хороший человек – часто приходит ко мне в гости. Если бы не он, я бы никогда не разобрался в скоплении всех этих проводов и плат. А так... что мне еще тебе сказать? Ты словно неандерталец, выбравшийся из спячки и теперь смотрящий на мир изумленными, широко открытыми глазами.

Да и было от чего. В уме просто не укладывалось все происходящее. *«Значит правительственной верхушке ну-*

жен был полный контроль над обществом, и они его получили, судя по невольно собранным мною данным. Но как все это допустил президент и уж тем более патриарх? Мы же все-таки не какая-нибудь африканская отсталая страна. У нас в крови православие и борьба с иноверием, а теперь вышло так, что мы поклоняемся терминалам с пиксельными иконами, верим в виртуальные криптовалюты и оказались в отчуждении за четырьмя стенами без права покидать их по неуважительной причине. Бред какой-то. Сказал бы кто раньше, что произойдет такое, я покрутил бы у виска и посчитал такого человека недалеким умом. А теперь все живут подобным образом, и никто не ропщет, предпочитая отсиживаться на изоляции, чихать на проблемы других и общества или вовсе заливать зенки огненной водой, как мои бывшие соседи».

– А что же случилось с женой и детьми? – наконец задал я мучающий меня вопрос.

Словесные излияния дяди Саши прекратились. Он глубоко вздохнул, налил еще виски и залпом выпил.

– Да, я чувствовал, что когда-нибудь мне придется тебе про это рассказать. После твоей такой неудачной оплошности со спиртным, она осталась одна без помощи и денег. Приставы отобрали квартиру, перепродав ее новому, недавно появившемуся соседу. Ювеналы забрали детей. Сама она не выдержала подобного и выбросилась в окно. Если будет нужно, я покажу тебе ее могилу...

Дальше я его не слушал. Мужчина еще много чего говорил, но уже не хотелось вслушиваться в его речь, да и сил не было. Прошедший день настолько истощил мои силы, что хотелось лишь утолить буравящий внутри голод и завалиться спать, отрешившись от всех проблем.

– Дядь Саш, где у тебя можно разместиться? Я приму душ, перекушу и лягу, если можно.

– Да-да, конечно. Отдыхать будешь в комнате Насти! Она за стеной – самая маленькая – не ошибешься. Тем более уже бывал здесь в детстве. К тому же она единственная не тронутая ремонтом. Там же найдешь полотенце и все остальное. В общем разберешься. Еда в холодильнике на кухне. Завтра планируется надстройка соборной стены. Мне тут нужно проверить все сметы, да и чертежи стоит сравнить...

Перекусил я неспеша, обдумывая все сказанное. Нужно было срочно разыскивать дочерей и валить из этого города. Куда? Да куда глаза глядят. Потом разберемся.

Приняв душ, я завалился на кровать и тут мой взгляд упал на стоящую в рамке фотографию Анастасии – дочери дяди Саши. Милостивая красавица лукаво смотрела на меня широко улыбаясь и мне чувствовалось, что вся моя планируемая авантюра должна сработать.

Так я и уснул с фотографией на груди и с почти выстроенным неким подобием плана уже начавшим разворачиваться в голове.

Рассвет я застал уже в пути. Не став трогать гостеприимного хозяина квартиры, развалившегося в объятии бутылки рома на стоящем в зале диванчике, я выскочил на еще не прогретую лучами солнца, улицу. Мой путь лежал до бывшей работы в «Магнитке». Стоило узнать, как там трудятся бывшие коллеги. Может удастся еще почерпнуть что-то новое.

В такие ранние часы город еще больше казался на осадном положении. Не было ни души. Только около школы я увидел выстроившуюся, держащую расстояние в полтора-два метра очередь. На меня смотрели как на явившегося посланца из космоса. Шарахаться в стороны не шарахались, но округлившиеся в недоумении глаза говорили за своих владельцев.

– Детей совсем нечем кормить. Уже перловку с сечкой готовы жевать...

– Да разве так выжить?

Эту поддержку детей мы две недели растягивали. А дальше как? Что есть? Хотя бы дважды в месяц сухпайки давали бы...

Люди много чего говорили стоя в очереди, но накатившие личные проблемы и моя скорость движения не могли выслушать всех и дослушать до конца то, что они произносили.

Выходило, что государство вроде как и помогало, но в недостаточном объеме, из-за чего каждый стоящий в очереди был недоволен и зол сложившийся ситуацией. Особенно бедственное положение было у матерей-одинок, потеряв-

ших работу и вынужденных жить на подачки государства. А государство, как известно, мало давало просто так. Не в силах сделать ничего большего, им только и оставалось, что обсуждать сложившуюся критическую ситуацию с остальными.

Шел я преимущественно дворами. Наученный предыдущим опытом, прежде чем выйти на пустынный участок дороги, я долго осматривался по сторонам и только когда убеждался, что путь свободен – продолжал движение.

Чтобы не выделяться, я «одолжил» у дяди Саши (ну не будить же его в такую рань из-за какой-то маски) одну из многочисленных одноразовых масок. Они грудой лежали в коридорчике перед входной дверью в индивидуальной упаковке вместе с такого же цвета перчатками.

Предположив, что Александр не обидится за пропажу одного комплекта из своей обширной коллекции (интересно и для кого собирал), я выбрал синюю маску с такими же перчатками и одев, стал похож на ниндзя из одного старинного фильма. «Смертельная битва», кажется, он назывался. Осмотревшись в рядом висящее зеркало и оставшись довольным от увиденного, я оставил на столе записку хозяину квартиры. Собирался ли я туда еще возвращаться? Да кто знает как повернутся ближайшие события, но что-то подсказывало, что очень скверный ожидается расклад.

Оказавшись у крайнего дома с примыкающим к нему колбасным магазинчиком, за которым раскинулся громадный пустырь, мне пришлось остановиться и спрятаться под навес.

Прошумевший моторами квадрокоптер, пролетел в тройке метров над тем местом, где я схоронился. Как-то совсем забыл про эти летающие механические создания. Прикинул расстояние до следующего дома и призадумался.

Бегом выходило не так уж и много – минута, две. Но то бегом. Этого делать совсем не стоило. Неизвестно, как отреагирует искусственный интеллект у летающих железяк. Вполне вероятно, что крайне отрицательно. Надеяться на то, что они меня не заметят – тоже было бессмысленно. Роботы – не люди. Они видят все! Тем более и андроидов (даже в такое раннее время) хватало. Не все они принадлежали простым обывателям, как поведал дядя Саша. Многими, инкогнито, через центр навигации, управляли программисты-полицейские, сидя на уютных креслах на работе. А вот попадаться к ним – ой, как не хотелось. На мне уже висело обвинение в нападении на патруль – куда уж больше. Слава Богу, закон об обязательном ношении масок способствовал моему более-менее расслабленному состоянию.

Выглянув за угол, я, можно сказать, нос к носу столкнулся с летающим всевидящим оком правосудия. То, что эта железяка принадлежала полиции не вызывало никаких сомнений. Своей вращающейся камерой, словно не мигающим глазом, она смотрела на меня и обдумывала план дальнейших действий. Ну, то, что она «думала» – это вряд ли. Скорее всего думал оператор, управляющий этой штуковиной. Обалделый моей наглостью он, наверное, решал какую кару для ме-

ня выбрать, хотя подобные ситуации давно стали для них не в новинку.

– Вы нарушили режим самоизоляции, – раздался голос из встроенных динамиков. – Оставайтесь на месте до приезда ближайшего патруля! Все попытки уйти от правосудия будут расцениваться как неповиновение и жестоко называться. Снимите маску, сделайте два шага назад, опуститесь на колени и положите руки за голову!

«Вот, блин, жизнь настала. Концлагерь какой-то. Отой-ти от дома уже проблема. А вот хрен вам! За прошлые испорченные квадрокоптер и андроид меня точно по голове не поглядят, так зачем останавливаться на достигнутом?»

Схватив зависшую железяку, я от всей души саданул ее о стоящий рядом столб, разнеся ее на части и побежал. Где-то позади послышался нарастающий вой сирены. Ближайший патруль действительно оказался близко.

Не знаю, заметил меня кто или нет, но это было и не важно. Отделяющее расстояние до следующего скопления домов, я пробежал за десятков секунд. Не помню уже когда в последний раз покорял стометровки, но за эту точно получил бы первое место. Бежал так, что, как говорится, «пятки сверкали». Юркнув в открытую дверь ближайшего дома, я плотно закрыл ее и осмотрел то помещение, в котором оказался.

Моему взору открылась... пивнушка. Вот уж не думал, что подобные заведения сохранились. В ней оказалось с де-

сяток синюшного вида посетителей и такого же бармена, за подобием барной стойки. За подобием барной стойки, силящихся разглядеть меня получше своим заплывшим взором. Мне не оставалось ничего другого, как подойти ближе, поднять валяющийся, «наладом дышащий» стул и сесть.

– Водки!

Совдеповский декор совершенно ничем меня не поразил. Таких питейных, по городу, сотни насчитывалось, еще в те времена, когда я работал в «Магнитке». Уж не знаю сколько сейчас, но, думаю, немногим меньше. Контингент подобрался соответствующий – синеносые мужчины лет под пятьдесят, заросшие щетиной, с сальными волосами и осоловевшим взглядом. Мое появление в их обиталище не произвело никакого впечатления. Всем, похоже, было параллельно на новенького.

– Водки? Это можно.

Бармен, если можно так сказать про стоящего напротив меня человека, достал из-под стойки графин с граненым стаканом и наполнив последний до краев, протянул вперед. Затем рядом положил батон со шпротиной и листиком петрушки сверху – аналог качественного бутерброда.

– За счет заведения. Новому клиенту.

Глянув куда-то сквозь меня немигающим взглядом, он улыбнулся, показав полностью сгнившие зубы и сел.

«Вот уж действительно довели страну».

Залпом опрокинув в себя горячительный напиток, я за-

гасил бушевавшее внутри пламя бутербродом и на секунду расслабился, позволяя ушам впитывать разливающуюся информацию.

– Ты представляешь, я же... это... ик... только на балкон вышел, а они... того... из этой железной квадротарахтелки – вернитесь в запой немедленно!

– Да что там... меня на улице поймали. Хорошо водка спасла – сказал: *«командир, трубы горят, срочно лекарство нужно»!* Так... ик... пошел на уступки – проводил до дома – биометрию только списал.

– А что нам еще делать? – слышалось с дальнего угла. – Работать нельзя, подрабатывать тоже... ик... в парке гулять... да на улице просто дышать – и то нельзя!

– Столько лет пить не каждый выдержит...

– Были бы еще деньги...

– Я тут подсчитал... правительство сто шестнадцать раз обращалось к нации о продлении режима самоизоляции... Давай еще по маленькой!

– Карантин... в гробу я его видал... правительство сидит в особняках и виллах, а тут на кусок хлеба не наскребешь... Мне тоже плесни!

– Детей жалко!

– Да... детки – в клетке. Ну что, вздрогнули?

– Да ладно еще в клетке. У моих знакомых уже из трех семей ювеналы отобрали! А куда их потом?

– Ясное дело – на органы власть имущим наследникам.

– Это-то понятно... ик... просто я... просто... просто...
Тьфу ты, на языке вертится, а сказать не могу. В общем их это самое... вначале за город отвозят, за колючую проволоку – опыты, значит, проводить. Кто выживет – расход на органы. Кому не повезет – что ж, не велика потеря, у нищего народа еще можно отобрать... Да ты не жадничай, до краев лей, еще возьмем!

– Сам-то откуда знаешь... ик...

Говоривший перевел дух, занюхав рукавом и чувствуя себя оратором, продолжил:

– Так это все раньше знали, а потом неудобных, кто много выступал и языком, как помелом, про это чесал – того – на тот свет... ик... У них там база или... что-то огороженное стоит. Тарелки эти... да не летающие, не перебивай меня! Спутниковые! Во. Все поле усеяно. А база под землей, чтоб в глаза не бросалась.

– Бреешь, – слышалось из-за другого столика.

– Да ей Богу не вру.

– Сам синяк – синяком, а дело говоришь, – высказался кто-то из-за другого столика. – Место то припоганейшее. Зять мой силовиком был... тем еще... ик... силовиком, старой закалки. Они в тот год людей собирали и против «Системы» пошли. Ни один назад не вернулся!

– Добрая им память.

– Выпьем за них!

– Наливай!

– Да наливай, а не разливай!

– У меня тоже сын в участке был. Их много также работу оставили и все, никто не пришел обратно. А потом в их семьи ювеналы вторглись... ик... забрали детей у кого какие были и... а, что про это говорить!

Послышался плач, но он потонул в шумном разговоре.

– Разбирают там детишек наших по винтикам и продают!

– У тебя-то внуки откуда? Сам же говорил, что детей даже нет!

– А я образно, про всех... ик... наших детей вообще. Не наша эта страна стала, не наша!

– Верно говоришь!

– Тебе бы... ик... от всего народа к ним обратиться!

– Да куда уж. Был тут один выскочка. Все правительству прошения строчил, законом прикрывался. Как же, юрист, ученый... И че?

– И че?

– Забрали – якобы где-то вирус этот поганый подхватил. А он сиднем дома сидел и кляузы катал... ты давай лучше наливай...

– Так и что с ним?

– Что, что... да ничего – под нож пошел.

– Под нож?

– Как это?

– Его к этой адской машине подключили...

– ИВА?

– Именно. К ней поганой. Горло ножичком перерезали, трубку в глотку вставили и все. Лежал ни жив ни мертв. И где его вся писанина? В помойке. Не нужны «Системе» те, кто много знает, закону научен и на равных спорить может.

– Да, машины ИВА те еще убийцы. У гестапо газовые камеры были... ик... лей! Так верх гуманностью теперь кажутся. Это же подумать только – все неуютное население под нож пустить!

– В Красном Бору даже спеццентр построили за месяц чтобы ненужных изничтожать...

– Мою жену туда увезли. Она в депутатах ходила, в думе сидела... да куда же ты льешь, руки твои окаянные? Через край уже все полезло!

– Так ведь заслушался.

– Заслушался ты... Отдай бутылку, а то изведешь все, как поганец какой...

– Ты говори, что с женой-то стало!

– А что говорить? Не стало ее, вот что с ней стало. Против ювеналов она была, против биометрии, против криптокабин и виртуальных денег, чипов-имплантантов и прочей иноземной мерзости. Прикатил «белый воронок» и отобрал ее у меня. Навешали несуществующих диагнозов и под нож. До сих пор все перед глазами стоит, как позвонили с Красного Бора.

– Пухом ей земелька!

– Да, тихая, райская, за и загробная жизнь!

– Вздогнули?

– Вздогнули.

– Не чокаясь.

– Стоя.

Весь синий, шатающийся народ поднялся вместе со мной из-за своих мест, разом махнув в рот содержимое своих емкостей и уселся обратно. Я только подивился – когда бармен успел наполнить мой стакан.

Кивнув на прощание и кинув на стол полтинник (бедный скудный запас, оставшийся от той, прошлой жизни – благо в тюрьме никто не тронул мои пожитки), я направился к выходу. При любой другой ситуации, я, конечно же понаблюдал бы как выпучились у бармена глаза и отвисла челюсть, когда он вертел в руках мою купюру, но сейчас было не до этого.

Мой путь до «Магнитки», всегда занимавший не более двадцати минут, на сей раз непредвиденно увеличился в разы из-за творящегося вокруг беспредела. Я петлял через знакомые дворы, пересек дорогу, выйдя к «Ледовому дворцу» и тут пришлось остановиться, ища обходной путь или, хотя бы, укрытие.

В сотне метрах, у храмовых ворот, куда мы с братом и родителями ходили на службы каждое воскресенье, стояла полицейская машина с включенными проблесковыми маячками. Рядом – двое самих блюстителей порядка, с автоматами на плече, а чуть дальше в стороне – у подножия ступеней храма, трое нацгвардейцев тащили упирающегося свя-

ценнослужителя.

Его изодранная ряса говорили о долгом противоборстве, но исход был понятен без дальнейшего досмотра чудовищной картины. Чем провинился священник и можно ли ему было помочь я не стал гадать и узнавать, а обогнул «Ледовый дворец» с другой стороны, перебежал через пустынную дорогу и прикрываясь деревьями и кустарниками, стал двигаться к улице Шевченко, где располагалась моя давно забытая работа.

«Что же это получается? Государство подставило под удар своих же собственных граждан лишив их права голоса, свободы и равенства? И что это за созданная «Система», которой все боятся? Здесь нужно конкретно поразмыслить, куда в очередной раз вляпалось человечество. Из всего услышанного выходит, что правительство установило карающий режим для всех попыток оказаться вне дома без уважительной причины. Под видом страшного вируса, оно снимает с каждого биометрические данные и вживляет чип-имплантант, созданный для контроля и безоговорочного подчинения человека, находящегося в этой самой системе. Что это значит? Да любой шаг влево или вправо от установленных той же «Системой» правил жестоко наказывается в виде приостановления поступлений криптовалюты, медицинской помощи и ограничения свободы передвижения. Всех бунтовщиков уже покарали, а те, что остались – носа не показывают из своих нор. Очень удобная за-

щита от вируса – находиться дома и не собираться более двух человек. Бунтов устроить нельзя. Восстаний тоже. Все массовые скопления людей (посредством чипа и встроенной геолокации) моментально выявляются и разгоняются, а зачинщики беспокойства – отсылаются немедленно в клинику с диагнозом зараженного вирусом. Очень удобно, однако. Провинился, нарушил дисциплину, приехал этот их новый «белый воронок» и даже если ты здоров, тебя запи-сывают в больные и немедленно изолируют в карантинный бокс. Там подключают к аппарату искусственной вентиляции легких и все – ты овощ или фрукт. Кому как нравится. Делай с телом что хочешь. Либо умерщвляй по добровольно-принудительной эвтаназии, либо расчлени и на органы продавай. Иного не дано. Родственникам можно сказать – не выжил. Вирус убил. Кто проверять будет? Вскрытия вряд ли сейчас проводят. Врачи заодно с правительством. Силловые структуры тоже. Пожаловаться некому. Вылечить или хотя бы сказать правду – тоже. Вот и трясется в страхе население. Забывается в свои клетки-коробки в многоквартирных домах и только оттуда пытается огрызнуться в виде поста на интернет-страничке, лайка под понравившейся фотографией или цитатой или ничего не значащего комментария.

Другая половина дружно ударилась в запой и им, по большому счету, совершенно все равно что происходило кругом. Их не интересуют новые законы и правила. Для них счастье

в копеечном содержании своей жизни и утопание в алкогольном смраде. Если они и остались живы после всех репрессий, то только потому, что «Система» оставила их на «закуску», как безобидных, в плане проведения мятежа и стычек с карательными органами, легко подчиняющихся воле высших сил, индивидуумов.

Создание ювенальной юстиции еще в мое детство вызвало много скандальных хроник и пикетов родителей, но теперь первым полностью развязали руки и они в аркан взяли последних. Естественно, любая мать или отец ради своих детей пойдут на все. Этим-то и пользуется «Система». Она манипулирует ситуацией беря под контроль и полное подчинение взрослых, а кто не согласен – того моментально признают больным вирусом, изымают детей (на те же самые органы или другие цели) и все. Человек опускается на дно, не в силах самостоятельно справиться с «Системой» (если его по каким-то причинам оставляют в живых), спивается и дальше умерщвляется как негодный биоматериал».

– Хрена се выводы накатили, – удивился я своим рассуждениям. – Да если все так – хреновы дела в нашем государстве. Интересно, в других странах происходит такая же хрень или лучше есть?

Кустарниками, скоплениями деревьев и дворовыми территориями, я добрался до своей бывшей работы. Мой магазин находился на первом этаже пятиэтажного дома, с выхо-

дом на издательство некогда крупной газеты и большой ресторанный комплекс. Светиться раньше времени не хотелось и поэтому я долгое время просто стоял, осматривая все кругом из зарослей расплодившегося шиповника.

Вспоминая прошлые ошибки, наткнуться на патруль не хотелось, да и на отдельно снующих андроидов – тоже.

Просидев в неудобном положении около часа и не обнаружив ничего подозрительного, я осторожно вышел из укрытия и медленно пошел по направлению к центральной двери. Камер видно не было. Это радовало, а то принесется какой-нибудь очередной биометрический фургон и перестану существовать как личность. Стану пиксельной проекцией собственного «я».

Подобный поворот меня не устраивал и я, что говорится «глядел в оба». Дверь оказалась запертой. Взглянув на расписание, я выругал себя за невнимательность. Рабочее время – с часу дня до пяти. Говорил же мне дядя Саша, что сейчас все так работают, а я все по-привычке живу.

– Черт. Весело девки пляшут! – выругался я сквозь зубы.

Вдалеке показался легковой автомобиль с проблесковым маячком, но с выключенной сиреной. Патруль! *«Значит квадрокоптер рядом!»* Следовало срочно менять позицию и прятаться в любом доступном месте. *«Вот дожил. От полиции прячусь».*

Завернув за угол, я обвел глазами пространство и заметил едва приоткрытую металлическую дверь подвала, куда

часто, по работе, сдавал макулатуру. Не раздумывая больше ни секунды, мне потребовалось мгновение, чтобы оказаться рядом и спрятаться внутри.

Полицейская машина остановилась на перекрестке на светофоре, а потом затормозила у обочины. Гадать видели они меня или нет не имело смысла. Кто знает их современную систему слежения. Может видели, а может нет.

Когда охранник правопорядка вышел из автомобиля, я не стал дальше испытывать судьбу, а плотнее прижал массивную дверь и стал спускаться вниз.

Меня встретил сырой запах гниения. Там, где раньше располагался вход в макулатуросборочную контору сейчас зияла большая дыра. Кто-то вырвал металлическую дверь вместе с рамой. Думаю, местные бомжи постарались. Есть догадка, что как только начались все эти неприятности и лавочку прикрыли, дверь стала расходным материалом и ее банально загнули за буханку хлеба. Назад возвращаться не хотелось и я пошел дальше.

Следующий поворот как раз вел в подсобные помещения моей бывшей работы. Осмотрев его, я убедился, что он закрыт наглухо и кроме старых деревянных стоек, сломанных кресел и погнутых стеллажей ничего не зацепило мое внимание.

Углубившись дальше в темноту подвала, я обнаружил в дальнем углу спуск под землю. *«Странно. Такого прежде не было. В свое время я немало здесь побегал, отлынивая от*

работы, когда сдавал макулатуру, но никакого иного хода как наверх здесь не было».

Ни спичек, ни фонаря, ни какого-либо другого огнива не оказалось, поэтому пришлось лезть на удачу, наугад разбирая земляные ступени. Поручни или перила также отсутствовали. Пилоты обычно называют такое движение «по приборам». Вот и мне пришлось ощутить «всю прелесть» такого перехода. Чем дальше я спускался, тем становилось яснее, что ничего хорошего из этого спуска не выйдет. *«Кто знает, для чего он был здесь вырыт и кем. Предположим, последнее знать не особо и хочется, но вот для чего? Хотели что-то скрыть да не успели? Бомбоубежище делали, да средств не хватило?»*

Я спускался до тех пор, пока ступени не закончились и не превратились в ровную земляную дорогу. Куда она вела и что было вокруг в такой крошечной тьме, оставалось неизвестно. Вдруг, за очередным поворотом, вдалеке, я заметил тусклое свечение и направился туда.

Удивительное дело. Это оказалась деревянная, грубосколоченная дверь. За ней отчетливо слышалось шипение готовящегося варева, голоса нескольких человек и явственно ощущимое тепло, исходящее изнутри. Не раздумывая больше ни секунды, я, как можно тише отворил дверь и вошел вовнутрь.

Меня встретил ослепительный свет. На секунду пришлось даже зажмуриться. Когда глаза привыкли к освещению, я

рассмотрел комнату, в которую попал. Это оказалось квадратное помещение с деревянным потолком и такими же квадратными колоннами его подпирающими. На противоположной стороне находилась такая же дверь – по всей вероятности столового предназначения, так как оттуда доносился звон посуды, шипение при жарке картошки и аромат еды.

На меня уставились шесть пар глаз. Две женщины и четверо мужчин смотрели на меня как на «явление Христа народу». Застывшей их позе позавидовал бы сам Станиславский.

– Здрасьте! – кивнул я всем, прошел в дальний угол и сел на грубо сбитый табурет. – Чем вы тут занимаетесь?

У меня просто не нашлось что другого сказать пораженным, моим появлением, людям.

Заросшие, невытые, в помятых и грязных одеждах, они являли собой жалкое зрелище. Еще более жалким была убогость их жилища. Около стены стояло семь лежаков – дощатое подобие кроватей, без ножек, с накиданным на них тряпьем. Круглый старинный стол посередине, ветхий шкаф со всевозможной дребеденью, полуразвалившийся комод с торчащей оттуда, грубо говоря, одеждой, с десяток покосившихся табуреток и длинный прямоугольный стол со скудным запасом инструментов: молоток, клещи, пара отверток и монтажный степлер (явно краденный из магазина).

«Шесть человек. А лежанок семь. Интересно, где еще один?»

Напряжение возрастало. Краем глаза я заметил, что один

из бородатых мужиков стал медленно опускать руку в карман. Явно там находилась не конфета и не пачка сигарет.

Находящаяся рядом дверь в закрытое помещение открылась и оттуда вышла...

– Теть Света, вы ли это? – заговорил на радостях я стихами.

Тетя Света была здесь еще в те времена, когда я работал в «Магнитке». Она являлась местной предводительницей всех бомжей в округе и на правах старшей раздавала просроченную продукцию (выброшенную нашим магазином) по своему усмотрению. Некоторые сердобольные продавцы подкармливали ее подходящими к сроку испорченности продуктами питания, отправляющимися на списание. За это ее «помощники» исправно выносили скопившийся, за день напряженной работы, мусор, подметали уличную территорию магазина и тайком сдавали макулатуру, аккуратно воруя ее со складских тележек. Товароведы, да и сама директор закрывали на это глаза. А вот же как оно вышло – выжила, значит наша тетя Света.

– Данила, ты ли это, сынок?

Она прищурилось и долго вглядывалась в меня, наконец заулыбалась своей беззубой улыбкой.

– Ты, -констатировала она, – дай я тебя обниму за встречу!

Напряжение спало. Мужик вынул руку из кармана. Все заулыбались, не произнося ни слова и продолжили оставленную работу. Женщина, по-матерински, обняла меня и выти-

рая выступившую слезу, обратилась ко всем здесь находившимся:

– Это Данила, – сказала она. – Когда-то давным-давно, он работал здесь. Я вам про него говорила. Но в силу сложившихся обстоятельств, он попал в беду и судя по всему только-только освободился от несправедливых обвинений.

– Здравствуй, Данила!

– Привет!

– Рады познакомиться! – послышалось со всех сторон.

Кивнув головой, я обернулся к тете Свете.

– Ну предположим это было не так уж давно и освободился я не только, а еще вчера...

– Да ладно тебе придирааться к словам, – перебила она меня. – Все всё поняли – вот и ладушки. Ты садись за стол! Сейчас чаю налью.

Пододвинув табурет ближе к круглому столу, я уселся в ожидании хозяйки этого места. То, что она являлась здесь главной, не вызывало никакого сомнения.

Находящиеся в комнате люди, по-видимому, не сильно интересовались новоприбывшим. Они лишь раз осмотрели меня и каждый занялся своим делом: кто-то штопал куртку, кто-то что-то мастерил, время от времени прибегая к точильному камню, кто-то разбирал запасы крупы и скудные банки с консервами.

Из всего освещения была лишь подвешенная к дощатому потолку простенькая лампочка в сорок ватт. Тусклые углы

землянки (а иначе это сооружение и не назовешь) темнели своей убогостью, но находящиеся здесь люди привыкли ко всему этому и не обращали ни на что внимание.

Тетя Света вернулась с двумя железными кружками чая. Наполнив ароматом помещение и заставив некоторых присутствующих с завистью обернуться.

– Чем богаты, тем и рады. Ты уж не обессудь, к чаю нет ничего – еще не ходили на раздобытки – с этими новыми правилами карантина с голоду можно подохнуть! Зато согреться можно. Видишь, как нам пришлось окопаться. Холодно, конечно, но зато жильё есть.

– Вот про это я и хочу с вами поговорить.

– Про жильё, что ли? – не поняла собеседница.

– Нет, про это и говорить не стоит – видно, как оно у вас тут все устроено.

– Так про что же ты знать хочешь?

– Про карантин ваш странный.

– Батюшки, а что про него рассказывать? Видать совсем туго пришлось тебе в отсидке-то, раз в такие простые вещи не просвещали.

– А ты по-порядку начни, я и разберусь что к чему.

Женщина села на табурет, отхлебнула дымящийся напиток и, прокашлявшись, потерла кончик носа, собираясь с мыслями.

– Тут вот какое дело... Не было его, а потом бац и появился. Из ниоткуда. Как по заказу... Изначально все бы-

ло хорошо. Потом китаезы заболели. Затем итальяшки, америкосы, англичане, испанцы и все дальше, все больше. Самыми последними – мы. Ученые умы сделали вывод, что он искусственного происхождения, хотя всем пытались влить в уши, что китаезы сами себя заразили, съев летучих мышей с подобным вирусом. Правительству это только было на руку. Зараженных было столько, что все больницы моментально заполнились до отказа. Молниеносно стали строить новые и трамбовать зараженных как селедку в бочку. Труповозки не успевали справляться с поступлениями трупов. Верующие однозначно сказали – это апокалипсис, что Иоанн Богослов написал. Даже атеисты уверовали.

Народ посадили на самоизоляция. Государство чрезвычайную ситуацию не вводило. Из-за этого все платежи по жилью, кредитам и налогам требовалось платить полностью, а работать было нельзя. Деньги закончились. Люди стали недовольствоваться, потом бунтовать. На въездах – выездах из города поставили кордоны военных. Государство пошло по западному сценарию: неугодные умерщвлялись, нерешившихся запирали в якобы «реабилитационные центры» до так называемого «созревания», покорным и податливым вживляли через прививки от вируса контролирующий всю их деятельность чип и отправляли восвояси батрачить на мировое правительство. А то, что это именно оно рулило всеми делами ни у кого не возникало сомнений. Главарь ихний – америкос был. Как его там звали? Архип напомни! – повер-

нулась она к седовласому мужчине.

– Фил Кейтс! – не отрываясь от работы произнес тот.

– Точно. Вот память окаянная. Всегда подводит в ненужные моменты. Фил Кейтс того охламона звали. Говорят его лаборатории разработали вирус и испробовали на китаезах, инкогнито естественно – ну, посмотреть хотели меньше ли этих узкоглазых станет. Однако Фил преследовал другие интересы. Глобальное господство над планетой – вот его цель. После трагической ситуации и смерти шести представителей сильных мира сего...

Я усмехнулся: *«не без нашей с братом подачи»*.

– ... он стал следующий в ихней иерархической лестнице и взял себе все карты в руки. Продажное правительство ему подчинилось и устроило геноцид собственному населению. В основном пострадали невинные. Население нашей страны уже сократилось где-то на пятьдесят процентов. Вот, кажется, и все, что я знаю.

– Ба, тетя Света, да вы ходячий гид по современности, – искренно удивился я. – Откуда такие познания?

– Так со многими доводилось общаться. Кого здесь только не было. Как началась вся эта эпидемия народ моментально обнищал и слово БОМЖ уже не стало таким нарицательным. По помойкам стал ходить каждый пятый житель города.

– А на счет геноцида кто поведал?

– Да тут и ходить далеко не нужно. Анюта, расскажи гостю! – повернулась старушка к копошащейся в ворохе кру-

пьяной провизии, женщине.

Та присела на табурет, смахнула выбившийся локон волос из-под платка и осмотрела меня настороженным взглядом, словно сомневалась, можно ли мне доверять.

– Что тут рассказывать? Я всегда нервничаю и переживаю как в первый раз. Поэтому мне тяжело вспоминать.

Она надолго замолчала. Было видно, что прошлое дается ей безрадостно.

– Я не всегда была, как это сейчас про меня можно сказать, БОМЖом. Много лет назад я работала врачом в областной больнице. Причем не просто рядовым, а заведующей отделением. Тогда шло начало эпидемии. Пришло распоряжение от властей чтобы любая болезнь... любое новообразование на теле или непонятные симптомы (не говоря уже про кашель, насморк, ОРВ и тому подобное) дописывалось в карточку и диагностировалось как распространившийся по планете вирус. Сам он был в одном из десяти поступивших, но благодаря «легкой подаче» государства, нам пришлось каждому обратившемуся ставить подобное заболевание. Те, кто отказывался выполнять распоряжения, попадали под репрессии и в прямом смысле этого слова – пропадали. Простым языком их убивали. В основном нерадивых врачей подключали к искусственной вентиляции легких и все – они превращались в овощ, а потом в труп. Ты знаешь что такое ИВЛ?

– Честно говоря нет, – пожал я плечами.

– Вот и многие люди тоже. В новостях говорили, что они спасают жизнь, но все это не правда. СМИ всегда подтасовывало факты. В них лишь десять процентов правды. Остальное – ложь. Самое отвратительное – держать человека в неведении, когда он не знает что наяву происходит в мире и тем более в своей собственной стране. Так вот. Когда вирус проник глубоко в человеческое тело и поражал легкие, чтобы, якобы, выжить стали массово использовать ИВЛ – искусственную вентиляцию легких – это когда специальным ножом перерезают горло и вставляют туда дыхательную трубку. СМИ трубили, что это спасает и даже есть излечившиеся, но подумай сам – как пришить назад разрубленное горло? Такое медицина еще не научилась делать и вряд ли научится. Так что все это ложь. Я видела это собственными глазами. Неугодных государству людей: политиков, адвокатов, судей, полицейских, простых обывателей... умерщвляли тысячами. А потом говорили, что болезнь протекала тяжело. Аппарат не помог и он (тот или иной человек) отошел в мир иной. Хоронить тела родственникам запрещалось – их просто кремировали и вместо человека возвращали родным горстку пепла.

Всем врачам предлагались баснословные деньги за каждого, у которого в диагнозе окажется вирус. Многие не удержались и «золотой телец» поглотил их, сделав рабами и марионетками правительства. Они убивали направо и налево. Но были и те, кто отказался от этого. Они оказались в мень-

шинстве и до последнего пытались бороться. Не выжил никто. Я последняя спаслась бегством. Из сотни врачей не подчинившихся власти денег в живых осталась я одна!

Женщина закрыла лицо руками и разревелась. К ней подошел мужчина и, обняв за плечи, стал успокаивать:

– Анюта, ну полно вам! Хватит слез. Горю этим не поможешь.

– А, Виктор, теперь твоя очередь, – произнесла тетя Света. – Дополни чем-нибудь свою подругу!

– Дополнять тут можно много.

Он снял круглые очки, протер их выдавшим виды платочком и надел их обратно.

– Скажу кратко, как учитель истории. Государство, обязав всех сидеть в самоизоляции убило образование в прямом смысле. Оно пересадило детей за планшеты, телефоны и компьютеры, ограничив и без того их малое передвижение. Отсюда, как сам догадываешься, стали развиваться хронические заболевания и пороки. У них не было выхода – только исполнять приказы правительства.

Мужчина в очередной раз обнял содрогающуюся женщину, глядя ее по голове и прижал к себе.

– Видишь, сынок, что происходило, пока тебя не было. Все, что некогда казалось родным, в одночасье встало с ног на голову, повернув к нам свою заднюю точку.

– А как же силовые структуры? – искренно удивился я. – Там же не только глупцы и подстилки. Встречаются и нор-

мальные люди. Неужели не случилось ни одного бунта?

– Случился и не один.

Один из мужчин чудаковатого вида в замасленном комбинезоне, повернулся в мою сторону и скрестил руки на груди. Его лицо пересекал глубокий шрам. Одного глаза не было вообще. Другой еле видел и заплыл белой пеленой.

– Не знаю откуда ты выполз, малец, – сказал он, – но про те противостояния трубили по всем телеканалам и радиопередачам. Я думал не найдется ни одного человека, кто этого не видел и не знал. Ан нет, один выкопался. Бои проходили по всей стране. Тогда, восемь лет назад, я командовал объединенной группой восставших полицейских Промышленного района. Нас насчитывалось две сотни бойцов. Но что может сделать пехота против техники? Не знаю, уже там были отмороженные на всю голову солдаты или их специально отбирали под строгим надзором, но нас задавили танками и бронемашинами. Мы пытались объединиться с центральными частями и добраться до мэрии... однако все обернулось побоищем. Выжил один я и то, пожалели – оставили на всю жизнь калекой, чтобы другим не повадно было. Против десятка бросали сотню, против сотни – тысячу. Что может полицейский, имея в своем распоряжении пистолеты и автоматы? Молчишь? Вот именно что ничего. У нас словно повторилась история племен Майи с конкистадорами. Голожопые индейцы против закованных в латы рыцарей. Вот умора. Ты прошлепал все самое важное в жизни!

– Вот как?

Я опустил голову, разглядывая выползающего из утоптанной земли дождевого червя и перевел взгляд на бывшего полицейского.

– Похоже на то. А как же религия? Православная церковь всегда была на защите обездоленных. Почему она не вмешалась? Как мне помнится, она стояла на одном уровне с государством.

– Стояла-то стояла, – послышалось из самого дальнего угла, – да только власть имущим нет дела до православия. Их интересует лишь нажива, безоговорочное подчинение других и господство над миром. Патриарх едва избежал репрессий. Храмы закрыли. Службы остановили. Людей разогнали. Священнослужителей до сих пор ловят по стране и придают смерти через искусственную вентиляцию легких. Все мировые религии объединил терминал с выбором непосредственно самой религии, виртуальных икон, свечей и времени их горения. Отказавшись от Бога, нанеся себе на лоб штрих-код зверя и вживив чип в руку они навсегда отреклись от царствия небесного и приблизили муки ада после своей смерти.

Седобородый мужчина выглядел усталым и больным. Ему явно не нравилось пребывание в этих трущобах, но он ничего не мог с этим поделать. Священник? Настоятель? Может и то и другое. В данной ситуации вообще нельзя было понять не только кто он, но и кто есть кто из присутствующих в этой комнате. Не выдержав его печальных глаз, я опустил свои и

допил травяной чай.

– Видишь, сынок, что пропустил, – сказала сидящая напротив меня женщина. – Как сказал Семен – «прошлепал все самое важное в жизни». А ведь действительно, что ты там делал в своей тюрьме? Ел, спал... и совершал все остальное, пока здесь шла борьба за выживание. Ты думаешь, люди не понимали, что происходит? Не объединялись с полицией и не шли отдавать жизни за мир без тотального рабства? Все было. Все! Жаль тебя не было.

Тетя Света смахнула катящуюся слезу и хотела закурить, сунув в рот самокрутку, но передумала, спрятав ее обратно.

– Так-то.

Я помассировал виски, пытаясь быстрее протолкнуть и переварить информацию и посмотрел на часы. Час дня.

– О, друзья хорошие, похоже мне пора вас оставить. Хотелось бы зайти в свою бывшую «Магнитку» – посмотреть что изменилось.

– Да все, – хмыкнул Семен, не отрываясь от работы.

– Хотелось бы увидеть своими глазами.

– Карину? – прищурившись, спросила женщина.

– Кого? – поперхнувшись от неожиданности, спросил я.

Никак не ожидал такого вопроса и не был к нему готов. Когда я еще работал в той продуктовой компании, была одна девчонка, зацепившее мое внимание, но я был женат, потом появились долгожданные дети... поэтому флирт на стороне я не рассматривал, хотя и ходил один раз в гости с огромной

коробкой пиццы из одного известного кафетерия.

– Да у него на лице написано, что до сих пор по ней сохнет, как школьник прям, – поправляя очки произнес Виктор.

Пришлось поспешить сделать умный вид и стереть глупую краску, разлившуюся по всему телу.

– Да ты не волнуйся так, – поспешила утешить тетя Света, – работает еще твоя зазноба, работает. В директора выбилась – Ксанку потеснила и выбилась. Если захочешь, я тебе потом расскажу как все было.

– Да-да, – поспешил я встать. – Потом – это дело правильное. Я потом еще загляну, вот и будет время поговорить.

– Потом времени уже не будет! – вновь послышалось из дальнего угла. – Ты должен был сюда прийти и ты пришел. Я видел это во сне и рассказал присутствующим здесь, но мне не поверили. Подойди ко мне!

Подчинившись, я встал напротив сухонького старичка, но излучавшего такую доброту, спокойствие и умиротворение, что я напрочь забыл о перевернувшемся мире, его новых законах и правилах. На лице мужчины застыла улыбка, такая отеческая и родная, что все проблемы показались мелкими и не достойными внимания. Он протянул сухонькую руку и взял мою.

– Миру нужен герой! Ему его так не хватает. Особенно сейчас, когда антихрист одной ногой стоит у подножия своего трона и собирается вот-вот туда сесть. Иди своей дорогой! Верни детей, «любимую зазнобу» и скажи «Да» тому чело-

веку, кто предложит тебе помощь. Возможно вы и восстановите былой мир и порядок. Все зависит от вас!

«Интересно девки пляшут! А вот это уже становится занятным. Откуда этот старикан знает про моих пропавших дочерей? Какую еще зазнобу нужно вернуть? И кто что мне предложит? Может дедок – псих? Обычно таким часто всякая белиберда снится, а потом они с яростью доказывают, что все на самом деле происходило».

Я уже хотел более подробно расспросить дедушку об этот его «пророчестве», но оказался отвлечен и чтобы не связываться с ним еще раз поспешил удалиться из этого гостеприимного места.

– Да ты слушай его больше, – засмеялся Семен. – Батюшка Николай считается у нас самым чудаковатым, хотя мы исправно причащаемся у него и молимся за всех убиенных в этом проклятом мире. Луч надежды он дает, но не больше. Никакой ты не герой, а преступник в штанах. Не будем сейчас разбираться, прав был судья или нет, вынося приговор – меня это не интересует. Сидел, значит было за что. Так что забудь, что здесь слышал и строй свою жизнь заново!

Не став больше задерживаться, я осторожно высвободился из нежных рук старца (как бы сказала моя мать, а иначе его и не назвать), кивнул на прощание тете Свете и вышел из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Сердце бешено стучало и отдавалось в ушах. Быстро, по памяти, преодолев темный маршрут, я осторожно приот-

крыл входную дверь и только когда убедился, что никакой опасности нет, одел маску и вышел на улицу.

Стоял теплый день. Пели птицы, проносились немногочисленные машины, металлические андроиды катились по своим делам, единичные встречающиеся люди с опаской обходили меня стороной.

«Странное сборище людей без определенного места жительства. Я бы даже сказал – настораживающее. Однако их нечего винить. Они – очевидцы, безмолвные свидетели падения цивилизации. У них забрали все, но они выжили... сумели выжить! Подобным можно только восхищаться. Но старец прав, мне нужно во что бы то ни стало вернуть своих детей!»

Завернув за угол и осматриваясь по сторонам, я открыл дверь «Магнитки» и вошел внутрь.

Следующую минуту мне пришлось серьезно призадуматься: *«а действительно ля я попал в то место, когда собирался прийти»?* С одной стороны магазин оказался тем же: стены, пол, потолок. Но вот внутреннее содержание коренным образом изменилось. Я вертел головой, как человек впервые оказавшийся в музее и никак не мог прийти в себя.

Под ногами катались плоские роботы-уборщики, собирая мелкий мусор, грязь и пролитую жидкость. В каждом отделе висящая под потолком голограмма рекламировала свой товар, бумажные ценники исчезли, на их место пришли электронные надписи, меняющиеся, по всей вероятности сами

собой. По магазину, в фирменной одежде «Магнитки» прохаживалась женщина, лет сорока.

– Вам чем-нибудь помочь? – обратилась она ко мне, видя мою растерянность и непонимание происходящего.

Кассиры, предкассовые зоны, да и сами кассы как таковые исчезли, уступив место автоматическому безналичному расчету. Шесть электронных махин, напичканных датчиками и камерами слежения, исправно помогали немногочисленным покупателям обслуживать самих себя.

– Да мне уже никто не поможет, – попытался пошутить я, но видя непонимание со стороны работника магазина, не стал нагнетать обстановку. – Мне нужна Оксана... Оксана Викторовна!

Имя-фамилию прошлого директора я помнил всегда и поэтому само собой так получилось, что я сказал именно это. Никак не мог поверить словам тети Светы, что здесь произошли такие колоссальные изменения и решил проверить все сам.

– Вы ошибаетесь и такие здесь не работают. Что-нибудь еще?

– Я ищу Карину Константиновну. Знаете, где ее можно найти?

– Да. Она в отпуске. Выйдет только завтра. Кроме меня здесь больше никого нет.

Кивнув, я поспешил удалиться. Явно мое бесцельное шатание по магазину не вызвало бы подозрение. Покупать все

равно ничего не собирался, а ходить идиотом пялясь по сторонам – не хотелось. Тем более такое поведение выглядело как минимум странным и рано или поздно привлекло бы внимание бдительного созерцателя в виде слоняющейся туда-сюда женщины.

Выйдя из магазина, я решил добраться до дома бывшего товароведа. Благо ее общага стояла неподалеку, в пяти домах от самой «Магнитки», где мы когда-то вместе работали. Про нее я ничего не знал, поэтому шел, как говорится «на обум», в надежде, что эта девчонка никуда не съехала из снимаемой жилплощади.

Позвонив в домофон и выпустив очередного андроида из подъезда я, от нечего делать, стал считать равномерные, одинаковые гудки, доносящиеся из аппарата. Минут через десять бесплодных попыток я бросил это неблагодарное дело и призадумался что предпринимать дальше.

С одной стороны можно было вернуться к дяди Саши, расспросить его про место захоронение супруги и навестить его в дань памяти к моей драгоценной женушки. С другой стороны, можно было навестить своего бывшего директора по спецвойскам и мирным путем или иными неблагородными действиями выведать местонахождение своих детей, забрать их и думать куда податься в надежде скрыться от властей или хотябы остаться незамеченными. Однако все это заняло бы совсем немалое время и возвращаться сюда просто было бы некогда. Поэтому разбирательство с глобальны-

ми проблемами я решил оставить не завтра, а сегодня подзапасть дополнительную информацией моей работы в «Магнитке» и уж потом начать осуществлять задуманное.

Время шло. Девушка не появлялась. Полуоткрытое окно было темно, но кроссовки, стоявшие для проветривания в форточке (как она обычно делала и ранее) вселяли надежду на ее скорое возвращение.

Сидя на скамейке, я осматривался по сторонам, прикидывая куда можно податься, если откуда-нибудь вырулит вечерний патруль. Время приближалось к шести и они должны скоро начать прочесывать местность. Тем более моя негативная репутация с ними может сослужить плохую службу.

Когда последние люди поспешили скрыться от комендантского часа, я понял, что ждать дальше не только может оказаться бесплодным, но и бесполезным.

Мое положение спас синюшного вида сухонький старичок, лет шестидесяти. Он вывалился из подъезда, напротив которого я сидел на скамеечке и стал справлять малую нужду прямо в ближайших кустах. Разобравшись с житейскими делами, мужик направился обратно, по ходу закуривая самокрутку, но неожиданно остановился, покосился на меня и окатив перегаром, запинаясь на каждом слоге, спросил:

– Третьим бу-дишь?

Терять было нечего, да и возвращаться с «пустыми руками» к дяде Саше тоже не хотелось, поэтому я без раздумья принял столь неожиданное предложение. Этаж дедули ока-

зался пятым – как раз тот, какой нужен с одной лишь поправкой, что дверь Карины находилась справа, а этого индвидуума – слева. Тем лучше. Если девушка сегодня соизволит прийти, то я услышу это и без зазрения совести распрощаюсь с синим обществом.

А общество, как и предполагалось, действительно оказалось синим. Не выдавшая ремонта еще наверняка со сталинского времени, квартира находилась в удручающем виде. Отвалившиеся обои, осыпавшаяся побелка, вместо люстры обыкновенная лампочка-шестидесятиватка, пол заляпан не только жиром и грязью, но и, как мне показалось, испражнениями. Окна, в которых еще кое-где остались стекла – наполовину забиты досками и фанерой, заклеены газетой и завешаны тряпьем из-под нижнего белья. Из мебели в однокомнатной квартире треногий стол, три покосившихся стульчика да ободранный диван, на котором храпел какой-то мужик, заросший и напоминающий Хаттаба – кошмарный сон западных спецслужб прошлого.

Скинув сумку у входа и сняв якобы защищающую от вируса тряпичную маску, я сел на заскрипевший подо мной стул и стал ждать. Сидящий напротив, словно в полусне, мужчина, оживился и уставился на меня стеклянными глазами.

– Петро! – протянул он дрожащую руку, рассмотрев во мне нового сабутыльника.

– Данила, – пожал я в ответ.

– Гриш, наливай! За знакомство... тебя... ик... как, говоришь, звать?

– Данила я.

– Данила-мастер, значит?

Он рыгнул в лицо сивухой в перемешку с консервной рыбой и тушенкой, и ловко схватив протянутую Григорием запечатанную бутылку, свинтил пробку и разлил по стаканам.

– Вот, не уберегли парнишу, – кивнул он на распростертого на диване мужчину, – а говорил слона перепьет. Тьфу. Два стакана и в храп. Разве так можно? Вот скажи ты... это... как тебя там?

– Да Данила я.

– Вот я и говорю... ик... Скажи мне, Данила, разве так можно?

– Конечно нет. Давай дрогнем!

– Давай. Гриш, садись!

Похоже Петро был здесь главный и самый разговорчивый. Болтал он столько же, сколько и пил или наоборот. В ответ на все его душевные излияния я лишь заинтересованно кивал головой и почуть смачивал губы подозрительной жидкостью в изобилии стоящей в бутылках под столом.

Из услышанного, я понял, что он является хозяином квартиры и сейчас переживает не самый лучший период своей жизни. Жена ушла, а приехавший из другого города брат Григорий с племянником не только не разделяют его горя, но и при удобном случае начинают «промывать мозги» ненуж-

ными и бесполезными разговорами о воссоединении со второй половиной. Уже не знаю, кому приходился племянником лежащий на диване объект, но то, что его звали Степаном, Петр помнил и неоднократно произнес его имя указывая в ту сторону трясущимся пальцем.

– Вот ты... это...

– Данила.

– Точно. Ты, Данила, это... подумай... Все же было хорошо. Работа, жена, машина, дом... а потом... ик... вирус от узкоглазых пришел и все... все пропало. Работы лишился... жена ушла... Выпьем за жену! Хо... хорошо пошла. Так вот, жена... ик... ушла, – начал он загибать пальцы. – Машину, мою ласточку, продал за долги. Квартира... а хренас с ней сделается? Был ремонт и... ик... да что же за распроклятушная икота?

Не думая, он побил себя кулаком в грудь.

– Ремонт грю был и весь вышел. Вишь в каком все упад... ик... упадке.

Он Хлебнул еще стакан и потянулся за новой бутылкой.

– Да ты пей, не стесняйся. Или не уважаешь?

– Уважаю. Тебя точно уважаю.

– А меня? – спросил сидящий рядом Григорий.

– И тебя тоже. Я вас всех уважаю, – на честном глазу ответил я, пригубив свой напиток.

– Эт ты молодец делаешь. Государство все у меня отняло. Живу на гребаное пособие. Выйти никуда из дома не могу.

Если ж они, – он тыкнул пальцем в потолок, – узнают, что у меня астма... они ж... ик... приедут за мной на этом... «белом воронке» с этим... кубом... изо... изокубом этим распроклятушим. Сколько они моих корефанчиков повязали, покрутили и в Красный Бор отправили... вот хрен я им сдамся. Вот и Степан бы меня поддержал, если бы диван не продавливал.

– Степан? Что за Степан? – в недоумении спросил Григорий.

– Как кто? Племянник мой, – кивнул он на развалившееся невдалеке тело.

Гриша пристально посмотрел в указанном направлении и поморщился.

– Это не Степан, – наконец изрек он, потирая глаза.

– Не Степан? А кто? – призадумался хозяин квартиры.

– Не знаю. Ты его привел. Сказал друг твой... детства.

– Да? А где Степан?

– Не знаю. А кто это?

– Племянник мой!

– У тебя есть племянник? Давай выпьем за него!

– Стопэ! Нужно разобраться...

На лестничной клетке слышались шаги, возня в замочной скважине и в соседнюю квартиру кто-то вошел. Сомнений быть не должно. Дождался.

Оставив разбирающихся в своих родственниках людей, я непринужденно встал, подобрал свою сумку и не прощаясь,

по-французски, покинул гостеприимную компанию.

Плотно закрыв за собой дверь, я тут же нажал на звонок противоположной двери и в нерешительности закусил нижнюю губу. Общение с противоположным полом всегда вызывало во мне трепет и сейчас я ничего не мог с собой поделать. Мучительные мгновения, казалось, растянулись в вечность. Наконец, раздался щелчок отпирающего замка и на пороге показалась Карина.

– Карина Константиновна? А я к вам.

Тонкие брови поползли вверх, но она и не собиралась пропускать меня внутрь.

– Данила?

Девушка практически ни капли не изменилась за те десять лет, что мы не виделись. Разве только стала еще более женственной. На щеках вспыхнул румянец, но вскоре бесследно исчез. Похоже, она взяла себя в руки.

Ростом она не подтянулась и все так же доходила мне до плеча, но вот взгляд изменился. Он стал более суровым и... умным? Нет, глупой она и раньше не была, но сейчас в ней появилось то, что старшие поколения зовут «мудростью». Если раньше я мог с ней пофлиртовать, то теперь вряд ли это получится.

– Что тебе здесь нужно?

Новая должность в «Магнитке» открывала ей новый статус и признаюсь, что выглядела она потрясающе: красивый макияж, маникюр, алые губки... элегантный синий ко-

стюм-пиджак и брюки, совместно с высокой прической идеально дополняли общую картину.

– Что тебе здесь нужно? – вновь повторила она, удивительно узко сощуриив глазки и презрительно осматривая меня.

Я запнулся в словах и недоуменно-растерянно уставился на нее, словно нашкодивший ученик перед классным руководителем. Такой поворот в ее поведении был непонятен. Обычно мы всегда хорошо ладили и непринужденно беседовали. Что повлияло на нее на этот раз оставалось непонятным, но мое настроение испортилось и резко поползло вниз.

– Что нужно? Так ведь освободился вчера. Вот заходил в магазин, а там... в общем все поменялось и мне сказали, что ты последний день в отпуске. Хотел увидеть...

– Хотел увидеть? Поздно. У меня есть парень и ему очень не понравится, если застанет тебя здесь.

– Я на минуту, но если ты против – могу удалиться.

– Нет, постой, – остановила она меня за руку, – у меня есть кое-то для тебя.

Войдя, я прикрыл за собой металлическую дверь и стал ждать. Обстановка здесь не изменилась. Все оставалось так же, как и много лет назад, когда я купил огромную пиццу и мы после работы придались ее поеданию.

Девушка вернулась намного быстрее, чем я предполагал. Она даже не переделалась в домашнюю одежду.

– Вот, это твое, – протянула Карина мне банковскую карту

на свое имя.

– Ты уверена? Вряд ли меня зовут Малышкина Карина. Что все это значит?

– Видишь ли, когда ты попал в дальние места, в «Магнит-ке» внезапно началась реорганизация всего штатного коллектива, начиная от простого продавца и заканчивая директором филиала. То были мрачные времена для многих сотрудников, которых уволили без всякой причины. Появившийся в последствии вирус лишь усугубил ситуацию. Теперь в каждом магазине остался только директор и один человек по обслуживанию приезжающих с товарами фур. В самой конторе дела обстояли так же. Отдел кадров, бухгалтерия... обновилась, а про тебя... про тебя все забыли.

Твоя зарплата все так же продолжала приходить на твою заработную карту, которую ты по-пьяни обронил в свою рабочую обувь. Раз в год я переводила с нее на специально заведенную для такой ситуации, свою карту, предполагая, что когда-нибудь этот рог изобилия окончится и начальство решит вернуть назад все отправленные в пустоту деньги. Я только что вернулась со своим парнем из торгового центра «МакСИ», где ее проверяла. Уже второй месяц ничего не приходило. Видимо, кто-то что-то сообразил, но и тех поступлений, которые шли до этого тебе хватит на долгое время. Я перевела сюда все, что было.

Присвистнув, я приблизительно подсчитал полученную девушкой сумму. Выходило... в месяц около двадцати ты-

саяч. В год – двести. За десять лет... два миллиона!

– Ни хрена се, -вырвалось у меня.

Девушка, наконец, соизволила улыбнуться, став еще очаровательнее.

– Вот я тоже так подумала, так что бери жену, детей и уезжайте из города в какую-нибудь глушь. Сейчас здесь не выжить. Люди нищенствуют. От голода уже умерла не одна тысяча.

– Вчера я был уже дома... мою квартиру отобрали приставы – там уже живет другой человек. Детей забрали ювеналы. Жена покончила самоубийством... в общем, мне некуда податься. Вот пришел к тебе.

– Ужас какой.

Девушка прикрыла рот рукой и ее брови поползли вверх.

– Вот такая неприятная история.

– Соболезную, – тихо произнесла девушка.

– Спасибо. Сам в шоке хожу. А за карту спасибо. На жизнь хватит.

Забрав из ее рук зарплату за десять лет, я спрятал в нагрудный карман и тут чисто случайно заметил на ее шее, прикрытой горловиной белой водолазки, обширное пятно синюшного цвета.

– А это еще что?

Не дав ей опомниться, я отвернул горловину вниз. Всю шею опоясывали синяки и ссадины различных размеров и форм.

– Не твое дело! – одернула она все обратно и отошла в сторону. – Тебе пора. Он может вернуться с минуты на минуту.

Я не был любителем напрасно пускать в ход кулаки и уж тем более обращать их против представительниц слабого пола. Нет, на службе бывало всякое. Но то были женщины-агенты: ЦРУ, интерпол, ФБР (если приходилось действовать за границей). Да и своих хватало, не говоря уже о преступных сообществах. Поэтому женщина – женщине рознь. Однако этот случай не входил ни в одну категорию.

Карина была обыкновенной девчонкой: умной, красивой, нежной и вот так относиться к ней было верхом садизма и извращения.

– Так мне теперь то и нужно, чтобы дождаться его и сказать пару ласковых...

Пощечина прилетела ко мне неожиданно и ее звук отразился звоном в голове.

– Не нужно. Мне от тебя ничего не нужно. Он убьет и тебя, а потом еще и меня.

Про свои «выдающиеся» заслуги в прошлом я утаил как при поступлении на новую работу (мастера ФСБшники постарались), так и при знакомстве с новым коллективом. Все поверили в «правдивую» историю о том, что я пять лет до этого исправно трудился на мебельном производстве, но когда оно пришло в упадок, решил искать хлеб насущный в торговле.

– Но... почему ты терпишь такого?

В непонимании, я ощупал горящую, начавшую краснеть, щеку.

– Какого такого? Ты его не знаешь. Мне некогда искать и выбирать. Работа отнимает все. Скоро сорок, а ни семьи, ни детей. Отец может скоро умереть не дождавшись внуков, а говоришь... Это ты прохлаждался, отдыхая на нарах, а я вкалывала в поте лица, чтобы выбиться в люди, в творящемся здесь аду. Уходи!

– Но позволь хотя бы...

– Нет, – повысила она голос, – пошел вон из моей квартиры, живо! Забудь сюда дорогу ради нашей прошлой дружбы! Оставь меня в покое!

Девушка открыла дверь и указала пальцем в том направлении, куда следовало мне двигаться. У меня не нашлось чем возразить ей и пришлось подчиниться. Еще раз взглянув в ее грустные, начавшие плакать, глаза, я развернулся и только когда услышал звук закрывающейся дверь замка, медленно стал спускаться вниз.

Что-то внутри говорило вернуться обратно и помочь, но совершенно иная сила заставляла продолжить движение не оборачиваясь и не вспоминая прошедший разговор.

Внизу, на самой нижней площадке стали слышны подвыпившие голоса. Я замедлил ход. Слух всегда был моим преимуществом. После того, как в учебке, на занятиях я пропустил удар в лицо и мне искривили носовую перегородку, обаяние пропало. Зато слух обострился и часто слышалось, что

происходит у соседа снизу или какие разборки жена устраивает своему мужу на верхнем этаже.

Говоривших оказалось трое. Один, похоже главарь шайки, курил сигарету. Двое других потягивали пиво из металлической банки и внимательно слушали своего товарища.

– Так вот сегодня у меня с ней все и случится. Зуб даю – все будет. Только из «ТЦ» вернулся. В «клубничке» понахапал всякого барахла для предстоящей ночи.

– Будешь с ней делать все то, что задумал?

Голос дружка был хриплым и масляным, можно сказать насмехающимся.

– Ты смотри пари не профукай, а то будешь нам сартиры драить как договаривались.

Второй приятель показался пофигистом, но знающим человеком в различных видах спора. Послышалось, как он много отхлебнул из своей банки и, удовлетворенно крякнув, выдохнул.

– Не переживай, все на мази! – хлопнул по плечу самый говорливый. – Эта дурочка и не заметила, как спустила на мои прибамбасы всю зарплату. Признаюсь, уламывал я ее долго. Сколько потребовалось времени, чтобы ее заарканить?

– Год.

– Вот видите, как все оказалось сложно, так что не торопите меня в последнюю ночь. Она еще пожалеет, что связалась со мной, да поздно. Я заставлю кричать ее на весь подь-

езд, что потом стыдно будет встречаться взглядом с соседями. Девственница, блин, недотрога!

– Как с доказательством?

– Да будет все, не переживай! На телефоне полная зарядка. До самого утра все засниму. Могу даже онлайн-видеосвязь устроить, чтобы поддержали меня. Можете тогда кулачком поработать! Знатное у нее тело.

– Нет, свое извращенство оставь при себе. Мы поверим видео.

– Тогда завтра готовьте десять штук, как договаривались, по пять с носа и не рублем меньше. Знаю я вас, пройдохидные.

Говоривший загоготал и выпустил в потолок кольцо дыма.

Мне все стало ясно и до обидного больно за выбор девушки. Уж кого-кого, а этого гниду нельзя было подпускать к себе и на пушечный выстрел.

Медленно спустившись по ступеням, я остановился напротив курящего и с презрением осмотрел его с ног до головы.

Это оказался долговязый, бритоголовый парень, с татухами на руках и с серьгой в ухе. Его лысые друзья отличались лишь крепким телосложением культуристов из тренажерного зала и тупым взглядом быков-осеменителей.

– Дрищь, тебе что надо?

«Это под мои-то сто килограмм».

Самым смелым оказался один из выпивающих. Оно и по-

нятно, недоюжая сила давала ему преимущества и он явно пользовался ей не в одной ситуации.

– Если не оставишь в покое Карину, – игнорируя слова лысого, напрямую обратился к курильщику, – я твой язык тебе же в задницу запихну!

Такого хамства никто не ожидал. Бритоголовый поперхнулся дымом и на время выбыл из игры.

– Ты что, страх потерял? Так мы сейчас научим, как со старшими разговаривать.

Удар лысого ушел в пустоту. Я легко уклонился, сбросил на пол сумку и ударом в живот согнул того пополам. Его товарищу, или, можно сказать, брату по тренажерному залу, я хуком с разворота угодил ему в лицо. Раздался отчетливый звук вышедший из своего места нижней подвижной челюсти и тот, завывая и хватаясь за травмированное место, полетел на плиточный пол.

– Мразь, ты на кого напал?

Лысый начал входить в кураж и принял бойцовскую стойку. Но то ли опыта было мало, толи борьба не была его сильной стороной, но опрокинул я его к другу значительно быстро. Кулак чувствительно заныл, а изо рта лысого струйкой потекла кровь. «*Нокаут!*» – констатировал я мысленно, глядя на поверженного противника.

– А теперь слушай ты, гнида озабоченная...

Изо рта курильщика выпала недокуренная сигарета, он весь съезжился и больше не казался таким бравым задирой –

покорителем женских сердец.

– ... без всяких свидетелей и лишних ушей! Если я хоть когда-нибудь узнаю о том, что твои грязные пальцы прикасались к Карине, их наглядная кара, – указал я на лежащих, – покажется тебе самым безобидным действием. Врачи замучаются тебя зашивать, ну а хирурги удивятся как кости могут находиться в теле по отдельности. Все уяснил, друг?

Мужчина судорожно сглотнул и поспешно закивал головой.

– Вопросы есть?

– Третьим будешь? – послышалось из-за спины.

Медленно обернувшись, я увидел на лестничной площадке того самого Григория, который несколькими часами раньше выходил на улицу справлять малую нужду. Видимо опомнились, что потеряли одного из собутыльников и пошли искать нового.

– Нет, спасибо. Как-нибудь в другой раз. Значит вопросов нет?

– Не-ет... – прошептал враз охрипшим голосом ловелас и вжался в стену, намереваясь, похоже, слиться с ней воедино.

– Вот и чудненько. Завтра проверю!

Похлопав его по плечу и отсалютовав дяде Грише, я вышел из подъезда.

Настроение заметно улучшилось. Даже хмурому ночному небу и проезжающей вдалеке патрульной машине не удалось его омрачить. Проследив взглядом пролетающий мимо дрон,

я одел маску и направился ко входу в подвал «Магнитки». Дядя Саша, бесспорно, хороший человек и всегда поддержит в трудную минуту, но идти сейчас к нему не хотелось. Смущало дальнейшее расстояние и возможность наткнуться на патруль или одиноко летающий квадракоптер, разыскивающий таких как я, нарушителей закона «о самоизоляции». Да и андроидов не следовало сбрасывать со счетов. Кто знает, какие еще разновидности попадутся мне по пути. Тот патруль не в счет. Не готовы были они к такому отпору от простого человека. *«Да, перевелись богатыри на земле Русской».*

Пробрался я короткими перебежками от дома к дому, от кустарника до кустарника. Затем долго вглядывался в ночную тишину, чтобы сделать очередной бросок.

«Значит не выскочила замуж малая. Вот ведь девки пляшут... и прицепилось же за ней это прозвище. Видимо «старушки», работающие в «Магнитке» так не любили всюду сующую свой нос эту девчонку, что и подобрали второе имя по ее росту. Что ж, удачно сходил. Одним озабоченным эсэнишкой меньше будет. Надеюсь, урок пошел на пользу как ему, так и его дружкам».

Опасность составлял лишь длинный переход через весь фасад магазина до его торцевой противоположной от меня части. Прочитав «Отче Наш», я быстрым шагом покрыл расстояние в пять десятков метров и скрылся за железной дверью. *«Вот растяпа, хотя бы фонарик или на худой конец спички у Карины попросил».* Возвращаться было поздно, по-

этому, закрыв глаза, я на ощупь и по-памяти пошел к обжившимся в подземелье БОМЖам.

Все оказались на мест. Тетя Света предложила мне травяной чай и какую-то похлебку, как сказала «укрепляющую иммунитет». Я отказался. Не хотелось даже думать, что там было намешано.

– Спасибо большое. Я только перекантуюсь у вас до утра, а то совсем податься некуда.

– Отчего же не перекантоваться – оставайся, все равно одного из наших нет – повязали его полицаи паршивые. Он только за едой в бак мусорный, а его под ручки цап и поволокли. Думаю уже в Красном Бору с аппаратом вентиляции легких лежит. Статистика у них по смертности упала, вот за счет нас и выезжают на свои показатели, чтобы эпидемия сохранилась.

– Ясно. Значит, у вас своих проблем хватает.

– А как же, у кого их нет?

– Понимаю. Можно здесь осмотреться? Фонарь нужен. Есть?

– Ты в той куче глянь. Валялся там один старый. Отверткой попробуй его подцепить или молотком помять, если руками не удастся открыть.

Разворотив кучу разнообразнейшего хлама, фонаря я, естественно, не нашел. Зато обнаружил любопытную штуку, неведомо как здесь оказавшуюся.

– Интересно девки пляшут! – самопроизвольно вырвалось

у мен, когда из хлама я выудил внушительного вида подза-
ржавевший тесак. – а мачете-то вам уже на кой?

– Был тут у нас, пару лет назад, один умелец. Из желе-
за ножи всякие делал – говорил к войне нужно готовиться!
Взяли его в один прекрасный день со всеми его заготовками.
Вот все, что с собой нести не мог – здесь оставил. Маленькие
ножи, мы, естественно, в дело пустили – на общественные
нужды, так сказать. А вот с такими большими никто не стал
возиться. Кинули в кучу хлама – всего-то и делов. Ты поищи
лучше. Второй там такой ножище должен быть.

– Да не ножище это, – усмехнувшись, произнес я, разво-
рачивая кучу до самого пола, – а мачете – мексиканский нож
для рубки джунглей.

– Да по мне хоть газовая горелка. Нужно – бери. Лучшего
все равно вряд ли найдешь.

Поиски брата первого мачете заняли больше времени. Он
отыскался на самом дне поваленной у стены кучи. Чего здесь
только не было: дырявые ведра, мотки проволоки, скобы для
срубов домов, ржавые диски бля «болгарки», ломаные вил-
ки и прочая дребедень, за которую не дадут и ломаного гро-
ша. Всю ценность представляли только эти два предмета.
Сделанные из обычного листа металла с самодельной рез-
ной ручкой, они, тем не менее, выглядели достаточно хоро-
шо для кустарных дел мастера. Уж не знаю кем являлся их
изготовитель, но мужчина явно имел представление об этом
деле.

Смахнув рукавом куртки пыль и налипшую грязь, я осмотрел остроту из заточки и положив на стол, взял отвертку подкрутить расшатавшийся болт рукояти, как дверь нашей коморки отворилась и в нее вошел человек в форме. Полиция. «Приплыли». —Обведя присутствующих глазами, он остановился на тете Свете и подойдя к ней, заговорил:

– Разве я не предупреждал тебя, чтобы больше здесь не собирались?

Женщина зашептала в сторону проклятия и села на стул.

– Разве я не говорил, какие меры будут предприняты против вас, всех, если вы не уберетесь отсюда.

Тетя Света опустила глаза, взяла со стола кусок белого хлеба и стала жевать, чтобы хоть как-то скрыть раздражение и неприязнь к этому человеку.

– Так было такое или нет? – рявкнул полицейский, ударив по столу с такой силой, что стоящий в кружке недопитый кем-то чай, расплескался в разные стороны. – Отвечай!

– Было, – тихо произнесла она.

– Так вот, пеняйте теперь на себя. Отряд! – повернулся он в сторону двери. – Зачистить помещение! Всех на изоляцию в Красный Бор! Сопrotивляющихся на кладбище! Выполнять!

Комната стала заполняться нацгвардейцами. Похоже участковому капитану (а именно столько звезд находилось у него на пагонах) кто-то накапал про это место и мне чувствовалось, что это были мои недавние знакомые из Карини-

ного подъезда.

Отряд зачистки начал методично исполнять свою работу, укладывая беззащитных на землю, заламывая им за спину, руки и окольцовывая их браслетами на запястьях. Меня заметили самым последним. Входная дверь как раз открывалась в мою сторону и до поры до времени я находился под ее мнимой защитой, но все рано или поздно заканчивается.

– На пол, гнида! – прокричал солдат в мою сторону, предполагая, что я рухну на землю, как все остальные покорные властям граждане.

«Господи, прости меня за мои деяния! Я так хочу увидеть своих детей, обнять, услышать их смех и радость от нашей встречи. У меня постоянно кто-то или что-то встает на пути. Прости меня Господи, что я не могу быть как все обычные люди, что я не покорный и безжалостный».

– Мразь, ты что оглох или тебя это не касается? – заорал он вновь и двинулся на меня.

Медлить дальше не имело смысла. Резко развернувшись в его сторону, я со всего размаха всадил отвертку ему в шею. Гвардеец хватил ртом воздух и с остекленелыми глазами стал оседать на землю. Полицейский потянулся за пистолетом. В мою сторону бросились все остальные защитники порядка.

В ход пошел молоток. Проломив одному голову, он врезался в висок другому и попал между глаз следующему. Бросив его в грудь нападающего справа, он так и остался и те-

ле, войдя в грудную клетку почти на четверть. Краем глаза я заметил, что капитан достал пистолет и уже целится в меня, но из-за заслоняющих обзор солдат никак не может выстрелить. Схватив мачете, я запустил его в открывшееся окно и лезвие до самой ручки вошло в плечо представителю закона.

Слева я получил удар под ребро. Он оказался сильным, но не настолько, чтобы потерять координацию. Второе мачете пробило живот нападающему и вышло сзади. Схватив степ-лер, я прострелил им глаз самого ретивого нацгвардейца и покинувшее, наконец, тело, лезвие, разворотило горло следующему.

Истошный крик потерявшего глаз человека наполнил пространство. В агонии, он катался по полу, мешаясь своим товарищам подобраться ко мне и свершить правосудие.

Трое оставшихся в строю бойца, решили действовать сообща. Уже не обращая внимание на раненого, они ударили одновременно. Один напоролся на лезвие моего оружия и осел, схватившись за распоротый живот. От левого хука второго я благополучно ушел в сторону, а вот третий, со всей силы двинул в солнечное сплетение, отчего я едва не оказался на одном уровне с орущим человеком. Силы бойцу было не занимать. Да оно и понятно – специально тренируются для подобных случаев.

Перевести дыхание мне давать никто не собирался, поэтому я сделал обманное движение и со всей силы вогнал лезвие в подбородок самому ретивому вояки. Оно прошло че-

рез всю голову, пробило мозг и вышло на затылке, моментально отправив солдата к праотцам. Отпихнув труп ногой, я заблокировал удар оставшегося гвардейца, перехватил его руку, сделал болевой прием и добавив силы, переломал кость у запястья.

Очередной крик не заставил себя ждать. Глубоко вздохнув, я перешагнул через корчащегося человека и подойдя к полицейскому, забрал у него торчащее мое оружие.

К тому моменту его уже обезвредили. Он сидел на земле, пытаясь держаться за рану и скулил. Виктор держал мужчину под прицелом его же собственного оружия.

– Значит так, капитан, – уселся я на корточки напротив него, – повезло тебе сегодня немеряно! В живых останешься, но ненадолго. В зависимости от того, как будешь себя вести. Передашь остальным – в городе появился защитник слабых и немощных. Кто ко мне сунется, будет таким же как эти. И не дай вам Бог творить беззаконие на моих глазах – лучше сразу пулю в лоб в таких ситуациях. Все ясно?

Полицейский закивал головой. Из обширной раны не переставая текла кровь. Одежда уже пропиталась ею, но она и не собиралась останавливаться.

– Этого связать и оставить здесь. Остальных не трогать. Труповозки пусть ими занимаются. Всем вам больше здесь делать нечего, – обратился я уже к «местным жителям». – Если есть куда податься – самое время. Если же нет – ищите, но в этом месте найдете только свою гибель. Все всё уясни-

ли? Тогда разбегаемся!

– Спасибо, сынок, – тихо произнесла тетя Света, взявши меня за руку.

– Спасибо, друг, – сказал Виктор, отдавая мне пистолет и начиная заниматься сбором вещей.

Так ко мне подходил каждый. Кто-то пожимал руку. Кто-то хлопал по плечу, но у всех была нескрываемая радость на лице и облегчение. *«Ну вот, я спас шесть жизней, разменяв их на восемь других. Стоило ли так делать? Да Бог мне судья. Попаду к Нему, там и узнаю, что сейчас-то гадать».*

Сборы не заняли много времени. Я уходил самым последним. Спортивная сумка все так же стояла у двери. Скинув в нее мои мачете, я разрядил пистолет полицейского, достав из него обойму и зашвырнул все в кучу хлама, наваленного у противоположной стены.

– А я узнал тебя, гнида, – откашлявшись, заговорил полицейский. – Ты тот гад, что вчера напал в комендантский час на патруль. Знаешь, что с тобой сделают, когда поймают?

Остановившись в дверном проеме, я устало посмотрел на него...

– Тебя расчленят на маленькие кусочки и ты будешь подыхать очень медленно и мучительно!

... и не говоря ни слова пошел наверх. Надев на лицо маску и выскользнув из подвала, я направился в сторону дяди Саши.

Небывалая обезлюденность пугала. Никогда такого не бы-

ло. Из-за тучи выкатилась красноватая луна, словно обрызгавшаяся кровью, она освещала мне путь до самого дома друга отца.

– Алло, это Игнат Андреевич? Очень хорошо. Я звоню вам по поручению вашего сына – Данилы Игнатьевича. Он просил передать, что с ним все в порядке. Пару дней назад его выпустили из мест лишения свободы, но пока он не может навестить вас. Как только появится возможность, Данила обязательно приедет к вам, но думаю в ближайшие годы этого не произойдет. Что? Хорошо. Обязательно сообщу. И еще. Он прочитал изданную трилогию «аддонов» и выражает большую признательность за этот труд. Теперь все. До свидания!

Отключив телефон, я не раздумываясь, кинул его в унитаз и смыл в канализацию. Моя бывшая квартира оказалась под завязку набита людьми, вознамерившимися остановить меня любыми способами: шесть нацгвардейцев, четверо полицейских, несколько сотрудников ФСБ, судя по документам и трое бойцов спецназа с балаклавами на голове. Сам хозяин квартиры, скуля, лежал на полу с отрубленным ухом.

Кровищей был залит каждый метр пространства. Такое чувство, что я попал в мясоразделочный цех. Осмотрев все еще раз на наличие признаков жизни и убедившись в обратном, мне не оставалось ничего другого, как покинуть место побоища.

В квартиру дяди Саши я попал за полночь. Он не стал спрашивать где я был и почему так поздно. Понимал? Да конечно. Дураком не был. Расположившись в Настиной комнате, я из кусков кожзаменителя и плотного шпагата соорудил незамысловатый чехол для мачете. Наверняка девушка занималась сувенирными поделками, раз держала такие странные предметы у себя под кроватью.

Наутро я попросил начертить местоположение захоронения жены и сославшись на срочные незаконченные дела, поспешил отклониться и оставить мужчину в одиночестве. То, что он не выдаст моего пребывания в своей квартире, я знал на все сто. Не тот он человек, чтобы так поступать. Мой отец всегда хвалил его и всегда отзывался с положительной точки зрения.

Взгляд упал на нарисованный неким умельцем портрет Анастасии, висящий на кухне, когда я уплетал сваренные на завтрак хинкали. Сделан он был мастерски. На меня смотрело улыбающееся лицо девушки, не обремененное никакими заботами, не связанной обязательствами и ограничениями. Золотистые кудряшки волной спадали до плеч. Лукавый взгляд светился радостью и безмятежностью. Захотелось наяву увидеть эту девушку, поговорить, как мы делали в детстве, сравнить произошедшие изменения, да и просто поболтать.

Отбросив нахлынувшие эмоции, я поспешил закончить с завтраком, забрал план Тихвинского кладбища, где находи-

лось последнее телесное пристанище моей драгоценной Маришки, прикрепил к спине кожаные чехлы с мачете, оделся, подобрал сумку с тюремным скрабом и вышел на улицу.

Перво-наперво решено было вновь заглянуть в свою бывшую квартиру. После посещения семейного гнездышка Илья и Полины у меня остались некоторые подозрения относительно того, кто выкупил у судебных приставов квартиру. Да и ее новому владельцу хотелось задать пару давно интересующих вопросов.

То, что там ждет организованная засада, я даже не сомневался. Уж очень много шума возникло за последние дни вокруг моей персоны. Поэтому я сразу перешел в нападение, как только Сергей открыл дверь, показавшись в проеме в полосатой майке и шортах. Свалив его одним точным ударом в челюсть, я прошел вовнутрь и дальше события понеслись по произвольному, но очевидному сценарию.

Меня хотели взять живым и в этом не приходилось сомневаться. Люди в штатском и камуфляжном обмундировании заполнили узкий коридорчик. Не рассчитывая на серьезное сопротивление, они просчитались в моих способностях и теперь были наказаны появившимся в моих руках мачете. Глупый приказ. Никогда его не исполнял, пока не выводил противника из игры. Сломанная рука или нога, простреленное плечо или колено – дело поправимое и недолговременное. Как говорится «до свадьбы заживет». Зато с такими увечьями можно брать любого преступника «тепленьким». И сдачи

не даст, и ты не запыхаешься по его скручиванию.

Здесь же разыгралось Бородинская баталия. По долгу службы мне часто приходилось пользоваться холодным оружием, но предпочитал я все же огнестрельное. В данной ситуации выбирать не приходилось. Мне пришлось изрядно повозиться. Но полиция и даже нацгвардия – это не спецназ. У них нет той подготовки, который каждый должен пройти чтобы удостоиться права быть зачисленным в отряд специального назначения. Мне с братом повезло, а вот всем этим, кто сейчас в неестественных позах валялся по всей квартире – нет.

Сергея – иуду и предателя я оставил напоследок и не важно, он ли вызвал все это сборище народа или просто они меня уже вычислили и прислали группу захвата. Не важно. Главное, хозяин квартиры их пустил, а меня не предупредил. В тюремных кругах за такое – пером по шее, но мы же цивилизованные люди. Отрезанного уха с него хватило, чтобы мужчина ползал на коленях и скулил как собака.

Специально позвонив с его телефона отцу, я предполагал, что за загородным домом семьи уже установлено видеонаблюдение и прослушка. Чтобы не палиться самому, пусть все думают, будто Сергей со мной заодно и по моей просьбе передает Игнату послание. Я от этого только в плюсе, а вот у ползающего на коленях мужчины, явно возникнут крупные неприятности. Да мне плевать. Не хотел идти на контакт – вот и результат – пусть ищет часть своего тела в помойке.

Если и дальше будет противиться – носотрежем, палец, руку, ногу... да мало ли что еще. У человека, как оказалась, много всего лишнего. Вот и пусть пеняет потом сам на себя.

Я вытер окровавленное мачете о форму лежащего вниз лицом полицейского и спрятал оружие на свое место под куртку. Вторым же клинком я дотронулся до щеки Сергея и больно надавив, заставив сесть и посмотреть на меня.

В широко раскрытых глазах читался такой неподдельный ужас, что просто жалко было смотреть на представителя мужского рода. Мать мне всегда говорила: «Если ты грешен – терпи наказание, если нет – доказывай свою правоту вплоть до содранных кулаков и разбитого носа». Я запомнил эти слова на всю жизнь. Здесь же не наблюдалось ни одного ни другого – тупая покорность и страх, мертвой хваткой сдавливающий все внутренние органы и не желающий покидать брненное тело.

– Твой ответ оказался неверным, друг, – перекинув мачете на плечо и встав в межкомнатном проеме, спокойно сообщил я. – У тебя было время подумать еще раз, более осмысленно, пока я совершал один важный звонок. Ну так что, будет нужный ответ или дальше продолжишь водить за нос?

Кровь обильно текла оттуда, где недавно находилось ухо. Мужчина кое-как пытался прикрыть это место ладонью, но остановить ее никак не мог.

– Я ничего не делал и не знаю. Отпустите меня!

– Обычно, в таких ситуациях говорят, что две руки – это

роскошь, – смерив его холодным взглядом, проговорил я, – но у тебя опять есть выбор: либо сказать правду, либо лишиться той части тела, которая не нужна.

Опустив мачете на его предплечье, я слегка похлопал по руке, наглядно демонстрируя, чего он лишится, если даст неправильный ответ. Сергей завизжал и стал отползать назад, но уперся в расprostертого на полу гвардейца и захрипев, заскользил по ламинату коленями.

– Я не виноват. Меня заставили.

– Кто?

– Ювеналы. Решалась моя судьба: либо свобода, либо колючая проволока. Я, естественно, выбрал свободу. Меня подселили в соседнюю с вашей квартиру, чтобы я все выведывал, пронюхивал и докладывал в компетентные органы. В итоге я заложил твоих детей и жену. За малышками приехали: ювенальная юстиция, участковый и нацгвардейцы. Детей отобрали, жена, не выдержав всего совершила суицид, а мне, в знак расположенности властей, перешла квартира в безвременное пользование без права дарения либо завещания. Мне действительно очень жаль Марину, но выхода не было. Я спасал свою шкуру!

– Вот значит как все обстояло на самом деле.

Замахнувшись, для очередного удара, мужчина выставил вперед руку и закрыл глаза. Оружие со свистом разрезало воздух и вонзилось в ламинат.

– Живи, гад! Но знай, что когда-нибудь я приду за тобой

и верну весь причитающийся мне долг.

Сергей заныл, из глаз потекли слезы и упав на брюхо, он попытался обнять мои ноги в знак глубочайшей преданности. Оглядев еле живого, от страха гниду, я вытащил мачете, вытер о его же кровавую рубашку и спрятал на свое место под куртку. Оттолкнув ногой пытающегося вцепиться в меня мужчину, я подобрал оставленную в коридоре спортивную сумку и уняв ярость, с удовлетворением закрыл входную металлическую дверь.

«Что же у нас выходит? Государство создало некую «Систему», в которую входят все органы власти. Ювеналы сотрудничают с судебными приставами, полицейские с нацгвардейцами и вояками и так далее, тому подобное. Чтобы заполучить детей, ювенальная юстиция прибегает к помощи судебных приставов и последние подбрасывают к нам некоего Сергея, в прошлом уголовника, чтобы он сливал информацию про все то, что происходит в моей квартире. Повязав меня и нахлобучив в суде кучу ложных обвинений, прокуратура развязала руки ювеналам и те, под крылом приставов опечатала квартиру за долги перед коммунальщиками города. Забрав детей, они поставляют их директору ФСБ... для чего? Скорее всего для того, чтобы тот либо совершил продажу за границу в целом виде, либо расфасованным по органам. Ничего себе, девки пляшут! Хрень какая-то получается. Что-то уж совсем мрачная картина. Нужно поинтересоваться у кого, были ли еще подобные прецеденты

с отъемом детей или у меня произошел единичный случай. Собственные мысли могут завести в любую сторону, а вот факты... вот доберусь до Кирилла Антоновича и уж тогда все встанет на свои места. Уж директора ФСБ я смогу разговорить».

Одев маску, я вышел на улицу. Двенадцати дня еще не было, поэтому приходилось быть на пределе внимания. Лишние горожане отсутствовали. В столь ранний час имели ограниченное передвижение лишь некоторые люди, которые заранее обзавелись соответственными документами с целью визита и проложенным маршрутом.

– Сейчас используют так называемые «QR- коды», – говорил дядя Саша, посвящая меня во все премудрости «Системы». – Это можно сказать своеобразный маршрутизатор для пешеходов. В этот код вносятся все данные на предстоящий день: время выхода из дома, время пребывания на месте, цель визита, время там нахождения, обратная дорога... в общем каждое движение индивидуума должно быть полностью расписано. Почему индивидуума? Да потому, что буквенное значение имени, фамилии и отчества заменилось числовым выражением при присвоении СНИЛСа в пенсионном фонде. Теперь он дается с самого рождения, а не при первом выходе на работу и полностью заменяет буквы личности. Так что в электронном виде ты не Белов Данила Игнатьевич, а совсем другое число. И вот этот «QR-код» человек должен предъявлять при каждой проверке его правоохранительными ор-

ганами. Первые его вариации были бумажного типа. Затем, стали применяться только на планшетах и смартфонах. Но венцом творения «Системы» стала их обязательная прошивка на налобные метки штрих-кода и вживленные в тело микрочипы. Все это делалось под предлогом легкодоступности, но на самом деле ты прекрасно понимаешь зачем это было нужно.

Из размышлений меня так некстати вывел непонятный шум и возня, происходящая за ближайшей машиной у трансформаторной будки. Осторожно подойдя ближе я стал свидетелем удивительной картины: в пятнадцати метрах, с открытыми дверцами стоял полицейский «УАЗик», а двое представителей власти вытаскивали из «Мерседеса» дяди Юры пьяного Виталика. Он уперся в дверной проем фургона и схватившись за поручень, ногой отбивался от наседающих полицейских. В дальнем углу «Мерседеса», даже с такого расстояния все так же виднелось пьяное тело дальнобойщика (в прошлом) Сергея.

«Помер он там что ли?» – пронеслось у меня в голове.

Полицейские прикладывали не дюжую силу и постепенно у них стало получаться вытаскивать неподдающееся тело соседа.

«Вот, блин, алкашня. Когда уже завяжут с этим делом?»

Подойдя ближе, я со всей силы пнул ближайшего блюстителя закона, но не рассчитал собственной силы. Его нога,

словно спичка, сложилась пополам. Отчаянный крик боли раздался по пустынной улице. Мужчина схватил болтающуюся конечность и катался по пыльному асфальту, пытаясь унять шок.

– Ну чего ты кричишь? – вспомнил я знаменитую фразу из мультфильма про Карлсона. – Кошек всех распугаешь!

Второй полицейский отпустил Виталика, отчего тот сразу же забился в дальний угол и выхватив резиновую дубинку, едва не угодил мне по голове. В последнее мгновение я перехватил его руку, резко завернул назад и выкрутил по часовой стрелке. Запястье хрустнуло и завывающих стало уже двое.

Перешагнув через содрогающиеся тела, я подошел к их автомобилю и поискав взглядом нужный предмет, нашел его на заднем сиденье. Это оказалась рация. То ли они не успели ее повесить на нужное место, то ли специально туда положили... я не стал заморачивать себя такими вопросами. Проверил – работает. Сорвав заднюю крышку, мне потребовалось несколько секунд, чтобы найти поставленную там микросхему слежения за перемещением устройства и еще столько же, чтобы извлечь ее оттуда, бросить на асфальт и раздавить ногой.

Положив ворованную вещь в спортивную сумку, я направился прочь от этого места.

– Эй, приятель! – окликнул меня сзади знакомый голос.

Обернувшись, я увидел все-таки вышедшего из «Мерседеса» Виталия. Выглядел он плохо. Стоял на ногах еще хуже.

– Спасибо, друг! – заплетающимся голосом, разделяя каждое слово на слоги, произнес он.

– На здоровье. Шли бы вы, дядя Виталий... домой. Доиграетесь когда-нибудь. Никто вам в следующий раз не поможет!

Не дожидаясь ответа, я закинул сумку на плечо и быстро зашагал подальше отсюда.

Конечная цель моего передвижения была известна еще вчера – Тихвинское кладбище, находящееся отсюда в нескольких десятках километров. Расстояние не проблема. Главное не нарваться на патруль и квадрокоптеры. В этом-то и должна была помочь честно отобранная рация. То, что она заряжена по максимуму не вызывало сомнения. По ходу движения я включил ее прямо в сумке и теперь с интересом ждал интересующие меня переговоры.

Выросши в этом районе и общмонав с дворовыми ребятами каждый закуток местности, я знал самые короткие тропы и тайные дороги. Поэтому неудивительно, что шел напрямик не прибегая к услугам городского транспорта и частных извозчиков.

Весна выдалась на редкость холодной и дождливой. Хотя сильного ветра и не было, но он своими ледяными иглами все равно пронизывал до костей, заставляя ежиться и поддерживать высокую скорость передвижения.

Утро только недавно вступило в свои права, поэтому людей находилось на улице считанные единицы. Патрулей в

этих местах попадалось мало, но и от тех, что ходили по придворным улицам я легко уходил стороной, ничем не выдавая своего присутствия. Опасность могли составлять лишь квадрокоптеры, но они сканировали пространство с высоты птичьего полета и не могли спуститься чтобы заглянуть мне в глаза и опознать «серийного маньяка – убийцу полицейских». Пока все шло гладко. Хотелось бы чтобы и дальше подобное везение не покидало моей персоны.

Воробьи шумно вспорхнули из разросшегося кустарника шиповника, едва не задев меня своими крыльями.

Природа только-только стала просыпаться от зимнего сна, сбрасывая с себя тяжелые оковы заморозков и ледяного покрова. Однако первые листочки уже появились из раздувшихся, словно при вздохе, почек и теперь старались быстрее набраться сил, заметно вырастая с каждым днем. Трава, пока еще худая и куцая, упорно лезла из-под земли, заявляя свои права на ближайшие полгода. Чувствовалась жизнь. Не ежедневная круговерть в бетонных коробках и кирпичных муравейниках, а настоящая, дарованная свыше свобода, которой так не хватает вот уже много лет в окружающем мире.

Голуби, заворковав в стороне, пустились в ежегодный круговорот танца, привлекая внимание самок. Грачи, неуклюже прыгая, хватали клювом разбросанный от деревьев мусор – прошлогодние тонкие веточки, не выдержавшие суровой жизни и обломавшиеся от основных ветвей. Кричащие коты, молнией пронеслись от одного подвала к другому. Их

расфуфыренные хвосты стояли столбом, подергиваясь лишь самым кончиком.

Природа не меняла своих законов и правил. Она была, есть и будет постоянной, вне зависимости от того, что с ней станет творить человек. Ей совершенно наплевать на его запреты, указы, законы и что самое хорошее – меняться для прихоти сильных мира сего она не собирается.

– Ястреб, это Беркут. У нас объявился маньяк...

Голос из радиации прозвучал настолько неожиданно, что вывел меня из размеренного течения мыслей. Потом там раздалось долгое шипение, треск и другой голос достаточно четко ответил:

– Беркут, это Ястреб. Что у вас?

«Беркут», «Ястреб»... похоже связистами сейчас сделали ЧОПы, ну чтобы совсем не распались из-за ненадобности.

– У нас дюжина трупов. Вводится план – перехват.

– Где это на сей раз произошло?

– Улица Попова. Бывшая квартира подозреваемого. Полиция, нацгвардия, даже СОБР есть!

– Да ладно!

«Ага, вот и раскрылись мои злодеяния. Интересно, пожизненное дадут, если поймают или чтобы уж наверняка на месте расстреляют – мол попытка к бегству, стреляли сначала в воздух, а уж потом на поражение...»

– Еще двое калеченных на улице. Переломы ноги и руки. Скорая уже на месте. Ждем полицию.

– Понял вас. Сообщу выше. Конец связи.

«Нет, конечно прельщает, что из-за меня сейчас поднимутся все спецслужбы города, но стоило ли выдавать себя до поры до времени или лучше было действовать в тихую? Тем не менее, что сделано, то сделано. Эх, братишка мой, находился бы ты сейчас со мной, мне в двойне легче пришлось бы».

Укрывшись за мусорным контейнером, что стоял у стены дома, я пропустил патруль с катящимся рядом андроидом и продолжил путь только тогда, когда они полностью скрылись из вида.

«Фил Кейтс. Интересно, что это за личность? Что-то знакомое, вот только что? Вертится на уму какая-то догадка. У него три завода, которые выпускают программное обеспечение для современных компьютеров, а под шумок и некие вакцины с микрочипом в их составе. Вот сидел бы у себя дома, за бугром и колол бы творение рук своих кого угодно, любому из ближайшего окружения. Что он до нас доколунывается? Эх, братик-братик, правильно ли мы поступили, выполнив последнее совместное задание, работая на ФСБ? Стоило ли уничтожить совет директоров мирового правительства, если остались еще гниды, которые хотят прибрать планету к своим рукам? Жаль, что ты где-то бегаешь со своей девчонкой. Как ее там? Алина? Так, старлей, отставить депрессию и пессимизм. У самого голова на плечах! Сумел заварить всю эту кашу, сумеешь и расхлебать».

Другого не дано. Ради своих дочерей! Вероника, Кира, как вы там, мои солнышки?»

Внутренний разговор подействовал положительно. Уверенность и решимость говорили об удачном исходе дела. Вдохнув как можно глубже, через маску, воздух, я ускорил движение, выходя спустя некоторое время к микрорайону Южный, от которого было рукой подать до Тихвинского кладбища.

Последнее пристанище мертвых встретило меня, как и положено, гробовой тишиной. Один лишь ветер тихо-тихо качал кроны немногочисленных деревьев, да одинокая птица изредка нарушала покой своими криками.

Могилу Маришки я искал долго. Пришлось дважды обойти кладбище. Вначале я обнаружил мать дядя Саши. Ее ухоженная, огороженная могила располагалась почти в самом центре. На меня смотрела с каменного изваяния круглолицая улыбающаяся женщина, как две капли воды похожая на постаревшего Александра. Поклонившись ей за столь хорошего сына, мне пришлось продолжить поиски дальше.

Простой железный крест с овальной фотографией нашелся не сразу. Могила находилась в самом дальнем углу, почти у самого обрыва. Никаких ограждений не было. Ухоженность тоже отсутствовала. На заросшей травой насыпью стоял поржавевший от дождей простенький венок и потемневшие от времени искусственные цветы.

Около получаса заняла уборка местности. Хорошо, что

еще кто-то догадался поставить небольшую скамеечку на двух человек. Закончив приготовления, я протер запылившийся посмертный портрет любимой женушки и, перекрестьявшись, сел.

Ветер теребил волосы и даже в маске настолько дышалось легко и непринужденно, что я напрочь забыл о ее существовании.

– Ну здравствуй, дорогая красавица!

Глаза моментально увлажнились, а сердце заныло скорбью. Никогда не любил такие вот задушевные разговоры. Всегда казалось, что сам Бог обращает на меня свой справедливый взор, от которого никуда нельзя было спрятаться.

Слова давались тяжело. Горло моментально пересохло. Язык не ворочался, прилипая к небу.

– Прости меня пожалуйста, что не сумел убереечь детей от недремлющего ока «Системы»! Прости, что не оказался рядом, когда тебя так нужна была моя помощь! Во всем виноват только я один. Мне нет оправдания и прощения.

«Верной жене от друзей», «Любящей матери, от родственников». Последняя развивающаяся на ветру ленточка с надписью однозначно принадлежала дяде Саше и его семье. Он всегда был и есть нашим единственным не кровным родственником. Что бы мы не просили, что бы ни спрашивали, он всегда находил возможности ответить нам и решить любую задачу. Он давно перестал быть простым другом, перейдя в намного близкие семейные отношения.

А вот первая ленточка вероятнее всего принадлежала Илье и Полине. Кроме них, другие друзья у нас отсутствовали, да и не хотелось заводить кого еще. Мы жили своим семейным миром никого не трогая и не вмешиваясь ни к кому с указаниями и поучениями.

Ветер принес новую порцию воздуха, отчего я глубоко вздохнул и закрыл глаза.

– Даю тебе обещание вернуть детей во что бы то ни стало. Я уверен в своих силах и знаю, что справлюсь. А ты... помолись там за меня Боженьке и... прости еще раз за все, что произошло. Бес попутал в тот вечер выпить лишнего – вот и результат. Поплатился за собственную ошибку! Прости, ради всего святого на свете!

– Она-то тебя простит, а ты сам простишь себя?

Голос исходил из-за спины и принадлежал женщине. Медленно обернувшись, я увидел стоящую неподалеку бабулю, лет восьмидесяти. Она добродушно смотрела на меня, а ее голова слегка подрагивала.

– Так что, сам-то сможешь жить с таким грузом?

Как она здесь оказалась было неясно. С одной стороны вся местность просматривалась и подойти незамеченным становилось не реально. С другой стороны я мог и отвлечься от происходящего кругом. Поэтому не удивительно, что бабуля смогла подойти так близко.

На женщине был платочек, старенький плащ и резиновые сапоги. Опиралась она о простенькую деревянную клю-

ку. Взгляд ее добродушных глаз успокаивал внутренний трепет, горечь утраты и разгорающуюся злость на окружающий мир... всю эту чертову «Систему», способную поглотить любую семью, прогнать через свою мясорубку и выплюнуть остатки, как и случилось в моей ситуации.

– Так что молчишь или оглох? Молод чтобы слух терять. Он, ох как еще пригодится.

Она села на край скамеечки и посмотрела на фотографию Марины.

– Красивая.

– Правы вы, Бабушка, придется жить с таким грузом!

– Ох и мучаются с такими непонятливыми бедные жены.

Зачем тебе с таким грузом жить, если батюшка существует? Сходи к нему, покайся, причастись, расскажи, что на сердце лежит! Бог-то Он все видит и сейчас на тебя смотрит, а на прямую сказать не может. Не достоин ты, чтобы напрямую с Ним общаться. Вот исполни все как нужно – глядишь и счастье придет. Православный человек без причастия да покаяния кем будет? Вот именно что никем. Не гневи Бога! Таинства они для того и существуют, чтобы с духовным своим миром в ладу жить, а у тебя чертей за спиной полчища. Как от них избавиться не имея благословения и прощения Божьего? То-то и оно, что никак. А вот верующему, отдающему свою душу Спасителю проще-простого обратить на себя взор Всевышнего. Ты Ему молишься, каешься, а Он тебе во всем помогает, способствует и ведет в царствие небесное, а

не в гиену огненную.

– Так ведь говорят, что нет больше истинных храмов с батюшками-настоятелями. Машины все заменили: и храм, и иконы, и свечи, и молитвы даже.

– Говорят – кур доят, а как пошли, то ничего и не нашли. Вот и ты ищи! Ищи, милоч спасение своей души и встречи с Богом!

Глубоко вздохнув и осмотрев старушку, я перевел взгляд на фотографию Марины. Происходила какая-то нелепая ситуация. Бабуля, как всеведущий пастырь рассказывает о общении к Богу. Нет, конечно в Него я веровал безоговорочно, но чтобы участвовать в таинствах как-то мыслей не было. В тюрьму, где я сидел время от времени приходил священник, но мне с ним никак не удавалось встретиться: то в одиночку за какую провинность посадят, то отправят назад в камеру, то наоборот, в другую переведут. В общем на зоне не суждено было открыть душу батюшке. Здесь же все завертелось, закрутилось, да и, как оказалось, не к кому стало подходить. Священников репрессировали. Храмы закрыли.

– Вот так оно всегда происходит, – продолжала старушка. – Он ждет, а заблудшие души не идут, хоть кол на голове теши. Потом, значит, сидят и удивляются почему так плохо и нет спасения? А что ты сам сделал для этого спасения? Бог всегда руки помощи протягивает и ждет, а то, что через терни к Нему идти придется, так как же без жертвы? Всегда чем-то жертвовать приходится: временем, силами, сном... у

кого что имеется.

– Вам, бабушка, в свое время в ораторы бы идти – цены бы вам не было!

– А она красивая, – не слушая меня, не замолкала женщина. – Рядом с Богом сейчас стоит, на тебя смотрит, руки тебе тянет, а ты и ухом не кажешь. Уши свои береги, потом добрым словом меня помянешь!

Я помассировал рукою виски, чтобы не рассмеяться. Вот куда понесло эту старую? Только про Бога говорила, теперь чем-то уши мои не понравились. Поспешив стереть улыбку с лица, чтобы не опечалить бабушку, я посмотрел на курчавые барашки белоснежных облаков и обернувшись, сказал:

– Обязательно так и сделаю, слово даю! Э-э-э... бабушка?

Удивительное дело, но старушки не было ни на скамейки, ни за ней, ни в пределах видимости. *«Что за чертовщина? Куда ее ветром сдуло?»*

– Ау, бабуля, что за фокусы? Куда вы пропали?

Я вновь остался наедине с собой и со смотрящей в упор фотографией Маришки. Теперь же показалось, словно она с укором смотрит на меня и не знает не то простить, не то разгневаться.

Ветер успокоился окончательно. На ветку дерева вспорхнула птичка и запела. В нос ударил чистейший, насыщенный кислородом, воздух, заставив глубоко вздохнуть и насладиться им.

Рядом, на том месте, где сидела женщина, осталась ее

клюка, служившая ей опорой и, как говорится, третьей ногой.

– Интересно девки пляшут. Мистика какая-то. Ну не исчезла же она в самом деле.

В задумчивости, я взял в руки ее посох и стал рассматривать, словно на нем находился ответ о только что произошедшем.

– Ну здравствуй, Данила Игнатьевич, сколько лет, сколько зим!

Прекрасно осознавая, кому принадлежит этот голос, я не спешил поворачиваться. Сердце стало учащенно наступивать положенный в таких ситуациях ритм, а я тем временем обернулся, поудобнее перехватив старческую палку. *«Ба, а вот и кавалерия. СОБР! Великолепная четверка и вратарь».*

Их капитана я знал давно, даже очень давно. Когда-то, в юные годы мы вместе уходили в армию, на срочную службу. После нее, за некоторые заслуги перед Родиной, нам предложили пойти дальше и заслужить особые береты. Мы оба, без промедления согласились. Учились одинаково хорошо, выполняя все требуемые действия. Однако я получил берет и звание с первого раза, а вот мой друг только спустя нескольких лет усердной подготовки. Вот тут-то наши дороги и разошлись. Он стал вначале завидовать, потом злиться и в конце концов ненавидеть меня. Все наши последующие встречи оканчивались либо потасовкой, либо настоящей дракой, при которой в ход шли все подручные предметы.

В итоге, наша некогда хорошая, добрая дружба оборвалась. Он пошел своею дорогою, а я своей. Не предполагал... совсем не предполагал, что наши пути так пересекутся. Значит, в ближайшее время в живых останется только один.

– Здравствуй, Олег! Что, не сидится в спокойствии? Другие не сумели, так сам решил все урегулировать?

Он пренебрежительно осмотрел мой внешний вид и цокнул языком, всей своей сущностью показывая как неприятна стоящая перед его глазами персона. Скрестив руки на груди, мужчина сплюнул в сторону и усмехнувшись, пристально посмотрел в глаза.

– Знаешь, когда сообщили, что в городе начал орудовать маньяк, я в начале не поверил этому, но когда посмотрел сводки и доклад с места преступления криминалистов, а потом сопоставил факты, то... даже обрадовался. Сразу подумал, какой такой каратист смог уложить десяток нацгвардейцев, причем не из слабого десятка. Затем мне лично пришлось допросить капитана полиции, пытавшегося задержать отбросов общества, но по вине известного нам человека не сумевшего это сделать. Потом побывал на месте преступления, а уж когда сделал запрос по всем освобожденным и бежавшим зекам за прошедший месяц – все встало на свои места.

Он вытянул вперед руки, разминая суставы, начал делать круговые движения.

– Контора сразу же поняла чьих из откинувшихся это рук

дело. Медкомиссия сразу признала, что у тебя, друг, слетела крыша, как такое часто бывает у слабовольных и слабохарактерных людей, не достойных не только жить, но даже существовать под солнцем. Тебе хотели одеть смирительную рубашку и запечь в психушку, но я оказался раньше их. Совпадение. Не правда ли?

Его увесистый кулак лишь рассек воздух и слегка оцарапал щеку. Я был готов к подобному и предугадал действие «друга». Уйдя с линии атаки, я расчертил палкой, по дуге, воздух, но он ушел в «молоко». Один-один. Мы скорее всего не дрались, а пытались найти то слабое место друг у друга, после которого и наступает настоящая драка. Наши тела, словно машины смерти, сходились и расходились, натываясь на умело организованную оборону. Не имея возможности пробить или обойти ее, мы расходились на изначальные позиции и все повторялось снова.

Его четверка стояла полукругом и не вмешивалась. Либо им дали приказ не вступать в бой, либо они ждали удобного случая, чтобы одним направленным общим ударом опрокинуть меня и положить конец всем моим стараниям. Я же пытался прокрутить в мозгу все возможные сценарии исхода боя. Выходило не густо, где удалось бы одержать победу. Но пока они бездействовали, можно было сконцентрироваться на непосредственном противнике.

Под правым глазом моего оппонента уже довольно отчетливо проступала синева, но и на моей левой скуле виднелась

ссадина. Пока силы были равны и чаши весов находились в равновесии.

Мой удар оказался неудачным. Отклонившись, он словно перетек в сторону и перехватив руку, попытался сделать заламывающий прием. Большим усилием мне удалось вывернуться и разорвать дистанцию. Замах, еще один... Палка бесполезно резала воздух, но не смогла дотянуться до Олега. Он словно предугадывал мои действия и забавлялся невозможностью нанести ему хоть какой-либо мало-мальский урон.

Пропустив удар в бок и солнечное сплетение, я невольно отшатнулся назад и мужчина моментально воспользовался моей секундной задержкой. Размашистые удары посыпались как конфеты из рога изобилия. Он бил больше рассчитывая на силу и явно сделал неправильный вывод о моем положении. Скорее всего предполагалось, что я уже утратил боевую форму, а имевшиеся знания забылись и покрылись слоем вековой пыли, как некоторые книги в библиотеке. Оно и в действительности стало так, если бы не то место, где я содержался. Там даже по предположению невозможно было все забыть и потерять навыки. Постоянные стычки с кем-либо, проверки на выживаемость, да и «вправление мозгов» самими конвойными и другие подобные ситуации не давали расслабиться ни на секунду. Считалось, что если расслабился – признал поражение. Значит, не достоин для существования. Значит, о тебе будут вытирать ноги все, кто вздумается и ра-

но или поздно, но ты закончишь свои дни у параша. Естественно, меня такое не устраивало и каждый день приходилось доказывать право существовать под солнцем.

Мой стиль боя изменился. Он не походил на старую школу полицейских, а потом и войск специального назначения. Он стал иным и теперь стоило им воспользоваться. А еще я вспомнил Маришу...

Отойдя в сторону, я сделал обманный выпад и переместившись в бок, использовал палку для удара по икрам ног и одновременно левым кулаком достал до челюсти. Мужчина охнул и отступил назад. Следующий замах старушеческого оружия был направлен в горло. Олег присел, но сразу же колено в кровь разбило ему нос и опрокинуло на землю.

– Что вы стоите? Убейте его! – крикнул он своей группе, но те даже не шелохнулись.

Перекатившись, он рывком поднялся на ноги, но тут же ушел в глухую защиту. Мои удары стали приносить результат. Вначале он отбивался от них, но эти попытки сходили на нет, а вскоре и вовсе прекратились. Настал тот момент, когда он раскрылся и я моментально этим воспользовался. Подпрыгнув, я коленом совершил второй удар в челюсть, намного сильнее предыдущего. Потеряв равновесие, мужчина стал заваливаться на спину и со всего размаха рухнул на соседнее кладбищенское ограждение в виде заостренных лепестков березы. Два таких штыря пробили ему спину и вышли из груди, обагрив одежду алым цветом. Тело несколько

раз дернулось, пытаюсь подняться, но это была лишь агония. Вскоре Олег затих. Его глаза замерли в удивлении на мне, а руки веревками повисли вдоль ограды.

«Прости, друг! Покойся с миром! Видит Бог, я не хотел этого!»

Вздохнув, я обернулся в сторону все еще стоящей в бездействии четверки СОБРцев и поднял клюку старухи, предполагая продолжить начатое с Олегом дело. Однако все пошло не так, как я ожидал. Один из спецподразделения выставил вперед раскрытую ладонь и сорвав с головы балаклаву, сделал шаг вперед. Я отступил на такой же, наткнувшись на металлическое ограждение и не сводя с них взгляд. *«Если они нападут одновременно, отступить будет некуда. Вряд ли что-то дельное получится из предстоящего боя, но продать свою жизнь следует подороже».* Следующие события показали, что все идет совершенно не по тому сценарию, о котором предполагал я.

– Постой, – остановил меня поднявший руку солдат. – Есть предложение. Нужно поговорить!

Он кивнул своим и те тоже сняли свои маски, выказывая отсутствие агрессии.

– Меня зовут Андрей. Мы из «не согласных».

– Это еще кто? – удивился я, медленно отходя в сторону и становясь в более выгодную позицию.

– «Не согласные» являются противниками существующей модели государства и ярыми борцами с «Системой».

– «Ярыми»? – усмехнулся я. – Это как?

– Я и товарищи не поддерживаем то, чем сейчас занимаются представители власти. У нас есть свой штаб, свой лидер и несколько десятков людей из подобных нам подразделений. В виду своей малочисленности, мы не можем открыто вступать в конфликт. Пока наша цель выждать и накапливать силы для одного-единственного, но верного удара по верхушке власти. Присоединяйся к нам! Мы видим, ты тоже борешься с «Системой», но в одиночку никому не справиться.

– Э не, ребята. У вас своя дорога, у меня своя. Как-нибудь потом, можно?

Мужчина взглянул на товарищей, порылся в кармане и протянул клочок бумаги, на котором был написан номер телефона.

– Это нейтральный номер, для встреч. Его не отследят. Все предусмотрено. Как надоест бегать и махать мачете – звони. Нам нужны такие как ты!

– Ага, премного благодарен. Так я пойду?

– Иди.

Спрятав бумажку, я бочком добрался до своей сумки и перекинул ее через плечо.

– Через пять минут здесь будут дроны, – сказал один из четверки. – Уходим, живо!

Команда единовременно развернулась и бегом бросилась к стоящему вдалеке «УАЗику». Взревел мотор и, подняв

клубы дыма, он скрылся за пределами видимости.

Подойдя к Олегу, я прочитал над ним «Отче Наш» и закрыв его устремленные в небо глаза, бегом отправился своей дорогой. Маршрут давно сформировался в голове. Пора было навестить Кирилла Антоновича.

Городской транспорт уже начал свою работу. В общем, я понял, что время вируса – удобный предлог чтобы нацепить на себя перчатки, маску, очки и разгуливать по городу не привлекая к себе внимания, так как все выглядят так, как сам и не обращают на тебя совершенно никакого внимания. Хоть сейчас заходи в банк и грабь его. Очень удобно. Думаю, кое-где подобное уже и произошло. Прост это не афишируется в массах, а оседает на столах в виде очередного дела у представителей правопорядка.

Где жил Кирилл Антонович я знал и надеялся на то, что за эти прошедшие десять лет он не изменил свое место жительства.

Когда-то мы с ним неплохо ладили. После контракта в отделе специального назначения и удачно выполненной, совместно с братом, одной уникальной миссии, я попал под его начало и исправно служил несколько лет, пока вышестоящее руководство не сослало меня на неожиданную пенсию (даже по меркам военного). А потом произошла не очень красивая ситуация с празднованием нового года и ложное обвинение в «убийстве двух и более лиц в состоянии алкогольного опья-

нения». Смешнее не придумаешь. Только смеялся в этот раз не я, а прокурор. Кстати, к нему тоже не мешало бы забежать и разобраться что к чему, расставив все по своим местам.

Тогда директор ФСБ отвернулся от меня и жизнь моментально поменяла свой цвет на черный. Я не винил его. Каждый держался своего места и над ним, естественно, стояло свое руководство, которому не понравилось бы что их подчиненный помогает преступнику, пусть и по ложному обвинению. Кирилл утер руки и отказался от своего бывшего пенсионера-солдата.

По своей работе я часто сталкивался с людьми, попавшими в подобную ситуацию, но тогда, имея слишком легкомысленное представление о таких скрытых делишках, зависящих от власти и влияния я зачастую проходил мимо. А зря. Следовало хоть раз разобраться в чем-либо деле, что в последствии не повадно оказалось бы попасть в подобную ситуацию.

Все равно много неясностей окружало мою семью и я во что бы то ни стало решил разобраться с этим, выдавив из Кирилла все, что только можно.

Я знал, что просто так к нему нельзя было подступиться. Следовало все изначально продумать до мелочей, чтобы потом не попасть в очередную ситуацию. Как всегда мои следующие действия упирались во время, которого катастрофически не хватало. Можно сказать оно работало против меня. Нужно было кому-то сбросить надоевшую сумку, переодеть-

ся, помыться, да и поесть в конце концов. И тут я вспомнил про записку, написанную смотрящим – Захаром и переданную мне еще там, в тюрьме, в прошлой десятилетней жизни.

Выйдя на медгородке, я повременил с Кириллом, а свернув во дворы, уселся на одиноко стоящую лавку и достал из спортивной сумки помятый листок бумаги.

Пах он самокруткой – настоящим, выращенным в хороших условиях, табаком и салом. Захар часто говорил, что сам он из деревни, что в двадцати километрах от Рудни и там, на его земле имеется хозяйство, где и выращивают сальных свиношек.

«Дорогой Данила! Перво-наперво, хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня здесь, на зоне. Без тебя, вряд ли я бы добился того положения, какое сейчас имею. Второе. От моих дознавателей я узнал кем являлся твой прапрадед. Это долгая история. Скажу только, что по чистой случайности... по глупой ошибке молодости он умер от моих неправильных действий, о чем я сожалел все это время. Твоя прабабка и прапрабабка ушли из жизни вслед за дедом, чего я не предполагал и не хотел. Банальная вышла тогда ситуация. Не поделили клочок земли. Вот и разыгралась вся драма из-за этой моей жажды обогащения. Смешно теперь вспоминать. Зачем она мне здесь? Хотя... Прости! Тебе не смешно все это читать. Мне искренне жаль о содеянном, но обернуть все вспять невозможно, так же, как и воскресить твоих родственников. Единственное, чем

я могу тебе помочь, так это словом и делом. Когда настанет крайняя ситуация, ступай в ресторан «Дикая орхидея». Там работает ставленный мною человек, да и вообще весь комплекс принадлежит мне. Он постарается сделать все, о чем ты попросишь от моего имени. Еще раз прости о деяниях моих старых! Я действительно не знал, что все так обернется!

... послесловие: когда твой отец издал книгу, я нашел всю эту историю, что произошла, на страницах его произведения. «Одна деревенская история» – называется тот рассказ. Если будет желание, можешь его прочитать и все подтвердится. Прости! И да поможет тебе Бог! (Спроси Рустика)».

Сложив записку и убрав ее в карман, я призадумался. Выходило, что Захар заприметил меня сразу, но ни словом, ни действием не выдал этого. «Силен старичок. Держал все до последнего, пока не написал это послание».

Я не стал пренебрегать таким царским подарком и поэтому сразу же направился в указанный ресторан. Хотя от медгородка он находился всего в двух остановках, я решил их все же проехать на маршрутном транспорте. Береженого, как говорится, Бог бережет.

Маршрутчик, в маске, как и я, приветливо кивнул головой, когда я сел на сиденье рядом с водителем.

«Дорогие друзья! Мы должны держаться!» – послышался в динамиках знакомый голос президента. – Порог эпидемии

еще не пройден. Мы все, так же как и раньше, должны держать установленную дистанцию, носить защитные маски, по необходимости перчатки, а лучшие всего соблюдать самоизоляцию и находится дома. На совещании чрезвычайной комиссии, было решено продлить нерабочие дни еще на две недели!.. Приятного вам отдыха!»

– Да что же это происходит? – закричал водитель, ударив руками о руль. – Дочь с зятем уже забыли когда работали в последний раз. Один я пять человек тяну. Сколько такое может продолжаться? В могилу загонит нас наша власть, а не в светлое будущее. За квартиру плати, за машину плати, за кредиты плати, за всех всем плати, а где денег на это взять никто не говорит!

Маршрутное такси перестроилось, обгоняя еле ползущую! Гранту» и остановилась на перекрестке.

«Полиция продолжает разыскивать маньяка, хладнокровно убившего полтора десятка представителей правопорядка. Напоминаем приметы преступника: черная шапка, такая же куртка, джинсы, кроссовки, большая темная спортивная сумка. Носит синюю защитную многоразовую маску. Убедительная просьба ко всем гражданам – при обнаружении незамедлительно сообщить в правоохранительные органы по телефону 112 или 02...»

Динамики захрипели, сбившись с радиоволны и водитель, постучав по магнитоле, выключил ее.

– На остановке выходят? – спросил он.

– Да.

Автомобиль остановился. Уже собравшись выйти из душевого салона, я почувствовал руку, одернувшую меня за плечо. Обернулся. На меня в упор смотрел водитель, оценивающе скользя по одежде. *«Ну все. Приплыли. Как пить дать заложит!»*

Однако следующего поворота я никак не ожидал. Он протянул руку и крепко сжал в ответ мою. Еще раз кивнул и медленно тронулся от остановки, глядя в зеркало на уменьшающуюся мою фигуру.

«Интересно девки пляшут! Выходит, добрая половина города либо ушла в запой и обнищала, либо лютой ненавистью ненавидит «Систему» и все ее законы. Вот ведь как довели страну... богатейшую страну по земле и ресурсам!»

Перейдя дорогу, я быстро нашел нужный ресторанный комплекс и зашел вовнутрь.

Два накаченных охранника кавказкой национальности долго и истошно выпытывали о цели моего визита к их хозяину и не хотели пропускать первоначально не досмотрев меня. Разумеется, я не стал этого делать по известными причинам. Показывать два кровавых мачете и ворованную полицейскую рацию совсем не хотелось.

Рустик долго не спускался. Уже создалось такое впечатление, что смотрящий что-то напутал. Прождать пришлось полчаса как минимум. Наконец, он соизволил показаться. Это был сухонький длинноносый мужчина лет пятидесяти в

классической одежде и коротко стриженными волосами.

– Ты Данила Белов? – спросил он оценивающим взглядом.

– Да. Я.

– И что тебе от меня нужно?

– Я от Захара. Недавно откинулся. Он адресок чирканул и сказал, что помочь сможешь, если нужда придет.

Он еще раз недоверчиво оглядел меня.

– Захар, говоришь? Давно было дело?

– Я же сказал, пару дней назад.

– Давай маляву!

Передав бумагу, я сцепил сзади руки и стал ждать дальнейших событий.

Пробежав глазами по тексту, он хмыкнул и бросил своим верзилам:

– Смотрите за ним!

Потом удалился и отсутствовал еще около часа. Спустившись во второй раз, его настроение и манера общения коренным образом изменилась:

– Дорогой мой, любезный Данила Игнатьевич, что же вы сразу не сказали, что в близких людях с дедом Захара? Нехорошо так утаивать от честных людей. Ай-я-яй вам на будущее. Ну ничего, давайте забудем это маленькое недоразумение и пройдем в вип-зал!

Мужчина передал назад сложенную бумагу и слегка склонив голову, указал нужное направление. *«Вот так сила слова. Эко вон как залебезил. Видать по гроб жизни обязан это-*

му Захару».

Вип-зал оказался просторной комнатой на десять человек. Усадив меня на мягкий диван, Рустик послал за официантом и вскоре на низеньком столике находилась бутылка дорогого виски, мясное ассорти и бутерброды с тремя видами икры (явно не подпольного производства).

– Благодарствую, хозяин, но я сугубо по делу.

– Слушаю.

– Перекантоваться негде, да одежду сменить. В душ бы еще сходить...

– Номер в нашей гостинице подойдет?

– Вполне. Интернет еще нужен! И это... оружие. Много. Разное. Лучше каталог или что-то вроде этого. Я сам выберу!

– Это все? – удивленно поднял брови мужчина.

– Пока да. Потом, если что понадобится еще я сообщу.

– А ПЗРК не выписать? Или «Тополь-М» не подогнать к черному ходу?

– Нет, спасибо, – серьезно ответил я, – то, что перечислил будет достаточно.

– Достаточно ему будет...

– Захар сказал, что на вас можно положиться!

– Захар сказал... Захар не сказал, что запросы будут такие обширные.

– Значит, не получится?

– Получится, – вставая с соседнего дивана сказал он. – Ждать нужно. Час устроит?

– Вполне.

– Можешь прогуляться по окрестностям!

– Кому не надо не сообщите?

– Послушай, мальчик, если бы я хотел – уже давно тебя сдал. Одна мокруха полицейских чего стоит. Сдай бы я тебя за это, мне бы орден дали. Так что гуляй пока. Час.

– Хорошо. Спасибо!

– Потом спасибо будешь говорить.

* * *

Ресторан находился напротив «Магнитки», где я работал в прошлом. Как он работал в режиме карантина было непонятно. Скорее всего, как и многие другие заведения питания – на самовынос. Направившись к перекрестку, я решил сократить время, завернув в магазин.

Там меня встретила Карина. Глаза были заспанные, лицо бледное. Увидев меня, она схватила за рукав и потащила в подсобное помещение.

– Гад, ты что учинил в моем подъезде?

– Что? – прикинулся я дурачком.

– Меня до самого утра полиция трясла – признания какие-то выбивала. А я ни сном ни духом. Соседей моих – троих алкашей в «белом воронке» увезли – якобы общались с тобой. Было это? Повторно отпечатки брали, сетчатку глаза... запретили выезд из города. Что, блин, происходит? Ко-

го ты уже успел еще порешить?

Ее губы предательски задрожали и она расплакалась, уткнувшись мне в немытую куртку. Я как мог утешал девушку, говорил что все пройдет, что это ошибка и ищут не меня, и мокруху устроил не я... В общем, отказывался от всего, что со мной происходило за эти последние два дня. Она кое-как успокоилась. Я заварил крепкое кофе, как любила и оставшуюся часть времени мы просто болтали ни о чем:

– Викторовну за что уволили?

– За старость. Старше пятидесяти всех обязали сидеть дома и соблюдать строжайшую самоизоляцию, вплоть до ареста и принудительной госпитализации, кто ее нарушит.

– Интересно девки пляшут! С Натали что?

Девушка улыбнулась.

– Вот с ней-то как раз все в порядке. Нашла себе какого-то хахалю и тот увез ее на свою родину. Говорил, что его отец – миллионер. Вроде правда. Дорогая иномарка. Одет лучше некуда. Деньги карман жмут. Вроде все при нем.

– Вроде?

– Да не внушил мне доверия. Так ее не переубедить. Говорит: «со всеми нужно попробовать». С сыном миллионера, видите ли дел у нее еще не было. Два года ухаживал. Так и увез ее в неизвестном направлении. Она, дурочка, уши развесила и повелась.

– Может все удачно сложилось?

– Дай Бог.

– Пашка?

– Прасковья?

– Да.

– Перевели товароведом в другой магазин. За хорошую работу сказали.

– Ольга?

– а вот со второго товароведа обязанности сняли из-за ненадобности. Видишь как все тут изменилось, пока ты баланду хлебал и на небо в клеточку смотрел. Продавцов теперь нет – все самообслуживание. Товароведов упразднили. Один директор только работает. Даже уборщица не требуется. Все андроиды специальные делают. Подзарядил ночь и весь день пашут. Ценники электронные теперь стали – развешивать не нужно. Оператор из центра сам все меняет по приказам свыше. У нас же единая сеть по всей стране.

– Интересно. А выгрузка и расстановка товара?

– Опять-таки андроиды все делают. Товар по конвейеру за стенами идет. Они только сортируют. Как – не знаю. Никто не показывал да и интереса не было. Супервайзер знает. Спросишь, если встретишь. Этими делами грузчик-экспедитор с фуры занимается. У нас на пятьдесят процентов всех работников во всех магазинах порезали – в сокращение во-гнали.

– Жесть. Значит Ольга тоже в сокращении?

– Нет. Сама ушла. По собственному. Ее хахаль отсюда увез. Забрал детей, мать, купил дом в деревне и туда. Оно и

правильно. Не жизнь стала в городах. Только на своей земле люди и спасаются у кого есть. Смерть от голода по многим прошла. Даже страшно вспоминать, что тут было.

Мы долго молчали.

– Сам как десять лет в изоляции провел? Наверное жутко было впервые?

– Не то слово. Особенно по невинности.

– Наши все так и сказали, что оболгали тебя напрасно.

– А я думаю, по-другому все дело обстояло, – прозвучал голос вошедшего мужчины. – Почему посторонние, тем более уголовники находятся там, где им не место?

Девушка задрожала и залпом допив горячий кофе, скрылась за дверь.

– Ну здравствуй, Данила Игнатьевич! Пойдем в зал, поговорим? А то начальник безопасности придет – Карине же хуже будет. Ты же знаешь.

Супервайзер Алексей – детина двухметрового роста возвышался в дверях взирая на меня сверху вниз. Обычно такое положение у подчиненных вызывало покорность и подвластность, но только не у меня. Мужчина смерил меня придиричивым взглядом и прошел следом.

В зале толпились люди и разнообразные андроиды-соц-машины, развозящие на дом продукты полностью принявшим изоляцию. Смешно было наблюдать за их угловатыми действиями. На лицо явно чувствовалось вытеснение трудового человека, как личности. Теперь понятным становилось

уничтожение значительной части населения. Андроидам не нужно платить зарплаты, льготы, отчисления, а после достижения старческого возраста – пенсию. Это же сколько сейчас из-за их введения государство оттяпало себе миллиардов рублей, оставив их в своем бюджете? Да дофига и больше.

– Знаешь что, Данила, наша компания, как видишь, заметно реорганизовалась, – сказал Алексей, когда мы отошли в сторону. – что привело к сокращению штата сотрудников. Тебя тоже внесли в этот список. Тем более уголовников у нас не жалуют и на работу не берут. Тебе понятен ход моих мыслей?

– Вполне.

– Хорошо. Так что давай мы поступим следующим образом: в магазин ходить можешь, на это запрета нет, но в подсобные помещения – ни ногой! Узнаю что послушался – буду принимать соответствующие меры. Уяснил?

– Уяснил.

– И последнее. Наши специалисты сообщили, что пока ты прохладился в местах не столь отдаленных, на твою банковскую карту продолжала поступать зарплата, что является грубейшим нарушением. Виновные в этом уже понесли наказание. Ты ничего об этом не знаешь?

– Нет. У меня и карты-то нет.

– Да. Верно. Данную информацию мы уже проверили. Интересно, кто бы мог приложить к этому руку?

Мужчина осмотрел сжавшуюся бледную Карину и отошел

от меня.

– Ну ты понял меня!

Оставлять девушку в таком подавленном состоянии не хотелось, но иного выбора не было. Не следовало, чтобы супервайзер заподозрил нашего тесного общения. Мне бы из-за этого он вряд ли бы что сделал, а вот Карина весьма дорого поплатилась бы за наши связи.

Покинув магазин и вернувшись в «Дикую орхидею», я застал Рустика беседующего с охранниками. Увидев меня, он расплылся в улыбке и подошел ко мне.

– Данила Игнатьевич, мы смогли выполнить вашу просьбу! Сейчас принесут ваш заказ.

Мы прождали около часа, прежде чем к нему подошел официант и передал что-то, пряча это что-то от посторонних глаз. Сам Рустик протянул мне ключ с болтающейся на связке номерком с цифрой двадцать шесть.

– Это ключ от номера в таунхаусе. Можете пользоваться им сколько угодно долго. Никакой платы мы с вас не возьмем. С гостей подобного не берут, а вы ведь наш гость! Так что располагайтесь! Друг деда Захара – наш друг!

Взяв ключ, я направился к выходу.

– Второе строение за нашим рестораном! – дал последнее напутствие Рустик, провожая меня взглядом.

Честно сказать, я не верил во внезапно накатившую любовь со стороны хозяина всего развлекательного комплекса, но выбора не оставалось. Дома у меня, как такового,

нет. Возвращаться к дяде Саши уже стало опасным, а то, и на него беду накликаю. Илья и Полина уже все высказали что хотели и надеяться на что-либо большее с их стороны – просто бессмысленно. Следовало перекантоваться здесь некоторое время, отмыться, одеться, снарядиться, посетить Кирилла, найти детей и уже только потом выдвинуться отсюда на поиски нового пристанища.

Размышляя, я подошел к большим, расписным воротам входа и выхода в виде решетки (ресторан был обнесен подобием крепостной стены и, естественно, должен был иметь соответствующий проход) и уже взялся за массивное кольцо, чтобы покинуть ресторан, как до моего слуха дошел женский крик. Сквозь решетку я увидел, как из «Магнитки» двое нацгвардейцев тащили упирающуюся Карину в припаркованный на обочине фургон для перевозки преступников. Девушка кричала, визжала, вырывалась, но ничего не могла сделать для своего спасения.

– Интересно девки пляшут! – присвистнул я.

То, что ее схватили по моей вине – не составляло никакого сомнения. Я даже предполагал на девяносто девять процентов, что ее заложил Алексей. Ясно, что он догадался о том, кто неуловимым бродит по городу, оставляя за собой кровавый шлейф трупов. Шагнув назад и спрятавшись под тень высокой пихты, я досмотрел, как Карину погрузили в фургончик и с мигалками увезли по Шевченко в сторону полиграфкомбината.

– Вот черт!

«И что теперь делать?» Ну ничем... совершенно ничем я не мог помочь девушке в сложившейся ситуации. *«Вот же гадство! Теперь, помимо дочерей придется вытаскивать еще и ее»*. Не мог я просто так отвернуться от такой ситуации, в какую попала Карина. Мать постоянно говорила, что настоящий мужчина всегда должен помогать слабым и беззащитным, особенно противоположному полу.

– Гадство! – в очередной раз выругался я, в последний момент сумев вернуться обратно под тень пихты от мимо пролетающего квадрокоптера.

Нечего лишний раз испытывать удачу. Проще отсидеться, чем потом расхлебывать неожиданно свалившиеся проблемы.

Прождав с несколько минут и убедившись, что опасность миновала, я выбрался из ресторанный комплекс и направился к отелям, расположенным немного в удалении от увеселительного места. На углу «Магнитки» стояла знакомая машина супервайзера и появившийся, скорее всего, совсем недавно автомобиль начальника безопасности всей сети розничной торговли. *«Оперативно, блин, действуют. Да, засветился ты старлей по-полной. Забыл все полученные навыки диверсанта-разведчика. Мастера-наставники явно не одобрили бы такое поведение»*.

Добравшись до номера, я попал в просторные апартаменты больше предназначенные для принятия почетных гостей,

нежели отсидки разыскиваемого преступника. В спальне на кровати находились новые вещи. На столе, на кухне – включенный ноутбук. В гостиной – два открытых чемоданчика с оружием, бронежилет и толстенная тетрадка – похоже каталог, о котором упоминалось.

Избавившись от затертой одежды, я принял душ, заварил крепкого кофе без сахара и заглянул в чемоданчик с оружием. На деле оказалось, что не так уж и много там нашлось пригодных предметов. В одном не вынималась обойма. Другое было разбито настолько, что я даже не решился к нему прикасаться. Еще два заклинило при нажатии на спусковой курок. Осталась надежда на «Макаров» и хотя на нем не имелось видимых дефектов, я скептически отнесся к этому оружию. По всему выходило, что Рустик если и не надул меня, то подсунул явный «фуфел», мало пригодный не только для ведения войны, но и личной самообороны. Списав все эти «заслуги» на бесплатный сервис и, как говорится, «дареному коню в зубы не смотрят», я спрятал «Макаров» в новую куртку и уселся за ноутбук. Отправляться сейчас к Кириллу Антоновичу в планы не входило. Хотелось дождаться сумерек, тем более комендантский час уже вступил в свои права, а так в ночное время будет шанс спрятаться от патруля, если на такой суждено нарваться.

До полуночи оставалось два часа и я решил немного просветить себя теми событиями, которые предшествовали появлению этого странного вируса. Не хотелось слыть неучем,

да и со странностью законов стоило разобраться. Уж очень все происходящее мне напоминало банальный захват власти и оккупацию целой страны. Вот только происходили эти действия не в военное время с объявлением чрезвычайных ситуации, а посредством туманных интриг и манипуляцией власти, совместно с цифровым терроризмом и инфекционной паники.

* * *

Ночь оказалась безоблачной и прохладной. Зарядивший было под вечер дождь иссяк довольно быстро, наполнив воздух свежестью утреннего леса.

Городская тишина немного пугала и настораживала. Еще никогда ранее пустынные улицы и районы города не казались такими жуткими и обезлюдненными. Чувствовалась гнетущая тревога, давно поселившаяся в каждом доме человеческого муравейника. Подвергшиеся цифровому внушению жители, как затравленные звери сидели по своим норам не принимая никаких мер по выходу из сложившейся ситуации. А ситуация, действительно, вышла критическая.

Интернет просто кишел аудио-видео роликами и текстовыми обращениями к народу по-поводу всего происходящего. Оказывается, изначально власть вела борьбу между собой: отдельными партиями и депутатами. Затем, добившись кое-какой стабильности, она, со скоростью китайской ско-

ростной электрички, стала писать, а затем издавать сомнительные и во многом пугающие законы об ограничении свободу жителей страны и уничтожении их самих как личности. Постепенно все становилось хуже и хуже. Смертность многократно превысила рождаемость, а рождаемость считалось нарушением закона и каралась многотысячным штрафом, так как утверждалось, что во время пандемии вируса все контакты категорически запрещались. Сейчас же положение более-менее устаканилось: люди не бастовали, не выходили с пикетами и протестами, исполнительные и карательные органы не вели войну друг с другом и вооруженные восстания не вспыхивали несколько лет. Народ молча сносил все тяготы и невзгоды. Общество полностью оказалось под пятой правящего класса элиты, продолжающей сливать природные ресурсы земли своим заграничным партнерам, оставляя собственное население за пределами кормушки власти и принуждая платить в три дорога за то, что могло достаться почти даром.

Во всемирной сети летало подозрение, что лидер нашей страны не являлся им на самом деле. Его приравнивали к Лжедмитрию первому или второму и сообщали настолько противоречивые сведения, что можно было ногу сломать во всем хаосе положительных и отрицательных текстов хвалящих и хулящих достоинство и недостатки президента и выбранную им дорогу к «светлому будущему», как говорилось в прошлом.

«Убили, в общем в человеке личность. Заставили же все-таки стиснув зубы сидеть по своим норам и не высовываться. Сломали бунтующую душу и отстранили от религии, запретив проведение служб и посещение храмов. Создали единую базу данных не только на каждого человека, с внесением туда всего, что только возможно, но и единую мировую религию посредством электронного терминала с пиксельными проекциями всевозможных религий, икон, своих и западных святых и поклонение им в любом виде и формате. Интересно девки пляшут!

Помнится, при прохождении обучения по узконаправленной специальности, полагалась любопытная книга про нюрнбергский процесс над фашистскими захватчиками. До сих пор, вспоминая, нахожусь под впечатлением всего прочитанного. Там писалось о том, что один из планов немцев против Советского Союза (а их было не мало) назывался «Ост» и речь в нем шла не только о разгроме государства с центром в Москве. Возможно, там говорилось о разгроме русских как народа? Дословно помню одно предложение из целого тома: «одним из средств достижения этой цели предусматривалось уничтожение интеллигенции, низведение культуры народа до самого низкого уровня, а также искусственное сокращение рождаемости, недопущение прироста населения, вплоть до того, чтобы не допускать борьбы за снижение смертности младенцев...» Что-то очень похожая оказалась сегодняшняя ситуация. «Цифровое геста-

по» – как еще называли в сети. Мда-а... после всего просмотренного и прочитанного следовало как можно скорее хватать в охапку детей и валить как можно дальше и глубже... чтобы ни одна сила не нашла самое дорогое на свете что еще осталось».

До нужного дома я добрался за час. Проблему передвижения составляли лишь квадрокоптеры. Приходилось постоянно держаться вблизи кустарников и навесов, чтобы не попадаться в зону их камер. Патрули как таковые меня мало беспокоили. Больше половины автомобилей управлял автопилот, а сидящий рядом «живой» полицейский не мог вертеть головой на триста шестьдесят градусов и видеть все.

Магнитный запор домофонного замка, по чистой случайности или нет (разберемся позже) оказался сломан и дал беспрепятственный проход вовнутрь. Пятый этаж девятиэтажки. Лифтом пользоваться не стал. Ступени и лестничные пролеты пролетели быстро под ногами и я оказался возле нужной двери бывшего работодателя.

«Что делать: позвонить, постучать или воспользоваться взятой из чемодана Рустика отмычкой? Интересно, а что бы сделал на месте Кирилла я, если бы ко мне, в ночи, стал кто-то ломиться?»

Усмехнувшись, я достал отмычку и стал практически бесшумно ковыряться в замке, ища нужное положение. Навыки прошлых лет не забылись. Вскоре отчетливо послышался щелчок и дверь бесшумно распахнулась, доверяя свои цен-

ности и тайны.

Длинный коридор с примыкающими к нему комнатами. Пять, если все правильно вспомнилось. Я сделал шаг, другой и прислушался. Тишина казалась не абсолютной...

Следующий удар я, естественно, пропустил, хотя и минимизировал его последствия. Попадись мне противником кто посильнее – отправил бы меня в глубокий нокаут, а так – просто ухо оцарапал. Перехватив его руку уже делающую замах для очередного удара, я поднял ее высоко вверх, поднырнул под нее и со всей силы опустил локоть на плечо. Раздался хруст, затем вопль и с открывшихся дверей на меня разом полезли люди в балаклавах.

То, что здесь будет засада, предполагалось процентов на девяносто. Ну не мог Кирилл просто так ждать меня в собственной квартире после всего того, что я натворил за последние дни. Директор ФСБ – мужичек не из слабых. Теоретически, таких как я ему в противники двое-трое нужно чтобы повязать. Но, как говорится, «береженого Бог бережет». Так что он решил не рисковать, а доверить дело своим пешкам.

Семь против одного... нет, уже пять. С ломаной рукой не в счет. Еще один «нечаянно» влетел лицом в дверь и на последок я его припечатал по затылку. Жить будет, но когда очухается – неизвестно. Другой не удержался на ногах и рухнул на пол, где и получил ботинком по голове. Лежачих бить тоже вроде как бы не хорошо, но для этой ситуации прости-

тельно. Следующие два, как братья-близнецы замахали кулаками, в серьез намереваясь вывести меня из игры. Да накуся-выкуся! Замкнутые помещения с превосходящим противником я любил отрабатывать на спарринг-упражнениях. Поэтому зачистить коридор от уже оставшихся троих человек не составляло труда. Двое предыдущих сильно пожалели, что действовали сообща. Одному я заломил руку, подставил под удар другого, нажал на болевую точку и уложив противника на пол, переместился е ще не очухавшемуся воюке и прямым ударом в нос, завалил и этого детину под два метра ростом.

Оставшихся обезвредить оказалось еще проще. То ли их мастер-наставник не прикладывал должных стараний, то ли сами они разучились, живя в спокойствии, всему тому, что в них вдалбливали, но сражались они как простолюдины против воина в древние времена. Скорее всего сказывалось отсутствие мятежей или восстаний, где для их подавления требовалась грубая сила. А может их набрали оттого, что больше было некого, ведь в настоящее время вряд ли кто-то захочет связывать дальнейшую судьбу с полицией или вооруженными силами после того, что они устроили.

В общем, все представление заняло несколько минут. Я отделался ссадинами и шишками. Да еще левый бок ныл, словно по нему вдарили кувалдой. Вероятно один из ударов мне все же удалось пропустить. *«Блин, досадно, теперь ныть будет несколько дней».*

Никого убивать естественно не стал. А смысл? Изначально оказалось понятно, что вся эта шайка-лейка и яйца выеденного не стоит. Мой преподаватель рукопашного боя сумел вдолбить в мою пустую (тогда еще) голову, чем отличается дилетант от мастера и как победить любого из них в разнообразных предлагаемых условиях. Здесь же условия, можно сказать, были мягкие. После двух упавших на пол солдат образовался затор. Остальные цеплялись, спотыкались и толпились друг за другом в тесноте коридорчика.

– Интересно девки пляшут!

Обыскав все комнаты, осмотрев шкафы, комоды, кладовки и балкон, я, естественно, Кирилла не нашел. Следовало изначально искать его в конторе на рабочем месте, а не вламываться в жилье и вешать на себя еще и кражу со взломом. Ничего подозрительного не обнаружилось. Видимо все дела мой бывший начальник предпочитал решать на работе и не заваливать личную жизнь ненужным хламом, как делали это многие другие люди.

Присев на одном из раненых бойцов со сломанной рукой, которого вывел из игры самым первым, я задал интересующий вопрос:

– Где Кирилл Антонович?

– Да пошел ты!

Мужчина уже стянул с головы балаклаву и теперь с презрением смотрел мне в глаза. Уже не знаю, что они там наговорили про мою личность, но явно ничего хорошего. По

нему было видно, что ответа на поставленный вопрос я не дождусь. Остальных, значит, тоже можно и не спрашивать.

– А если так, – произнес я и вывернул руку в сторону.

Раздался хруст. Человек заорал, хватая сломанное место и стараясь как можно дальше отползти от меня.

– Так что, умник, дальше будем его покрывать себе же во вред или все-таки образуемся?

Ответа не последовало. *«Да-а, хорошо же им промыли мозги»*. Я в очередной раз взялся за руку...

– Стой, захрипел мужчина. – Его здесь нет!

– Ну так не дурак. Понял уже. Где искать?

– На выезде из города, почти у самой трассы есть обнесенный бетонным забором с колючей проволокой участок земли. Его еще можно распознать по усеянным там спутниковым тарелкам, размером с трейлер. Так вот под тем местом располагается секретное разведывательное управление. Хотя все источники утверждают, что это – гидрометстанция. Кирилл Антонович там.

Худший сценарий дальнейших действий оправдал мои опасения.

– Вот стоило из-за него приходить сюда.

Перешагнув через лежащие на полу тела, я вышел из квартиры, плотно закрыв за собой дверь. Вряд ли полиция быстро среагирует и примчится на место очередного преступления.

Выходила крайне печальная ситуация. Чтобы добраться

до Кирилла и узнать местонахождение моих дочерей, придется лезть по самое горло в гадюшник, из которого очень сложно окажется выбраться. *«Интересно, кто бы сомневался, что все выйдет просто? Изначально стоило о таком думать и разработать подходящий план».*

Выйдя на улицу, я по ночному городу стал пробираться обратно. Квадракоптеры попадались редко. Возможно, они прочесывали окраины? Да какое до них дело? Нет их рядом – ну и ладушки. Мне же спокойнее, да и им не понадобится собирать дрон по частям обратно после встречи со мной.

Звонящая вокруг тишина заставляла подумать о происходящих в городе изменениях. Из огня да в полымя. Чувствовал я себя отвратно. В тюрьме еще зарекался не прибегать к насилию, а вон как вышло. Дня не прошло после освобождения без нарушения данной себе клятвы. Что-то совсем у меня не выходила спокойная домашняя жизнь. Да и как она могла выйти? Дома нет. Семья нет. Жены нет. Детей нет. Никого нет. Вернее, дети есть, но чтобы добраться до них следовало напрочь забыть о размеренности времени и вспомнить кровавые расправы совершенные мной еще на службе в этом прогнившем государстве. Они сами выдрессировали меня сделав идеальную машину для убийства. Они сами заложили все эти умения и навыки, которыми я стараюсь пользоваться на все сто. Странная политики власть имеющих: вначале дать знания, потом избавиться не только от объекта, но и вещей его окружающих, а затем еще и удивляться «как

это он посмел возмущаться и идти наперекор правительству и закону».

В гостиницу попал спустя два часа. Измотанный, в подавленном состоянии... я принял душ и завалился спать. Следующая ночь представлялась самой тяжелой. Следовало наконец-таки разыскать Кирилла и устроить допрос с пристрастиями, если бывший начальник окажется идти на сотрудничество.

День выдался сумбурным и долгим. До рассвета не удалось сомкнуть глаз. Когда же дело пошло на лад, какой-то кретин из соседнего номера притащился с группой девчонок и устроил им «разбор полетов» – пищали так, что думаю, слышалось на всех этажах. Когда они затихли, дело близилось к полудню. Пришлось вставать и завешивать окна тяжелыми массивными шторами. Только погрузив комнату во тьму, я одел на глаза, замеченную еще ранее повязку для отдыха и уже через несколько минут провалился в глубокий сон.

В очередной раз просмотрев свое оружие, я остановился на пистолетах. Мачете конечно хороши, но только не против сотни окопавшихся оперативников, которые к тому же будут ждать моего появления. Оставив холодное оружие в одном из чемоданчиков, я одел кобуру, вложил пистолеты «Макарова» и накинув куртку, подошел к зеркалу. Усмехнувшись,

одел многоразовую синюю маску и подивился тому, как казалось бы мелочь, которой никогда раньше не пользовался, может портить общую картину.

Да, привыкаешь ко всему. Даже к такой ненужной детали, как медицинская маска. Даже как-то неудобно себя чувствуешь, когда не обнаруживаешь ее на привычном месте.

Проверив все еще раз и подтвердив полную готовность, я вызвал, через Рустика, такси и во тьме ночного города отправился на «дело». Делом это можно было назвать с большой натяжкой. Скорее всего чистой воды самоубийство. Подвиг Матросова в годы Великой Отечественной войны и прыгать на амбразуру вражеского дота не хотелось, но иногда выхода не находилось.

Итак, для того, чтобы вернуть детей мне придется перелопатить десяток дюжин агрессивно настроенных блюстителей закона, найти хорошо там схоронившегося их главаря и выбить у него признание. Что ж, как говорится, на бумаге все выходило гладко и замечательно, а вот на деле... На дела, я чувствовал, что все произойдет с точностью до противоположного. Ну нельзя так просто, с двумя пистолетами влезть по уши в осиное гнездо и выйти «сухим из воды». Просто не реально, тем более одиночке.

Таксистом оказался усатый грузин с хитрыми бегающими глазками. Я даже не удивился. У Рустика по-видимому кроме отелей и ресторанного комплекса во владении находился еще и таксопарк. Аэрография на новеньком «X-Rei», стоя-

щем у входе относилась смотрящих к «Дикой Орхидее» со всеми контактами, адресом местонахождения и предлагаемыми возможностями.

Нужное направление, я конечно же не сообщил. Меньше знает – голова целее и на месте останется. Остановил он немного южнее, у высокого забора гедеоновской больницы для душевнобольных. Грузин лишь усмехнулся и разгладил свои усы, мысленно крутя пальцем у виска, удивляясь, зачем мне в полночь понадобилось ехать в такое место.

Расплатившись банковской картой, я подождал, пока автомобиль не скроется вдаль и только после этого поменял направление движения.

Тишина действовала угнетающе, но не вгоняла в панику. Чувствовалась атмосфера постапокалипсиса: полуразрушенные дома еще советской эпохи больницы; изрытое, словно снарядами, поле; отсутствие признаков жизни и цивилизации. По сути, это место считалось еще чертой города, но никаких иных построек здесь не существовало и вряд ли уже появится. Государство сделало все возможное не для роста численности населения, а для его неминуемого сокращения.

За четверть часа я преодолел расстояние в тройку километров и оказался недалеко от намеченного места. Это в действительности оказалась обнесенная бетонным забором с колючей проволокой немалая территория с расставленными по всей площади спутниковыми тарелками. Вход существовал только один. Выходов – два. Если же за время моего от-

сутствия ничего не изменилось. Внутрь попасть можно только через единственный пропускной пункт с тремя бойцами охраны круглосуточно, либо десантным выбросом, но самолета в моем распоряжении не было, так же как и времени его поиска. Однако самолет могли засечь спутниковые устройства, находящиеся здесь в изобилии. Подкрасться же незамеченным ко входу и того казалось невозможным. Множественные видеокамеры и датчики движения сводили на ноль всю затею проникновения.

– Да и хрен бы с ними, – сплюнул я в сторону, воплощая в жизнь, как казалось, единственно-правильное решение.

* * *

Рядом со входом на базу разведки появился мужчина неопрятного вида, в потертой, грязной куртке и таких же спортивных штанах. Шатаясь из стороны в сторону, он достал из рукава недопитую бутылку и залпом осушил содержимое. Перевернув ее, мужичек потряс ею, словно еще раз желая убедиться в отсутствии жидкости. Отшатнувшись в сторону, он зашвырнул ее в невысокие кусты. Шатаясь словно от урагана, подошел к стене и стал справлять малую нужду прямо на нее. Передохнув, он икнул и схватившись за рот разразил тишину рвотными позывами.

– Слышь, пьянь! Ты в конец охренел?

Открывший дверь охранник попытался схватить БОМЖа

за воротник, но тот, зацепившись за камень упал прямо на мужчину, сбив того с ног и ввалившись в широко распахнутую дверь.

– Бомжара, ну ты реально попал!

* * *

Разыграть роль выпивохи не составило большого труда, тем более подобных субъектов в последние дни вокруг меня шаталось постоянно. Спровоцировав падение, я аккуратно приложил невыдержанного охранника головой о бетонный пол и сильным ударом раздробил хрящи горла второго, попытавшегося поставить меня на ноги. Все действие происходило под окном идентификации личности, поэтому оставшийся в комнатке дежурный заподозрил неладное слишком поздно. Когда он вышел из своих дверей я был уже на месте и быстро поднявшись на ноги, ударом в челюсть, отправил его обратно в свою комнатку. Затащив всех троих и уложив на пол у диванчика, я осмотрел комнату и выставленные в два ряда монитора.

В помещении ничто не зацепило мое внимание, а вот мониторы оказались существенным подспорьем. Изучив все двадцать, я остановил свое внимание на двух из них. На одном маячила знакомая фигура Кирилла Антоновича, отдающего указания группе людей в штатском, а вот другая надолго приковала мое внимание.

Там находился привязанный к длинной узкой скамейки человек. Его о чем-то расспрашивали, били по щекам, накидывали на лицо какую-то тряпку и обливали голову водой. Потом срывали и все повторялось заново. Человек отхаркивался жидкостью, изворачивался, пытаясь уйти от побоев, но ничего не получалось. Задействовав увеличение, я ближе прильнул к монитору...

– Бог мой, Карина! – вырвалось у меня.

В комнате допросов явно находилась девушка, с которой я не так давно пил кофе, сидя за обеденным столиком в «Магнитке». *«Так вот куда ее увезли. Должен был сразу догадаться. Но кто? Алешенька! Вот гад! Дурак! Должен был догадаться по его ухмыляющейся физиономии».*

Планы пришлось корректировать по ходу. Кирилл мог подождать, а вот Карина уже вряд ли. Если ее так мучили со вчерашнего, то сил сопротивляться оставалось совсем мало. Ее изорванная одежда говорила, что били не только по лицу и не одними руками.

– Это все из-за меня. Прости!

Когда-то давным-давно, я вместе с братом и Кириллом (еще не получившим должность директора ФСБ), совместно с проектировщиками разрабатывали план постройки разведывательно-диверсионной базы с возможностью отслеживания воздушных сил условно-предполагаемого противника. Мне был знаком каждый коридор, каждая комната и каждая лично нами повешенная видеокамера. Думаю за десяток лет

здесь мало что претерпело изменению. Когда следовало следить за всем городом, вряд ли базу усовершенствовали или модернизировали. Я знал «мертвые зоны» каждой камеры, их дальность, скорость и угол вращения. По всему выходило, что еще существовал шанс выбраться из этого скопища «оборотней» в погонах.

– Продержись еще немного, я уже иду! – прошептал я, глядя на распростертую девушку, истязаемую палачами.

Открыв дверцу электрощитовой, отвечающей за работоспособность мониторов, я с корнем вырвал пучок проводов и зашвырнув его на шкаф, удалился из комнаты. Глаз они лишились. Потребуется несколько часов, чтобы подсоединить все на место. Нет, конечно камеры продолжают запись увиденного на жесткий диск, который располагался в другом месте, но увидеть мое передвижение пока не сможет никто.

Быстро переодевшись в форму охранника и забрав валяющиеся резиновые дубинки, я пошел...

* * *

Коридор вывел меня к развилке. Перекресток. Два освещенных прохода уходил прямо и направо. Темный без дневных ламп – налево. Из своего прошлого здесь пребывания я помнил, что первые два выводили на открытую площадку для обслуживания гигантских спутниковых тарелок, встречи прилетающих командиров и ценных грузов для подземной

лаборатории. Когда все еще здесь только строилось, высшее военное руководство решило помимо солдат-контрактников разместить и небольшой штат ученых-исследователей, занимающихся научными трудами и практикой. Что случилось дальше и как они обустроились мне уже не известно. Нам с братом доверили секретную операцию за пределами Родины, а потом с легкой руки сослали на пенсию. В следствии чего моя жизнь пошла под откос, а вот брат сменил область деятельности и вплотную занялся смешенными единоборствами, где добился значительных успехов. Правда в последнем бою его чуть не победила девчонка, с которой он впоследствии и решил связать свою судьбу. После этого я не видел братишку. Что с ним, как он там... теперь все связи потеряны, контакты оборваны. Дай Бог, чтобы только он оказался живым... ну и его девушка тоже. Как ее там? Алина?

Темный коридор по воспоминаниям как раз-таки и должен уходить в рассадник разведчиков. Там, в самом его конце и находится лифт, который спускался на несколько этажей вниз непосредственно в управление и лабораторию.

Перехватив поудобнее резиновые дубинки, я двинулся в темноту, ожидая каждое мгновение нарваться на вахтовых. Но чем дальше я прокрадывался, тем... странное дело – ни одной души. Или у них происходит экстренное собрание, или из-за вируса решили обойтись малыми силами охраны.

Добравшись до лифта, я спустился на два этажа и оказался в освещенном холле. Одета форма охранника как нель-

зя подошла лучше. В ночное время суток оживленности не предвещало, но не стоило терять бдительности. Если лаборатория до сих пор функционировала, исследователи могли работать в две смены и тогда встреча с ними неизбежна. Хорошо, что такой-то умник обязал всех жителей государства носить медицинские маски в обязательном порядке. Так у меня будет шанс прокрасться незамеченным и совершить два задуманных дела.

Коридоры постоянно разветвлялись, извиваясь и пытались меня запутать. Хорошо, что у меня была фотографическая память и все прошлые перемещения всплывали в виде четких воспоминаний. Столовая, зал практического использования оружия, камуфляжная (или как мы называем – примерочная), зона наблюдения за воздухом ПВО... *«Ага, а здесь должен быть зал допросов. Добрался!»* Осторожно взявшись за ручку и повернув ее по часовой стрелке, медленно открыл дверь и проскользнул вовнутрь.

Место оказалось то, какое нужно. Стоящий посреди комнаты стол пропал, зато его место заняли разнообразные предметы дознавания. Теперь смело можно было переименовывать зону в пыточную. Цепи, кольца, крюки... невероятные приспособления для выбивания дознаний и длинная металлическая скамья, к которой за руки и за ноги была привязана девушка.

Карина дремала, вздрагивая всем телом и поскуливая словно загнанный зверек. Рабочая одежда «Магнитки» изо-

дралась и свисала лохмотьями. Ссадины и кровоподтеки появились практически везде, куда ни падал взгляд. Левая часть лица распухла, на виске появилась гематома. Вокруг глаз расплзлась синева. С уголка рта сочилась кровь.

Рядом стояла бочка с водой, ведро и мокрая тряпка, которой палачи накрывали лицо и обливали потом жидкостью. Жуткая пытка. Проходили на занятиях по выбиванию информации. Вода – крайний способ, если остальное оказалось бессильным. Обычно человек «раскалывался» за сутки. Затем, если все же молчал, легкие наполнялись водой и он умирал. Мы с братом лишь однажды пользовались подобным. А вот ведь где пришлось с этим столкнуться.

Я провел тыльной стороной руки по щеке девушки и чувствительно ударил, чтобы быстрее пришла в себя. Карина поморщилась и сумела открыть глаза.

– Кто здесь? – прошептала она.

– Свои, – ответил я, распутывая крепкие веревки, удерживающие ее избитое тело.

– Данила? – со стоном выдохнули она и из глаз потекли слезы.

– Да, красавица. Не ожидала? Не важно выглядишь.

– Гад ты последний, сволочь вшивая, чтоб ты сдох, козлина!

– Ничего себе какие сравнения. Ты не рада меня видеть?

Выпрямившись, я попытался поддержать ее за плечи и помочь встать, но она оттолкнула меня и залепила такую звон-

кую пощечину, что хлопок эхом разлетелся по всему помещению, а в глазах засверкали радужные круги.

– Ого, что-то не похоже, что тебя нужно спасать.

– Дурак!

Девушка разревелась в полный голос и обхватив меня руками, повисла на шее.

– Прошу тебя, умоляю, забери меня отсюда! Я долго не выдержу, – зашептала она в ухо, даже не сдерживая рыдания. – Они хотят, чтобы я призналась в том, чего не совершала. Эта пытка убьет меня!

Признаться в том, чего не было? Что ж, знакомая ситуация. Вот почему в тюрьмах больше половины невиновных. Либо подстава, либо выбивание подписи в нужных документах... спецслужбы знают свое дело. Они сродни террористам. Одни и другие пытаются заставить попавшего в их лапы добиться того или иного признания любыми способами и пытка – один из методов развязать рот собеседнику.

– Так, отставить сырость! Рядовая Карина, слушай приказ: собирай силы и следуй за мной! Я тебя выведу!

Девушка встала на дрожащие ноги, растерла затекшие места и сделала несколько шагов, проверяя возможности передвижения. Получилось не лучшим образом. Вербки и побои давали о себе знать. Карина заметно хромала и периодически протаскивала правую ногу, болезненно морщась и смахивая выступающие слезы.

Маршрут назад я помнил хорошо, поэтому, взяв ее за ру-

ку, как можно быстрее поспешил убраться из этого места, не забыв заскочить в кабинет Кирилла.

Странное дело, дверь, в которую я вошел оказалась запертой. То ли я не заметил скрытого замка, то ли она закрывалась автоматически, но обратный путь для нас был отрезан. На противоположной стороне комнаты находилась еще один выход, куда мы и отправились.

Карина не могла идти быстро. Мне постоянно приходилось останавливаться и ждать девушку или тащить ее за руку за собой.

Матеря себя последними словами за втягивание ее в свои незавидные дела, я молил Бога, чтобы наш побег прошел гладко.

Мы оказались в неизвестном для меня месте. Либо они здесь что-то достроили, либо изначально не посвящали во все архитектурные планы. Длинные коридоры уходили в разные стороны. По правую и левую руку располагались отдельные комнаты. Одни из них были совсем крохотные с аккуратно расставленными швабрами, ведрами и другими мощными оборудованием. Другие – громадные залы с напичканной техникой, многочисленными столами, с стоящими на них компьютерами, принтерами и прочим железом. Но самое странное было в том, что нам не попала ни одна живая душа. Казалось, обитающие люди вымерли или же разом пропали, что ника не могло соответствовать действительности. Обычно здесь трудилось несколько смен оперативников,

где-то около сотни в каждой. Ночью, конечно, не было так многолюдно, как днем, но все равно, база походила на неторопливо копошащийся улей, медленно готовящейся ко сну. Представить себе такое, что во всем строении не осталось ни одного человека – было просто не реально.

– Дань, я есть хочу! – прошептала Карина.

Девушка реально тормозила наше передвижение. Еще не оправившаяся от побоев и мучений, она не могла сравниться со мной в скорости. Поэтому приходилось тащиться как черепаха.

– Потерпи еще чуть-чуть. Скоро все будет.

Я оставил тщетные попытки найти Кирилла и выбить у него местонахождение дочерей. В связи с неожиданно свалившейся «ношей» это стало весьма проблематично. Тем более не зная детального плана местности не стоило соваться в осиное гнездо. Видимо вышестоящее руководство, в свое время сообщило не все тонкости своим подчиненным.

Следующие сто метров дались крайне тяжело. Нарастало щемящее чувство опасности. Мы проходили мимо длинных столов, заставленных всевозможными инструментами, металлических шкафов и деревянных ящиков, нагроможденных друг на друга. На стенах висели плакаты со всевозможными видами диаграмм, планов и чертежей неизвестных построек.

Карина все больше бледнела. Ее руки стали трястись и увлажняться. Вполне вероятно, ей вкололи какую-то муть,

дабы испробовать на подопытной новую разработку какого-то вещества. «Гады!» Ее состояние менялось на глазах. Девушка остановилась, оперлась о стену и стала медленно оседать на пол. Ее зрачки расширились, тело стало пробивать дрожь, из горла вырывались непонятные хрипы и ее вырвало какой-то серой дрянью.

– Карина, милая, что с тобой?

Меня стала накрывать паника. Неизвестное вещество (а то, что это именно вещество, насильно влитое в организм – не вызывало сомнений) выходящее из ее желудка с водой слизью на время немало смутило меня. Я не знал что делать и как с этим бороться. Припоганейшая ситуация, не сулящая ничего хорошего. На уроках диверсионной химии мы проходили много веществ, способных спровоцировать подобные явления, но и о противоядиях нам говорилось не мало. Сейчас же, даже имея знания о веществах, находящихся в организме девушки, я бы не сумел ничего предпринять. Чужая среда, отсутствие нужных предметов сводили на ноль ее шансы выжить.

– Держись, только не умирай!

Подняв невесомое тело девушки, я прошел с ней на руках еще сотню метров и тут открылось то, почему вокруг стояла мертвая тишина и не наблюдалось ни одного движения. Двери многих из примыкающих к коридору комнат стали открываться и оттуда выходили люди. Кто-то в штатском, кто-то в форме охраны, бойца СОБР или полиции.

Меня зажали в ловушку. «Десятка три-четыре», – пронеслось в голове. Без девушки на руках еще можно было бы как-нибудь попробовать прорваться, затаиться и по-немногу попытаться пробираться к выходу (еще бы знать, где его искать), вырезая особо ретивых оперативников, но ситуация для меня сложилась патовая. И тут, чтобы попытаться добить мое подсознание, включился динамик:

– Данила Игнатьевич, я рад приветствовать тебя в нашем отделе лабораторных исследований!

Голос принадлежал Кириллу Антоновичу. *«Так вот оно что! Значит изначально планировалась подобная шахматная партия, а охрана на входе оказалась разменной монетой. Но для чего они ждали, пока я не заберусь вглубь их муравейника? Неужели и на мне пытаются ставить свои опыты?»*

– Данила Игнатьевич, вы оказались весьма скользкой личностью. Мы многих потеряли, пытаюсь остановить вас. Нехорошо использовать свое умение против того, кто обучил этому умению. Но нет ничего лучше, чем смотреть на поражение своего противника. Вы потрудились на славу, ища Веронику и Киру и заслуживаете моего восхищения, но все-таки зря старались. Их здесь нет и никогда не было. Жаль расстраивать и говорить о проигрыше, но это так. Вы даже свою подружку не смогли уберечь, что уже говорить о семье...

Последнее произнесенное им слово вырвало меня из окутывающей, подбирающейся к самому горлу, пустоте. «Три

десятка? Да хоть сотня!»

Я удобнее перехватил Карину и со всей силы ударил ногой в ближайшую дверь. Ничего! Она даже не шевельнулась. Видимо магнитный замок хорошо ее блокировал. Наугад подошел к другой – такая же ситуация. Только с третьей попытки мне удалось выбить одну из немногих оставшихся и вбежать туда не особо заботясь куда попал.

Складское помещение встретило нас темнотой и нагромождением огромных ящиков, коробок и металлических контейнеров. Ни единой живой души не оказалось. Пробежав его насквозь и выйдя с противоположной стороны, мы вновь попали в очередной коридор. Там уже были люди. Завидев нас, они пошли навстречу.

Голос Кирилла все еще говорил через динамики. Он не возмущался, не кричал, а лишь повествовал о какой-то закономерности «Системы» и человеческих ценностях, расплодившихся гадах, перенаселении земного шара, очищении от слабых и немощных... Слушал я его в пол уха. Меня больше заботило наше собственное выживание. В том, что нас загоняли в ловушку, не было никакого сомнения. Оперативники не нападали, не стреляли, а лишь массовостью давили на подсознание, словно говоря: *«все равно вам некуда бежать, так или иначе вы неминуемо попадетесь, выходя отсюда для вас не будет никогда».*

Мы проходили различные помещения, порой даже не обращая внимание на внутреннюю обстановку. Карина на мо-

их руках обмякла и я молил Бога, чтобы она выжила.

Щелчок магнитного замка за спиной заставил обернуться. Похоже оперативникам удалось «провести» нас в нужное для них место. Помещение оказалось сравни целого ангара. Прямоугольная площадка в полсотни квадратных метров оканчивалась повалом и тремя металлическими мостами, шириной в метр. Под постами находились многочисленные цистерны с булькающей жидкостью. Она варилась, кипела и в каждой емкости была строго определенного цвета. Что за алхимию здесь развел Кирилл Антонович оставалось неизвестным, да и не интересным для нашей плачевной ситуации.

Бережно положив Карину у края пропасти, я, для убедительности, проверил дверь, дернув за ручку и понял, что услышанный мною звук оказался верным предположением. Тем не менее, как нас здесь заблокировали, так с легкостью могли и ворваться вовнутрь. Пульт управления магнитными замками находился непосредственно в кабинете у директора всего этого комплекса. Да и чувствовалось, что не только у него. Явно существовал еще некий оператор, который следил за нами по мониторам и имел доступ ко всем защитным механизмам базы.

Опрокинув тяжелый шкаф с инструментами и другим лабораторным барахлом, я подпер дверь, накидал еще разного хлама и бережно взял девушку на руки, собираясь пересечь все это громадное помещение. Выбрав средний мост я сде-

лал осторожный шаг проверяя его на прочность и вскоре уже с уверенностью шагал к противоположной стороне.

Бочки с кипящим суррогатом подходили к самому мосту, едва не выливая на него свое содержимое. Что за жидкость в них – узнавать не хотелось, да и времени не было. Оказывается, за прошедшие десять лет здесь много чего изменилось и весьма не в хорошую сторону. Не знаю на счет запаха, но разноцветная бурда не внушала никакого доверия. Страшно было представить, для чего использовалась то или иное вещество.

Васе это время Карина не приходила в сознание. Она лишь ворочила голову с бока на бок и морщилась. По всей вероятности исходящий от цистерн запах оставлял желать лучшего да и как, к примеру, могла пахнуть бурда болотного цвета? Меня осязанием обделили, да и слава Богу! Еще неизвестно, как бы чувствовал себя я, вдыхая все эти флюиды.

Я дошел до небольшой площадки в три квадратных метра посередине помещения и остановился. Куда идти было не ясно (назад уж точно не следовало). Выхода нигде не наблюдалось. Да что там выхода, даже противоположной стены невозможно было разглядеть из-за клубящегося разноцветного тумана, поднимающегося под самый потолок и принимающего невероятные очертания.

И тут в потолке, словно окна в мансарде открылись квадратные люки и сбросились длинные веревки, уходящие сво-

ими концами далеко под мосты. А затем оттуда, словно обезьяны из джунглей, полезли спецназовцы. *«А вот и СОБР. Ребята, я уже начал скучать без вашего пристального внимания!»* Они словно ниндзя из дешевого китайского боевика ловко спрыгивали на мосты и, вооруженные электрошокерами, бежали в мою сторону. *«Значит живой я вам более полезен, чем мертвый. Что же, следует воспользоваться этим преимуществом».*

Бережно опустив девушку на металлический, решетчатый пол, я встретил одного быстрым захватом руки и зайдя за спину, резко потянул тело на себя, из-за чего человек потерял равновесие и я легко перекинул его через невысокие перила, ограждающие от нечаянного падения. Два других оказались рядом одновременно. Пришлось уворачиваться от их грозно щелкающего и испускающего электрические искры, оружия.

Нырнув в сторону, я схватил за кисть руки с шокером, ударил по ноге, заставив врага опуститься на колени и вырвав оружие, ударом ребра ладони по шее, опрокинул того на пол. Второго потянул на себя, блокировав летящий в ухо кулак и приставив электрошокер к горлу, нажал кнопку. Раздался щелчок, треск... тело мужчины дернулось и он, словно в миг обезумев, стал изображать припадочного, трясясь всем телом и пуская ртом слюни и пузыри.

Меня стали окружать. Я плюнул на все принципы и честность, достал пистолеты и стал расстреливать несущийся в

мою сторону спецназ. Стрелял не на поражение, а только чтобы вывести из строя и надолго отбить желание выполнять приказ моей нейтрализации. Удавалось по большей части успешно. Я не был таким первоклассным снайпером, как мой брат, поэтому патроны быстро закончились, а враги еще остались. Клубящийся туман, выделяемый варевом играл им на руку. Позади послышался тяжелый грохот в дверь и мне следовало поспешить с прохождением этого места. Если меня хотели взять живым, то еще не означало, что вышестоящее начальство в лице Кирилла Анатольевича не изменит своего первоначального решения глядя на потери.

Следующая «обезьяна» в маске получила удар в челюсть и едва не вывалилась из моста, повиснув на его перилах. Другой участник облавы едва не дотянулся шокером до спины, но я резко обернулся, схватил руку, сделав болевой прием, уложил его на пол и прокрутив ее дальше, сломал в локте, выведя из игры очередного бойца.

Неиссякаемые людские ресурсы еще продолжали атаковать в течении четверти часа.

Паровые облака проникали в организм, зарождая головокружение. От выступивших слез труднее стало ориентироваться, но не настолько, чтобы прекратить отражать удары.

Волна спецназа стала истощаться, хотя в окутывающем тумане подобное сложно было утверждать. Я ориентировался на вложенные знания и чувства диверсанта-разведчика, а она просто кричала, требуя немедленно покинуть опасное

место. Опасность исходила не из самих людей. Благо на ежедневных изнурительных тренировках научились устранять эту проблему. Опасность таилась в самом тумане, плотным кольцом окружившим меня с девушкой.

В радиусе двадцати шагов уже ничего не было видно. Что творилось у забаррикадированной двери – тоже не ясно. Хотя по производимому там шуму – люди еще не расчистили завал.

Очередной «ниндзя» отхватил удар в живот и согнувшись пополам, получил еще и по спине. В позвоночнике хрустнуло и он, крича, завалился на живот. Выйдя из захвата потерявшего шокер солдата, я извернулся, совершил обманное движение и взяв его голову, развернул ее против хода вращения тела. Шейный позвонок не выдержал нагрузки и переломался, отчетливо хрустнув. Туша безвольно дернулась и мешком осело на пол.

Оставаться дальше на месте не имело никакого смысла. По всему дальнейшему раскладу выходило мое поражение, так следовало продать жизнь подороже, раз не сумел спасти ни дочерей, ни Карину.

Подняв отяжелевшую вдруг девушку на руки, я выбрал, на угад, дорогу к предполагаемому выходу и стараясь не обращать внимание на усталость, пошел вперед.

– Оставь меня! – вдруг прошептала Карина.

Ее глаза приоткрылись, она слабо улыбнулась и разразилась кашлем.

– Один ты сможешь уйти живым отсюда. То, что они говорили сделают, когда поймают тебя, приводит меня в ужас. Беги! Спасай свою жизнь! В последствии обо мне будет кому вспомнить.

Замедлив шаг, я удивленно посмотрел на девушку.

– Каришь, так дело не пойдет. Одних любимых я уже потерял! Не хватало еще тебя здесь оставить. Выпутаемся!

Прижавшись ко мне, девушка, закрыла глаза и из них струйкой потекли слезы.

– Ну что ты такой за человек, если ото всех убегаешь и прячешься? А я знаю кто ты – жалкое подобие человека из спецподразделения.

До боли знакомый голос словно обжег уши, заставив остановиться. Как по команде, туман немного рассеялся и впереди стала видна очередная площадка. Там, по центру, стоял хорошо мною знакомый Зиновский – капитан охраны той тюрьмы, откуда так недавно удалось освободиться.

Андрей демонстративно снял кобуру с пистолетом и отшвырнул ее в сторону.

Обнаружить его здесь оказалось полной неожиданностью. Кого-кого, в этого человека встретить на засекреченной базе разведывательного центра никак не могло прийти в голову. Бессменный страж тюремной дисциплины, доходящий практически всегда до маниакального состояния возбуждения азарта драки, он, из всех здесь находящихся, представлялся действительно достойным противником.

Поворачивать назад – значило бы унижить себя в лице врага, да и девушка, слабым голосом, шепнула мне, чтобы я шел вперед и не сворачивал от препятствий и трудностей. Карину вновь пришлось опустить на узкий проход. Ненадолго она пришла в себя и кивнула головой, слегка дрогнув губы в улыбке.

– Данила Игнатьевич, похоже настала пора выяснить нашу неприязнь друг к другу до конца. Сумеешь ли ты пройти дальше и вынести свою сучку?

Оскорбляя девушку подобными словами, он явно рассчитывал на мой закипевший гнев и возможность потери инициативы боя. Как хорошо, что мои инструкторы-наставники не один год вдальбивали модель ситуации обратной данной, если таковая когда-нибудь представится. Я напал первым.

Разбежавшись, мне не составило большого труда сбить его с ног и мы покатались по площадке. Обменявшись ударами, я оттолкнул его и быстро поднялся на ноги. Тюремный охранник не зря тренировался все эти годы. Сил ему было не занимать. Его ответный удар едва не опрокинул меня, заставив глубоко вздохнуть, пытаясь избавиться от боли. Кулаки капитана заработали словно отбойные молотки. Попытавшись заблокировать их, я понял, что лучше этого не делать. По моему мнению и при должном старании, он мог и бронепоезд измять до неузнаваемости.

Решив действовать наверняка и на расстоянии, я разорвал дистанцию длинными прямыми ударами, а при попыт-

ки напасть, совершил обманное движение и постарался выполнить болевой прием, но меня просто отшвырнуло в сторону, как котенка. Андрей уповал на силу. Мне же оставалось действовать ловкостью и хитростью.

Мы вновь обменялись ударами, причем мне удалось дотянуться до амбала и оставить синяк на правой щеке.

В ход пошли ноги. В надежде опрокинуть меня вниз за пределы площадки, он опоздал лишь на долю секунды и выбил секцию оградительного поручня. Воспользовавшись промедлением, я обогнул противника и ударом по икрам ноги, вызвал приступ ярости и опустил капитана на колено. Получив удар в висок, он завалился на бок, но встал как ни в чем не бывало, потер шею и атаковал снова.

От его кулаков пришлось побегать по, сковывающей движение, площадке. Улучив момент, я все же заломал ему руку, но приложив чудовищную силу, он вновь отшвырнул меня в сторону и на сей раз сам, едва не вывел меня из игры, пробив с легкостью защиту и оставив непеносимую боль в грудной клетке.

Кувыркком уйдя в сторону, я все же дотянулся ногой до его лица, вызвав новую вспышку ярости. Проломав еще несколько поручней, но не найдя меня в нужном месте, Андрей и не думал успокаиваться. Уйдя от удара, мне посчастливилось перехватить его руку и я моментально воспользовался этим, ударив под локоть. Раздался хруст, но вместо того, чтобы взреветь от боли, он сгрел меня здоровой рукой и лбом уда-

рил в переносицу. В голове моментально зазвенело, поплыл туман и я зашатался, теряя равновесие.

Краем глаза я заметил людей в масках, подскочивших к Карине и уносящих ее под плечи в обратную сторону. Во мне что-то оборвалось! Возможно, неудачная вылазка в скопище врагов так негативно подействовала на меня. Возможно, потеря единственного оставшегося близкого человека. А может все факторы сразу. Наплевав на свою никчемную жизнь, я подставил под удар левый бок, но сумел произвести захват головы капитана. Сжимая руку, я пытался до конца сделать болевой удушающий прием, но просто не поверил, когда мужчина, напрягая все свои мышцы, стал медленно выходить из него. Не сомневаясь больше ни секунды в правильности выбранного решения, я изо всех сил потянул на себя тело Андрея до разбитых поручней, перевалил за грань пустоты и мы полетели вниз.

Тюремный охранник попал в бурлящую жижу коричневого цвета, полностью погрузившись в нее, словно масло в кашу. Мне повезло меньше. Ударившись бедром о край громадного чана и не в силах изменить траекторию падения или задержаться, я медленно, как говорится «стек» в серую массу, напоминающую желе.

Последнее, что удалось увидеть и понять затухающим разумом, так это заплонивших мост и площадку оперативников. Среди них, как показалось, замаячило лицо Кирилла Антоновича, но это мог быть банальный перегруз мозга.

Вряд ли директор ФСБ решил самолично оказаться в гуще развернувшихся действий. Голова зашумела, налилась свинцом и я понял, что захлебываюсь неизвестной жижой, заполняющей мое существо до самой последней клеточки организма.

Меня мутило и хотелось блевать. В ушах звенело так, словно я неделю провел в горах на разряженном воздухе. Хотел обхватить голову и завывать, позабыв, что отношусь к гомо сапиенсу – человеку разумному. Не в силах терпеть головную боль, я до крови закусил губу и попытался пошевелиться. Не вышло. Приоткрыв глаза, я обнаружил себя привязанным к, хотя и мягкому, но металлическому стулу (возможно для чего-то еще понадобился). Комната была вытянутая с прямоугольным столом передо мной и таким же зеркалом во всю стену. *«Ага. Допросная»,* – догадался я. – *«Значит сейчас пустят в ход кулаки или чего еще похлеще. Господи, что же так в ушах болит?»*

Попытавшись пошевелить головой, я лишь вызвал очередной приступ боли. Что-то творилось не ладное. Я никогда не жаловался на здоровье, но то, что сейчас происходило внутри черепушки не подходило ни под какое описание. Меня словно пропустили через мясорубку, а потом прогнали несколько раз под прессом. В ушах звенело, щелкало... Отчетливо слышался каждый удар сердца, каждый импульс бьющейся вены и происходящие внутри организма процес-

сы. *«Да что же это со мной за хрень такая?»* И тут со всех сторон меня сдавила громада всевозможных звуков, начиная с покашливаний и чихания до полноценного внятного разговора. Мне казалось, что мозг сейчас закипит и взорвется. *«Доченьки, простите меня, что не дошел до вас! Видит Бог, я старался. Прости и ты, Карина, я не хотел...»* Новая волна звуков затопила сознание едва не перейдя в обильную рвоту. *«Хватит уже!»* – мысленно заорал я. – *«Господ, помози!»*

Все стихло моментально, словно ничего и не было. Потянувшись к звукам, я попытался отсеять ненужные и сконцентрироваться на тех, которые действительно несли какую-то информацию. Так советовали делать наставники в немногих, вышедших из-под контроля ситуациях.

– Значит этот еще жив?

Голос явно принадлежал бывшему работодателю.

– Да, Кирилл Антонович. Как только пришел в себя мы сразу же с вами связались.

– Не сдох, гаденьш? Любопытно. Что со вторым?

– Пока в коме, но состояние стабильное. Медперсонал утверждает, что со дня на день придет в себя. Тогда возможен допрос.

– Хорошо. Хоть какие-то положительные результаты в их разработках. А то три года уже даром хлеб едят. Я к себе заскочу. Потом в допросную. Мониторы когда почините? Трое суток уже прошло, а вы все как слепые сидите!

– Скоро. Программисты сказали, что к вечеру все будет готово.

– Поскорее бы. В отпуск с вами невозможно уйти. Солдаты, блин. Одного замучились ловить!

«Что же это? Я слышу то, что происходит на посту охраны? Но как?»

В голове в очередной раз зашумело, рот наполнился кровью и сознание померкло, в очередной раз лишив возможности понимать происходящее.

В лицо выплеснулось с пол ведра воды. На сей раз я лежал на медицинской каталке, но был так же прикован по рукам и ногам.

Помещение являлось тюремным блоком. Впереди виднелась решетка с толстыми прутьями и такая же открытая дверь. Голова раскалывалась, но не до такой степени как раньше. Поведя глазами из стороны в сторону, я вызвал очередной всплеск боли, но не такой продолжительной. Мысленно прочитав «Отче Наш», я попытался осторожно прислушаться.

Из всего хаоса возникшего гула, выбивался один плач, который, я мог поклясться, слышал раньше. *«Карина! Жива!»* На душе потеплело и я смог улыбнуться.

– Что лыбишься, падаль? Я тебя...

– Что тут у вас? – спросил вошедший Кирилл Антонович, перебив охранника.

– Мы тут... вот... сами смотрите.

– Сколько раз вы будете дергать меня по пустякам? Вчерашнего мало было? Звали, чтобы посмотреть на сон этого сопляка?

Мужчина подошел ближе, заглянув в полуоткрытые глаза.

– Выходит выжил, Данила Игнатьевич? Сколько до тебя эти мясники в халатах в иной мир отправили, а вот тебе повезло. Сам угодил куда не следует. Теперь извини, расхлебывать будешь по-полной. На кусочки тебя изрежут, но узнают, чем же ты таким обзавелся. А если сговориться не удастся, у нас твоя красавица есть.

Тяжело вздохнув, я отвернулся в сторону и закрыл глаза. *«Вряд ли представится шанс сбежать. Значит, станут разбирать по винтикам? Что ж, будем ожидать подходящего момента»*. И тут новая волна боли накрыла меня с новой силой...

...

– Солдат, мне нужна моя дочь! Ее зовут Карина Константиновна.

– Послушайте, товарищ майор, я безусловно уважаю вас и знаю все те заслуги, которые вы сделали для страны, но поймите, сейчас не тот случай...

– Сынок, я перехватывал секретные донесения западных стран еще тогда, когда ты пешком под стол ходил, поэтому уважь старика – сообщи Кириллу Антоновичу, что я пришел!

– Но я...

«Отец Карины? Константин? Не тот ли это оперативник, фотография которого до поры до времени висела в кабинете директора как лучшего сотрудника ФСБ?» Я сосредоточился, понимая, что отец Карины сейчас находится на проходной около охраны...

В голове не укладывалось, что появится возможность услышать настолько удаленную речь. *«Что это? Дар Всевышнего? Да какая в принципе разница? Главное сейчас было не в этом, а в скорейшем оставлении этого места».*

Рация в кармине Кирилла зашипела, запищала и послышался голос охранника, который минутой ранее говорил с отцом Карины:

– Извините, что мешаю вам, Кирилл Антонович, но здесь пришел Константин – отец Карины. Требуется вашего присутствия! Пропустить или вы сами поднимитесь?

– Час от часа не легче, – пробурчал директор и добавил уже в рацию, – ждите, скоро буду!

Осмотрев меня долгим тяжелым взглядом, он отдал приказ охраняющим меня:

– Этого на исследовательский этаж! И... дождитесь меня!

Мужчина собрался уже уходить, но вернулся назад, в очередной раз столкнулся с моим презрительным взглядом и ударил в висок.

– Это за потраченное на тебя время, коллега!

В голове моментально вспыхнул водоворот искрящихся

бликов и сознание стало проваливаться в черноту. Где-то на грани нового только-только начавшего развиваться слуха, я услышал шум двигателей приближающегося вертолета и все померкло нахлынувшей тишиной.

Меня куда-то везли. Куда именно, сказать было сложно. Глаза не хотели открываться, да и познавать признаки жизни в данной ситуации могло оказаться чревато дурными последствиями. Мозг плохо соображал. То ли отбили не то, что нужно, то ли еще не выветрилось действие алхимической жижи, куда так некстати «посчастливилось» свалиться.

Про Андрея я не думал. Не хотел думать. Был человек и нет его, раз разговоры о нем не ведутся. Давно следовало наказать эту сволочь. Жаль раньше подходящего момента для этого не представлялось.

Тело все так же находилось в горизонтальном положении с опоясывающими его ремнями и зажимами. Куда катили меня – к гадалке не ходи – на операционный стол. Скоро начнут применять те методы дознания, которыми в далеком прошлом обучали и меня.

...

– Ты должен отпустить мою дочь немедленно! – долетел до слуха голос.

– Я тебе ничего не должен, особенно после того, как ты с женой предали офицерский мундир и пошли против «Системы», прекрасно зная исход всей убогой авантюры.

– Наталья боролась за справедливость...

– Вот она справедливо и получила по заслугам. Где ты там ее похоронил? На родине в Хабаровске?

Кирилл находился в бешенстве. Даже с такого расстояния чувствовалась его злоба, словно пот, выступающая наружу. Его собеседник молчал. Возможно, закончились аргументы, а может просто он понял, что директора не переубедишь и решил свернуть разговор?

– Значит, тебя не переубедишь? – слался мужчина.

– Совершенно верно. Я привык доводить начатое дело до конца.

– Есть шанс, что я увижу свою дочь живой и невредимой?

– Конечно. Шанс всегда есть. Так что топай-ка ты домой, друг, пока моя мягкосердечность не закончилась и тебе не пришлось бы уносить ноги по обвинению в предательстве.

Кирилл Антонович отошел в сторону и достал рацию.

– Как наш объект исследований?

Один из конвоирующих меня взял свое переговорное устройство и ответил:

– Все в порядке. Транспортируется.

– Отлично. Ждите меня!

– Понял вас.

– О, смотрите, очухался, гад!

Мое бодрствование заметили. Удар вновь опрокинул мое сознание, заставив темноту господствовать над моим существом.

А потом меня били. Привязали к металлическому стулу, приваренному к полу и развлекались по полной. Удары сыпались со всех сторон. Повезло в том, что я мог слышать начинающийся размах для удара, напрячься и немного (насколько позволяли путы) сместиться в сторону для облегчения последствий. Не имей я вдруг открывшуюся способность, накинутый на голову мешок из плотной ткани сыграл бы со мной дурную шутку. А так я предугадывал движения еще в момент их зарождения.

Дальше пошли долгие часы избиений. Приходил Кирилл, потом вновь уходил в свой кабинет. Беседовал с научными руководителями проекта «Сверх армия в сверхдержаве» (как я узнал из их совместного разговора).

Били всем. Руками, иногда ногами, подручными предметами... За что? Да за все. За то, что вышел из тюрьмы, перемолол столько «хороших ребят», нарушил несколько десятков пунктов нового уголовного кодекса и конституции, впутал в это дело «ни в чем не повинную» Карину, сунулся на базу и... что самое главное – заполучил в свой организм какую-то жижу, что им хотелось узнать во что бы то ни стало. Вот меня и били. Не знаю, сколько это все продолжалось – часа три точно. Радио в водном из кабинетов сообщило, что в столице полдень. *«Очнулся я где-то в районе девяти. Кажется, на «Всеобщем радио» об этом говорилось. Значит все-таки три».*

От меня что-то требовали, ругались... потом стали материться и в конце решили готовить зал для операции. Кирилла вновь вызвали. На сей раз на пост охраны. Что-то у них там не срослось. Что именно – выяснить не смог. Очень сложно отвлекаться на посторонние раздражители, когда удары градом сыплются со всех сторон. За мужчиной приехала административная машина и директор временно покинул базу, обещая вернуться в ближайшее время и приступить к поэтапному извлечению из моего организма информации. Его шестерне, занимающейся ухудшением здоровья и уменьшением продолжительности моей жизни, развязали руки, и они стали орудовать кулаками в полную силу. Но самым ужасным было то, что они собирались навеститься к Карине, которая находилась на одном этаже с этим в одной из первых комнат с противоположной стороны.

Проморгав один из ударов, я провалился в пустоту, обещая при ближайшем удобном случае отправить к прародителям того, кто первый предложит посетить мою девушку.

Меня вновь катили, но уже в сидячем положении и на кресле-каталке. Что-то изменилось. Конвой! Он был другой. Состоял из четырех человек, а не шести. Присутствовала девушка или женщина. Отсутствовал хромым, припадающий на правую ногу; туберкулезник, постоянно кашляющий и астматик, тяжело вышагивавший и часто останавливающийся чтобы перевести дыхание. *«Или смена подошла к концу, или*

решили транспортировать куда-то еще. Но почему их четверо и все новенькие?»

– Куда?

Охраняющий выход на следующий отсек базы перегородил дорогу.

– Приказ Кирилла Антоновича перевести заключенного в иное место!

«Интересно девки пляшут. Илья! Каким ветром его сюда занесло? А девушка – это видимо Полина? Интересно, кто еще двое?»

– Сомневаюсь. Мне не передавали инструкций по поводу этого, – кивнул охранник в мою сторону.

– Вот нужные бумаги!

Один из неизвестных конвоиров передал бумаги и отошел в сторону. Их долго проверяли, шурша страницами.

– Майор! – солдат отдал честь и вернул назад папку. – Отчего такая секретность?

– Планы изменились. Этот человек нужен вышестоящей организации. Здесь все изложено. Если не верите печатям, подпишам министров обороны и совета директоров, предлагаю взять в руки телефон и позвонить. Номер указан здесь же.

Охраняющий переход долго размышлял, разглядывая нашу компанию, но все же решил не возиться и отошел в сторону, открывая путь для дальнейшего передвижения.

За последующие четверть часа нам повстречалось еще два

поста, где так же пришлось пускаться в переговоры и объяснения и вот на лифте мы поднялись на свежий ночной воздух.

«Что же это получается, друг все-таки оказался другом? Радует. Очень хорошо, когда все сомнения опровергаются подобным образом».

С меня сорвали плотный мешок и глаза еще долго привыкали к окружающему пространству. Стояла ночь. В отдалении виднелись проезжающие по шоссе автомобили. По внутреннему периметру освещение составляло лишь высокие столбы с галогеновыми лампами.

База службы безопасности была единственным строением. В радиусе нескольких километрах кроме травы и редких деревьев ничего не находилось. Лес сплошной стеной стоял по трем сторонам и угадывался лишь остроконечными вершинами сосен и густыми кронами других деревьев, но до ближайших из них было никак не меньше километра.

Вздохнув полной грудью, я только тут почувствовал все еще находящуюся на лице многоцветную синюю маску от якобы разгуливающего по стране вируса. *«Неужели никто не догадался снять».* Я машинально потянулся к ней рукой, позабыв, что руки связаны, но... странное дело – путы сами собой упали вниз и я в изумлении дотронулся до лица... *«Ложные узлы! Хитро. По-видимому вязал сам Илья. Нас учили подобному и не вспомнить он просто не мог...»* и тут же отдернул руку от нестерпимой боли. Маска, закрываю-

щая нос, рот, подбородок и щеки до самых ушей, отказывалась сниматься, причиняя, при касании, острую боль. *«Интересно девки пляшут!»* Бывшая ранее хлопчатобумажной тканью, она вдруг превратилась в застывший кусок металла и, можно сказать, намертво приросла к моему телу. *«Жесть. Жрать же как хочется! Как же я это буду делать? Ладно. Разберемся. Только подальше отсюда».* Вздохнув еще раз, я продолжил сидеть в кресле-каталке. Как говорится: «пока приказа нет – лучше не дергаться»! Загнав боль от странного явления глубоко вовнутрь, я решил визуально собрать как можно больше информации.

«Кто это там с Ильей пришел на выручку? Ба. Да ведь это же Полина!»

Облегающий комбинезон спецагента ФСБ как нельзя лучше подходил к ее стройной фигуре и решительному лицу. *«Такая до конца пойдет. Куда муж, туда и вторая его половина. Кто остальные?»*

Стоящий в десятке метрах седовласый мужчина о чем-то общался по рации. Он не являлся блондином. Просто волосы, в силу своих прожитых лет сами собой поменяли цвет и теперь придавали человеку мудрость. Его волевое лицо и решительность в переговоры с преизвестным подсказывали в нем лидера всего этого квартета. Широкоплечий, подтянутый с ровной выправкой... его звание должно было быть никак не младше капитана.

Другой оперативник, стоящий рядом со мной, напротив,

походил на офисного клерка: худощавый, под метр-семьдесят с маленькими руками, привыкшими видеть компьютерную клавиатуру и мышь, но никак не боевые действия. Глаза бегали из стороны в сторону, выдавая в нем беспокойную нервную личность. Кудряшки, будто у цыгана смешно преобразали его голову и он время от времени проводил по ним рукою, словно желая убедиться в их присутствии.

«Странная компания. На бывших сотрудников не похожа. Ладно, по прибытии разберусь что к чему. Пока отсюда нужно делать ноги и чем быстрее, тем лучше».

Как и предполагалось, появился вертолет. Все бы ничего, но нормальным его можно было назвать с большим допущением. Мало того, что его появление произошло внезапно (даже мой чувствительный слух не распознал шума двигателей), так еще и пилота в нем не оказалось. *«Интересно девки пляшут!»* Такое мне даже в снах не снилось. Управлять боевой машиной через пульт управления, словно крохотным дроном – да где же это видано? Тогда может существовал некий центр управления, откуда и осуществлялся пилотаж? Вполне разумное объяснение. Вот только денег в него – не на один коттедж потянет.

«Странная организация пришла на мое спасение. Вряд ли совпадение или чей-то благотворительный жест. Вероятнее всего цену освобождения заломили невероятную. Успеть бы расплатиться, пока в живых хожу, а то, чувствую, спустят на меня всех собак включая последнюю занюханную»

шавку. Кирилл никому не простит моего бегства».

Вертушка, бесшумно работая лопастями, опустилась на крышу здания и мы благополучно погрузились на борт. Я распрощался с инвалидным креслом (рано еще) и вскоре наблюдал через окно как быстро уменьшается база спецслужб, где довелось работать большую часть жизни.

Полет проходил в полном молчании. Спасители даже с собой не разговаривали, что уж говорить про мою персону.

– Куда летим? – обратился я к белобрысому, хоть как-то пытаюсь выйти на диалог.

– База «Аркада». Знаешь? Бывший завод.

– А то. Мой отец когда-то работал неподалеку на пластиковых окнах.

– Да. Все верно. Их уже шесть лет как прикрыли.

Мужчина откинулся к спинке скамьи, тянущейся вдоль всего борта и погрузился в компьютер, всем видом показывая, что и так короткий разговор уже закончен. Что ж, больше пока и не требовалось. *«Значит другой конец города? Поживем – увидим. Интересно, чем удивят меня там?»*

Зависнув над одним из полуразрушенных зданий завода, вертолет сел в механосборочный цех (О чем свидетельствовала длинная проржавевшая вывеска над развороченным выходом из ангара) и овальная платформа вместе со стальной птицей стала опускаться вниз, примерно на уровень пятиэтажки, располагайся она жилыми этажами к центру земли.

База оказалась на зависть даже тем спецслужбам, которые меня поймали. То, что Илья с Полиной двойные агенты, не вызывало никакого сомнения. Но вот что за организацию представляли другие два человека, еще предстояло разобраться.

Внешне база, по сути, напоминала другие свои аналоги: также была скрытой от посторонних глаз, имела многоуровневые секции, комнаты и шлюзы, многочисленный персонал, службу охраны и главный центр. Он имел вид круглой комнаты. В одной ее части стоял такой же стол с двадцатью креслами, большая голографическая доска, а во второй половине – компьютерные столы с работающим там персоналом. Что делали все находящиеся здесь мужчины и женщины вызывало лишь догадки. Возможно, следили за кем-то, получали или передавали информацию, да мало ли что. Гадать смысла не было, а узнавать не хотелось – интерес отсутствовал.

Мы расположились за столом. Полина с Ильей перекинулись парой слов, но потом затихли, когда подошел белобрый мужчина и стал так, чтобы его можно было видеть из любого нашего места.

– Данила Игнатьевич, давайте я вам представлюсь! Остальные меня знают, но ради вас я еще раз напомню о себе. Меня зовут Пронин! Майор Леонид Пронин, если быть точным. Да не удивляйтесь вы так. В свое время, несколько десятков лет назад выходили полнометражные фильмы и даже комическая мультипликация, но то все было про моего

отца и деда и к сегодняшней ситуации не имеет никакого отношения. Вопросов нет?

Я отрицательно покачал головой.

– Отлично. Идем дальше. Вначале я расскажу общую ситуацию, какая происходит по всем городам нашей Родины. Затем ту, в которую ты вляпался. И на последок – зачем нам вообще понадобился. Потом у тебя будет право выбора: присоединиться к нам или идти своей дорогой. А сейчас можешь располагаться удобнее – разговор будет долгим.

Мужчина подошел к голографическому экрану и остановился. Там сразу же появилась карта нашей страны.

– Ты уже знаешь о вирусе. Так вот, он не сразу попал в нашу страну. Изначально он зародился далеко от наших границ, но сидящие во власти специально до последнего оставляли открытыми коридоры для въезда-выезда граждан из других государств, чтобы наверняка произошло заражение. Зачем, спросишь ты? Да очень просто. Мировое правительство!

– Шестерка богатейших людей планеты? – удивился я. – Но я с братом уничтожили эту элиту на том последнем задании, после которого нас сослали на пенсию и забыли о существовании.

– Можешь не пересказывать тот подвиг, – остановил меня Леонид, – я ознакомился с вашим досье еще задолго до твоего освобождения. Думаешь, мы не предлагали сотрудничество твоему брату?

– Ивану? Я не видел его более десяти лет.

– После нашей с ним встрече он предпочел скрыться со своей подружкой в развалинах Стоунхенджа.

– С Алиной? Что они там забыли?

– Вот и мне не ясно. Однако они пропали. Их следы теряются именно там. Десять лет от них, как говорится «ни слуху, ни духу». Есть предположение, что они каким-то образом воспользовались дремлющей магией этого сооружения и смогли попасть в другое, не подконтрольное нам место.

– Магией, – усмехнулся я, – вы меня за кретина держите?

– Вы многое не знаете о нашем мире, Данила Игнатьевич, но мы отвлеклись от изначальной темы. Так вот. Сейчас мировое правительство возглавляет некий Фил Кейтс – человек, создавший всю компьютерную систему в мире. На него миллиарды разрабатываются многие вакцины и от этой болезни якобы тоже. Но самое главное, он выводит вирусы! Не лично он, но его секретные лаборатории. Его вирус, что сейчас господствует в мире, заглянул в каждую страну, каждый город, каждый дом... Пришел он и к нам. Однако, как такового его формально нет. Да, была вспышка, но она быстро закончилась и много людей не пострадало. Дальше произошло следующее: государство, заинтересованное в дальнейшем распространении вируса, приложило все усилия, чтобы сохранялась паника и животный страх у населения. СМИ освещало эту проблему по рению, в газетах и интернете. Ввели масочно-перчаточный режим, действующий до сих пор.

Затем ограниченные меры передвижения по городу. Придумали QR-коды, дату и время выхода каждого дома на прогулки и, чтобы взять под полный контроль – произвели вакцинацию с незаметным чипированием всего населения и биометрической системой пропусков посредством бесконтактного сканирования сетчатки глаза и нанесением штрих-кода на лобовую часть или же запястье руки – кому как угодно. Бумажное обращение денежных средств отменили, в связи с чем рухнула система православной церкви. Соборы и храмы стали закрываться, а вместо них возводиться единые центры поклонения любой религии и исповедания – терминалы. Все оплачивалось непосредственно через встроенный чип. Банковские бесконтактные карты еще остались кое-где, но и они вымрут после голосования за принятие новой конституции.

– А старая чем не угодила?

– Новая конституция сделает из государства монархию. Президент будет выбираться единожды и на все времена. Естественно, он станет ставленником богатейших мира сего, затеявших всю эту игру.

– А люди? Неужели будут молчать?

– Люди уже молчат. Возродившееся мировое правительство дало четкие указания – оставить в живых на планете не больше миллиарда населения и эта их прихоть выполняется и по сей день. Вначале был вирус «КВ-60», то есть классовое вымирание тех, кто после шестидесяти лет. А это, как ты знаешь, пенсионный возраст. Чтобы не платить им день-

ги и сохранить свой тугой кошелек с удачного разбазаривания природных ископаемых страны: нефти, газа, древесины и прочего, они практически полностью вырезали это сой населения. Как? Вакцинация. СМИ провело компанию по нейро-лингвистическому программированию и все в экстренном порядке были привиты. Для старичков это оказалось фатальным. В прививках уже содержался вирус, рассчитанный именно на эту группу населения. Далее население захлестнула волна «ВСВ-31» – вирус среднего возраста после тридцати одного года. Произошло все то же самое, только со средним населением. Кто-то умер сам, кому-то помогли... естественно, в мир иной отправились люди, уже имеющие хронические или неизлечимые заболевания. И последняя волна – «ЗФ-6» – завершающая фаза после шести лет. Здесь государство замахнулось на самое неприкосновенное – детей! Все, после шестилетнего возраста подверглись обязательной вакцинации. Естественно, убойная доза препарата иностранного происхождения (хотя все в один голос уверяли, что это наше, отечественное изобретение) уничтожила каждого второго ребенка. Вдумайтесь! Каждого второго!

Чем помогло правительство дальше? Чипированием! Оно говорило: *«Чипируйтесь! Это поможет нам отследить у вас течения болезни и возможности ее излечения!»* Естественно СМИ говорили ясно, доступно и что самое главное – «вкусно». Оставшиеся повелись и правительство придумало уникальную хитрость – перепись оставшегося в живых

после вспышки вируса населения и ее чипизацию. Чипировались все от мала до велика. Противников и не желавших принимать все это объявляли заболевшими и нарушителями карантина. Их в принудительном порядке увозили за город, подальше от остальных людей в специальных закрытых боксах, больше похожих на гроб. Там подключали к приборам под названием «искусственная вентиляция легких» и они в одночасье умирали.

В нашем случае местечко под названием Красный Бор занималось перемалыванием противников режима и неподчинению их единой «Системе». Таких было предостаточно.

Вернемся к чипам. Они оказались инструментом по сдерживанию людских масс. Неудобных блокировали, отключали от «Системы» или же просто убивали (причем дистанционно). Кто-то не пережил совместимость чипа с организмом. Кого-то отключили за буйство, недовольство, запоздалое осознание всей критической ситуации и попытки выйти из нее... В первую очередь убивали наркоманов, преступников, безнадежно больных, нищих и прочих подобных групп населения, скатившихся на самое дно жизни. В конце даже у безработных и имеющих долги по услугам коммунальных хозяйств и просроченным квитанциям отнимали жизнь посредством блокировки их денежных накоплений.

– И люди все это терпели?

В голове не укладывалось, что данные слова относились к той стране, в которой я родился, вырос и живу сейчас.

– Люди? Они поняли погрешность своих действий, но поздно. Силовики, врачи, учителя... да многие рабочие классы вышли на улицы защищать свои семьи и разваливающуюся Родину. Даже нагло и ложно обвиненные артисты театра и кино взяли оружие и встали в строй протестующих. Не помогло ничего! Механизм «Системы» был запущен и остановить его оказалось неподвластно никому. Тысячи... миллионы погибших не только в нашей стране, но и по всему миру. Мировое правительство устроило геноцид похлеще нацистов в сорок первом году прошлого века.

Я сидел «обмякая» от услышанного, чувствуя, что попал уже не в тот мир, который был ранее. Майор Пронин все не унимался, словно намереваясь добить меня своими речами.

– Однако мировое правительство сделало ставку не только на разработанный ими же вирус и массовое принудительное чипирование под видом лечения. Пока жители прятались от «вредоносного действия чумы» по домам, опустевшими улицами городов воспользовалось правительство по полной.

Во-первых, было установлено бесконечное количество «умных видеокамер», способных распознавать биометрические данные человека (а именно штрих-код, радужную оболочку глаза и слепок лица) и отправлять в соответствующие органы, если этот человек совершил малейшую провинность против «Системы». Он наказывался, изолировался и увозился на «белом воронке» (как говорили некоторые люди) в неизвестную сторону.

Во-вторых, гигантскими шагами шло повсеместное возведение «5G-вышек», якобы для нормализации и оптимизации зоны покрытия сотовой связи. На самом деле эти объекты вели к вымиранию не только самого человека, но и окружающей его природы. Имея радиоактивное излучение, «5G-вышки» поражали не только внутренние органы человека, животного, птицы или растения, приводя к ракообразующим заболеваниям, но и влияли на цепочку ДНК, вызывая немыслимые болезни вплоть до мгновенной смерти, как это случилось с птицами в одном из парков столицы.

В-третьих, пролетающие над городами вертолеты МЧС под видом осмотра местности, распыляли раздутый в СМИ вирус на тех территориях, где заразившихся было наименьше всего.

Что же касается самого правительства, то оно считалось лишь марионетками тех, кто затеял всю эту невидимую войну – то есть мировым правительством. Оно в открытую, на общественных телеканалах говорило о намерении снижения человеческих единиц до «золотого миллиарда», при наличии которого как раз-таки и должна закончится эпидемия.

И поверь мне, такое не только в нашей стране – оно по всему миру! Теперь ясно, в каком мире ты оказался?

Переваривая все услышанное, я машинально кивнул головой и дотронулся до лица, стараясь почувствовать, что не сплю и все происходит со мной. Однако режущая боль от «запаянной» маски привела в чувство.

– С этим разобрались. С детьми что? – спросил я, переводя взгляд на Илью, но тот лишь пожал плечами.

На голоэкрэн смотреть не хотелось. Майор не только рассказывал, но и подтверждал свою речь визуально. То, что возникло и происходило на экране не поддавалось логике.

Полина опустила голову и закрыла глаза.

– Дети... – произнес Леонид. – За детей развернулась настоящая война! Правительство развязало ювенальной юстиции руки и добавила полномочий. Ребенка теперь можно было отбирать по любому из тридцати пунктов. Начиная от отсутствия фруктов и сладостей и заканчивая отсутствием ремонта (или его несоответствием) и поношенной одеждой. В «помощь» к ним были приставлены судебные приставы, полицейские и нацгвардия. Родители вплоть до поножовщины отстаивали свои права на ребенка, но их мнение мало кого интересовало.

Я знаю, с твоими дочерьми случилось то же самое. Обещаю, мы найдем их местонахождение. Детями занимается само ФСБ. В основном их продают за пределы страны как в целом, так и в виде донорских органов.

– Спасибо, блин, утешил.

– Дистанционное образование убило обучение. Все началось с электронного дневника и надомной школы. Там собирались оценки за успеваемость и иные умственные данные. Затем появилась цифровая медицинская книжка ребенка – его состояние здоровья и все, что с этим связано.

Любой желающий мог купить данные о ребенке и из любой точки мира изучить его личное дело. Потом выбрать нужного и купить, в зависимости от располагающих на чипе денежных средств. И это касалось не только детей.

Все стало просто, как дважды два. Жизнь простого обывателя обесценилась. Имеющие власть и деньги управляли массами: заставляли делать то, что им нужно; убивали, заимствуя нужные органы и трансплантируя себе или своим родственникам.

– А вы, что здесь представляете? – потрясенный, спросил я, обведя присутствующих взглядом.

– Пока еще ничего особенного, – с грустью ответил майор. – Наша организация начала действовать не так давно. В ее задачу входит нахождение людей, способных помешать «Системе» и освободить государство от цепкой руки мирового правительства.

– Вот как? А наше на что? Что наша-то верхушка власти об этом не заботится?

– По неподтвержденным данным – находящийся на самом верху власти – ставленник все той же «Системы» и полностью поддерживает ее и все исходящие законы и приказания.

– Что значит «ставленник»?

– А то, мой дорогой друг, – ответил вдруг Илья, – что нами управляет двойник, а настоящий либо отдал жизнь за свое правое дело, так как изначально был против всей этой войны. Либо хорошо спрятан от посторонних глаз.

– Илья прав, – вмешался майор. – Изначально на противоположное изменилось мнение самого стоящего у руля власти, да и вид его, слегка, скажем, стал не таким. Потом он развелся с женой, а вскоре пропала и она. До сих пор никто не знает ее местонахождение. Затем премьер-министр – лучший друг президента внезапно подал в отставку и также растворился словно утренний туман. Кто, что, где – полнейшая тишина. Мы склоняемся по второму варианту – истинный президент жив, но пока находится вне досягаемости. Мы собираем группу людей, которые помогут нам с этим разобраться и вернуть все на круги свои.

– Значит я должен...

– Ты прав, – перебила меня Полина. – Ты должен работать не только на нас, но и на себя, в поисках своих детей. Только Кирилл Антонович знает их местонахождение!

– Хотите завербовать меня?

Леонид кивнул и посмотрел на меня.

– Интересно девки пляшут! А если я откажусь? Вообще-то я свободная личность.

– Твоя мнимая свобода привела к аресту и так будет продолжаться до тех пор, пока не умрешь в застенках ФСБ. Они просчитались, заперев тебя туда. Ты выжил и вышел. Об этом они не подумали. Теперь уже поздно. Они убьют тебя. «Система» не допустит героя-одиночку способного ей навредить!

– У меня есть время подумать или обсуждению не подле-

жит?

– Да что тут думать, – сказал Илья, – мы сразу согласились.

– А этот? – кивнул я на угрюмо сидевшего курчавого.

– Федор? – Пронин улыбнулся. – Он всегда с нами, какой бы абсурдный план не возник.

Мозг вдруг пронзила острая спица. Голову сдавило тиска-ми, а слух наполнился криками и воплями, словно они исхо-дили из соседней комнаты. Среди всего этого обезумевшего гвалта, я разобрал хриплый... не крик, скорее вой... Карины! *«Там что-то происходит! Мне нужно туда!»*

– Что с тобой? – взволнованно произнесла Полина, под-нимаясь со своего места.

– Ничего, просто зашумело в ушах. Мне нужно подумать. В одиночестве.

– Решайте, Данила Игнатьевич, только не долго. Любое промедление выгодно «Системе». Если произойдет смена конституции и перевыборы, которые намечены уже через несколько месяцев, то не поможет уже ничто и деятельность придется сворачивать.

– Ясно. Можно идти?

– Да. Полина проводит тебя в твой бокс для отдыха. Завтра жду ответ.

– Я буду здесь конвоируемый или на правах гостя?

– Разумеется гостем! – воскликнул майор. – Тебе разре-шен доступ в любой отсек и комнату этого объекта.

– Даже в оружейную? Есть такая?

– Есть. Туда тоже. Располагайся!

Леонид сложил на груди руки и долго наблюдал за нашими удаляющимися фигурами.

– Он не подведет? – задал запоздалый вопрос майор.

– Головой ручаюсь! – ответил Илья.

– Мутный какой-то тип, – наконец вставил свое слово курчавый.

– Посмотрел бы я на тебя, когда отнимут детей, а жена окажется в могиле. У него девчонка у ФСБ осталась. Пятьдесят на пятьдесят что выживет. Думаю, его побег ускорит ее смерть.

Появившаяся недавно способность острого слуха способствовала тому, что я расслышал все, что говорилось в оставшейся позади комнате. Особенно меня задело последнее предложение Леонида. Если все обстояло так, то следовало немедленно отправляться обратно и плевать, что меня будут поджидать две сотни хорошо обученных оперативников. Спасение Карины стало для меня жизненно необходимым.

– И давно вы с Ильей сотрудничаете с майором? – спросил я, разорвав затянувшуюся паузу.

– С того момента, когда начался весь этот хаос. Многие из наших сразу же поняли нацеленный курс правительства, но из них остались лишь единицы. Прокатившиеся восстания покосили наши ряды. Людям не свойственно выжидать. Они бросались в самое пекло боевых действий и погибали. Толь-

ко мудрые продолжают сопротивляться, видя тайную игру. Майор Пронин не единственный, кто собирает свою команду для восстановления прежней страны и укрепления государства. Есть и другие. Но его действия и цели более логичны и последовательны. Тем более Илья ему слепо доверяет, а жена, как известно, всегда должна быть «за» мужем. Теперь ясно?

– Вполне.

– Вот. Мы пришли.

Остановившись у синей двери, Полина набрала код на стеновой панели, предоставив доступ в просторное помещение. Стол, кровать, с прикроватными тумбами, несколько шкафов и дверь в соседнюю комнату, где по всей вероятности были туалет с ванной.

– Я у вас точно не заложник?

– Конечно нет, – усмехнулась женщина, – располагайся!

Скоро придет Федор, чтобы снять твой «намордник». Не умирать же с голову, правда?

Она еще раз улыбнулась и пошла дальше по коридору.

– Так, где оружейная? – крикнул я вслед.

– Прямо над тобой, – даже не оборачиваясь, ответила она.

Сев в кожаное кресло у столика, я обхватил голову руками. Следовало с пониманием и осмыслением отнестись к словам Леонида, особенно к последним. *«Нет. Пока мне с ними не по пути. Возможно потом, позже. Как раз будет время подумать, поразмыслить... Для меня первоочередная*

задача розыска дочерей, а там будет видно с кем сотрудничать и к кому присоединяться».

Отчетливый топот мужских ног направленный в мою сторону, вырвал меня из задумчивости. Прошло более минуты, прежде, чем раздался стук в дверь. *«Изначальное расстояние двести метров. Любопытно».*

– Войдите.

Дверь открыл Федор. Его взгляд пробежался по комнате и остановился на моей маске.

– Посидишь три минуты в спокойствии и о своей проблеме не вспомнишь никогда.

Мне оставалось лишь сидеть и ждать. Разложив на столе свой инструмент и одев белые резиновые перчатки, он, словно хирург, с предельной осторожностью взялся за дело. Больно не было. Скорее щекотно.

– Невероятно, бурчал он, – никогда такого не видел! С ума сойти!

Дотронувшись до маски, я не ощутил былой боли и по привычке попытался снять из-за ушей ее петли крепления, но не обнаружил их. Вместо этого раздался щелчок и часть ее, закрывающая рот нос, отделившись, осталась в моей руке. Обменявшись удивленным взглядом, я приставил ее обратно к лицу... послышался тот же звук и она встала на место, словно никто ее и не трогал.

– Невероятно! – повторил Федор. – Значит, ты родился в рубашке. Уж не знаю, в какую дрянь ты провалился, но она

явно внеземного происхождения. Эти оборотни в пагонах, по моему мнению, решили задействовать все свои резервы и с химической стороны тоже. Ту маску, что ты держал в руках, оказалось не так-то просто снять. Скорее всего, жидкость, вступив в реакцию с молекулами ткани изменила их совершенно по иному. Вот на выходе мы и получили чудную броню нижней части лица. Осталось выяснить, что была это за жидкость и почему остальная одежда осталась прежней, в отличии от маски. С ней тоже не все ясно. Ты не чувствуешь за собой никаких изменений?

– Нет, – не моргнув глазом соврал я.

– Ладно, разберемся. Я возьму волокна для исследования, если ты, конечно же не против?

– Да сколько угодно, если это не больно.

– Нисколько, – заявил Федор и подойдя с пинцетом, произвел какие-то манипуляции по соскабливанию и отрыванию неких частичек. – Ты это... береги маску! Может и пригодится. Она кстати, как заметил теперь съемная. Можно сказать многоразовая, как и была. Просто тянешь вперед – она и снимается! Удивительное чудо! Ты прям находка для исследователей!

– Хорошо. Спасибо! Тонкости узнаем после. Есть можно – вот и ладушки.

– Не дрейфь, найдутся твои девоньки!

Не говоря больше ни слова, он собрал расставленные вещи и вышел.

Вновь шаги на такое же расстояние. *«Вероятнее всего там его комната. Иного не может быть».*

Встав, я быстро нашел встроенный в стену холодильник. Его не трудно оказалось распознать по тихо работающему мотору, нагоняющему циклично холод. Подкрепившись нарезанными овощами и консервированной тушенкой (благо открывашка нашлась здесь же), я направился в оружейную.

Дверь туда была не заперта. Возможно, здесь любой имел к ней допуск, но мне подобная идея не понравилась.

В длинных железных ящиках, разбитых на отсеки, а те, в свою очередь на сектора, я обнаружил в громадном помещении оружейную. Пистолеты, автоматы, переносные ракетные установки, пулеметы, гранаты, ножи... Перечислять можно было до бесконечности. Такое чувство, что здесь кто-то готовился к войне. Проходя мимо рядов наполненных всем этим барахлом, я перестал уже вглядываться и изучать содержимое. Полчаса пролетели незаметно, но мне так ничего и не понравилось. Очень плохая ситуация. Вроде и много всего, а как капнешь глубже – так и явным фуфлом окажется.

– Эй, друг, выходи, хватит уже за стеной прятаться!

Мой слух не подвел и на этот раз. Илья стоял у входа и ожидал меня. По какой причине он не заходил и отмалчивался – было неизвестно.

– Тебя не проведешь, полуночник! Не спится? – улыбнулся он.

Я обошел еще один стеллаж, но и здесь не обнаружил ни-

чего полезного. Такое чувство, что все уже до меня выбрали. Хотя может быть тут и не было ничего. Осмотрев все еще раз, я наткнулся на запертую дверь. Вопросительно посмотрев на Илью, я кивком указал на нее и шагнул в сторону. Явно у него находился ключ или шифр от следующей комнаты.

– Знаешь, что, Данила, ты хороший человек! Таким был, таким и остался. Тебя не испортили те места временного пребывания, которые окружали последнее десятилетие. Думаешь, майор стал бы возиться с реальным уголовником?

– Это все, конечно, интересно, но ты скажи мне лучше, как он сколотил такую команду?

– Ты о чем? Команда еще не собрана. Ты второй, кого нам приходилось вытаскивать из серьезных передряг...

– А первый кто?

– Федор. Это долгая история. Ты вроде куда-то спешил или нет?

– Да. Вот только проблемка нарисовалась в виде закрытой двери.

Илья посмотрел в ту сторону, куда я указывал и в задумчивости покачал головой.

– Нет, друг, от нее у меня ключей нет, а вот у тебя есть!

– У меня?

– Да. Видишь ли, ты и Федор для майора Пронина входите в другой уровень доступа, нежели я с Полиной. Почему так – он не пояснил. Просто отдал приказ и все. Ты попробуй приложить палец к считывателю и сам все узнаешь.

Илья нажал на скрытую панель и появилось замаскированное табло с десятком цифр и светящийся голубым – сканер. Я поднес к нему большой палец и тут же услышал голос:

– Данила Игнатьевич. Класс доступа третий. Вход разрешен.

– Вот как, – вырвалось у меня, – и когда успели биометрию снять?

– Это не биометрия. Программисты Леонида хакнули базу тюрьмы, где ты отбывал наказание, а там пальчики твои всплыли. Он просто перезагрузил информацию и ввел на тебя разрешительный код доступа.

– Ух ты, – удивился я, – молодец дядька. Оперативно работает.

Дверь открылась, щелкнув механизмом и представила нашему взору следующую комнату. Она тоже оказалась оружейной, но в отличие от первой его здесь было в разы меньше и все находилось в специальных стеклянных подиумах, словно предназначенные для элитного показа.

– Что это? – спросил я, бегло осматриваясь кругом и останавливаясь около стеллажа с надписью Данила Белов.

– Экспериментальные образцы. В массовое производство их не допустили по причине дорогого изготовления и ограниченности материалов, что и привело в последствии к замораживанию проектов, а их было не мало.

Осматривая черный спецназовский камуфляж, я никак не мог понять, что в нем такого особенного. Такие я одевал и

не раз, а это был копией своих собратьев.

– Я примерю?

– Знаешь что, – остановил меня Илья, улыбнувшись, – если под ним стоят твои имя и фамилия – это точно что-то значит. Думаю, он специально для тебя. Переодевайся, а твоё старье я Федору отнесу. Очень он просил их не утилизировать.

– Не знаешь, для чего они ему?

– Вот сам и спросишь, после того, как вернешься. Ты вроде куда-то собирался?

– Да. Совершенно верно.

Через пол часа я уже ехал на беспилотном аккумуляторном автомобиле к Соборной Горе. Следовало навестить свою тетушку-матушку в храме, где настоятелем являлся ее муж. Конечно, появляться в людном месте было крайне рискованно, тем более всю мою родословную уже давно проверили и скорее всего там ждала очередная засада, но получить благословение стоило, тем более в том деле, которое я замыслил.

Новая одежда сидела на мне как специально подогнанная и я задался вопросом, а не следил ли за мной Леонид, находясь я еще за решеткой?

Главный собор города казался покинутым и осиротелым. Паломники больше не приезжали на автобусах. Горожане сюда не заходили, а самих церковных служителей, по большому счету, разогнали или применили «антивирусные» ре-

прессии.

Прождав некоторое время, пока квадрокоптеры снизят свою активность и в небе образуется нестабильное «окно», я одел свою некогда хлопчато-бумажную маску, натянул капюшон и быстро поднялся по ступеням к собору.

Меня никто не встретил. Даже странным оказалось, что спецслужбы не устроили какую подлость.

Вокруг не происходило, как обычно, движения. Магазины соборного хлеба были закрыты. Церковная лавка тоже. Лишь одна-единственная добросердечная старушка кормила голубей, рассыпая пакеты с пшеном.

Преодолев два десятка метров, я открыл массивную дверь и вошел вовнутрь.

Изначально я не понял куда попал. Чувство такое, что оказался в торговом центре. Церковная утварь: кресты, иконы, подсвечники, сами свечи... исчезли, а на их месте появились... многочисленные терминалы, стоящие в несколько рядов. Между ними расхаживал священник в облачении и с грустью наблюдал за несколькими пришедшими в храм помолиться, людьми. Завидев меня, он долго всматривался, а потом быстрыми шагами направился в мою сторону.

– Данила, не ожидал тебя здесь встретить!

Он по-отечески обнял меня и похлопал по спине.

– Батюшка Лексий, я тоже не ожидал, что все так изменится.

– Вот уже скоро десять годков будет, как происходит по-

добная мерзость. Я чай травяной заварил. Пойдем отведаешь!

– Я бы с радостью, но дело на мне одно висит тяжким грузом. За благословением я пришел, а тут такое. Не по себе мне, как подумаю что делать придется.

– Склони голову!

Сложив руки и опустив голову, я принял благословение и вздохнул полной грудью. Словно наступило облегчение от всего пережитого.

– Про причастие я и не спрашиваю.

– И не надо... пока... – перешел на шепот Лексий, – времена сейчас не те. В храмах нельзя принимать причастия – опасно – и телесно и, что самое главное, духовно. Время есть?

– Пара минут.

– Я объясню, вкратце, что здесь происходит.

Батюшка Лексий являлся мужем моей крестной. В миру у него было немного другое, измененное имя, а в церковном деле его называли именно Лексием.

Мы отошли в сторону, в угол, в тень большой колонны, уходящей под самый купол. Там мужчина остановился, озираясь по сторонам и перейдя на еле уловимый шепот (для обычных людей), заговорил:

– Не один год уже творится такая вакханалия. Изначально на службы приходила полиция с автоматами и нацгвардия. Моих священников повязали в первые месяцы начала

вирусной атаки.

То, что это именно атака, ни у кого не было сомнения и почти все из схваченных об этом утверждали. Им приписали тяжелое заболевание от новой формы вирусной пандемии и направили на принудительную ИВЛ. Ни один не вернулся к своим матушкам. Православная церковь держалась до последнего, но видишь до чего она докатилась. Всю утварь приказано было убрать под страхом смерти, таинства проводить также запрещено. Священников репрессировали и подвергли гонению. Многих убили, выдав версию заражения новым вирусом, чтобы повысить статистику, выгодную «им». В каждом храме поставили десятки терминалов, где каждый отвечал за свою религию. С помощью него можно заказать любой молебен, частоту повторений этого молебна, количество свечей и время их горения, понравившейся иконе ... и все это несколькими кликами на дисплее терминала. Видишь, как низко пало общество!

– М-да, плохи дела. Что, выхода никакого?

– А какой здесь может быть выход? Либо смирение с диктатурой правительства. Либо борьба за души народа и отхождение в мир иной. Другого не дано.

– А если власть поменять?

– Тише ты, – шикнул на меня Лексий, испуганно озираясь по сторонам. – Здесь всюду глаза и уши государства. А найдется ли такой герой, который осмелится это сделать? Тебе ли не знать как охраняют элиту.

– Да, ее охраняют «дай Боже». В общем, сидят они там и плюют на народ – ждут, пока все перемерут.

– Именно. А про смену ты все верно сказал. Думаю, кто сотворит подобное станет народным любимцем.

– Интересная мысль, но я к тебе не за этим, батюшка...

В общем рассказал я Лексию все без вранья. Священник слушал меня молча, не выказывая своего неудовольствия даже при повествовании сцен лишения жизни зарвавшихся блюстителей закона. Значит действительно взяли их за горло, раз они спокойно слушают об убийстве людей.

– Все эти дела очень не хорошие, – после долгих раздумий сказал он, – но видимо без них никак нельзя было. Знаешь что, тебе нужно посетить давно закрытый костел!

– Это еще зачем?

– Под закрытыми замками этого католического здания, глубоко в катакомбах, проходят православные службы. Те немногие священники, которые не согласны с сегодняшним режимом собирают свою оставшуюся паству там. Службы проходят через день. Чередуются с католическими. Их отцов постигла та же беде, но не в таком масштабе. Костел опечатали уже лет восемь. Наши батюшки объединились с их отцами деля общую площадь. Слава Богу правительство и спецслужбы не знают обо всем там происходящим. Тебе туда! Исповедуешься, причастишься, а уж потом и сотворишь все задуманное. Мне искренне жаль твоих детей и жены, но мы с матушкой ничего не могли поделать. В те годы шла ярост-

ная борьба за церковный передел и искоренение религии из человеческого духа.

– Да вы не виноваты. Если кто и готов понести наказание, то только я сам. Как крестная? – наконец задал я интересующий вопрос.

– Матушка? Захворала. Третий день не встает. Врачей не вызывает – увезут в Красный Бор, а уж оттуда назад дороги нет. Вот я молюсь Богу на руинах бывшего величия собора и жду, когда Бог проявит милость и пошлет ей избавление от напасти. Ну все, ступай! Я буду молиться за тебя, а то знаешь, здесь везде все прослушивается и просматривается. Мне нужно делать вид, что я консультирую прихожан по вопросам мировой религии, а не наставлению на путь истинный только лишь православием. Глаз ФСБ всюду. И да, кстати, ко мне уже приходили пару дней назад по поводу тебя. Я ответил, что знать ничего не знаю. Так что будь осторожней!

Кивнув, я попрощался с Лексием и выждав момент отсутствия дронов, быстро покрыл расстояние до машины, сев на пассажирское сиденье.

Чтобы не произошло неприятных ситуаций, Илья выделил мне собственный автомобиль, вкратце сообщив принципы его управления. Оказалось не так уж и сложно. В бортовой компьютер вбивалась информация пункта конечного назначения и электромобиль сам выбирал кратчайшую дорогу. Можно было проложить и сам путь до цели, но это требовалось в крайне редких случаях. В общем такое чудо тех-

ники мне понравилось. Откинулся к спинке кресла и думал о своих делах. Вот только не по карману обычному простолюдину. Да и Илья с Полиной не получили бы такой агрегат не работой они в силовых структурах приближенных к нравственным кругам. Думаю, обычным полицейским такое тоже не светило.

Около двадцати минут потребовалось, чтобы добраться до костела. Перед выходом я некоторое время сидел и прислушивался, но ничего необычного не происходило. Покинув машину, я обошел здание и остановился, как говорится у «черного хода», на двери которого висел большой амбарный замок. *«Может их всех тут переловили уже?»*

Первое впечатление оказалось заблуждением. Висящий замок лишь визуально показывал закрытый проход. Он оказался липой и при более внимательном осмотре легко отодвигался в сторону, открывая доступ к внутренним помещениям костела.

Осторожно войдя и плотно прикрыв за собой дверь, я обнаружил механизм возвращения замка на его законное место изнутри и тем самым установил его обратно вновь, сделав отвод глаз всем любопытным.

Ступени вели вниз и вскоре я оказался в подземном комплексе костела. Не знал, что под этим сооружением обнаружится такое...

Встреченные люди проводили меня удивленным испуганным взглядом. Чужаков явно среди них не было. От мала до

велика. Человек двадцать встретились мне за время блужданий по узким коридорчикам подвального помещения. Спас положение неожиданно появившийся Николай – тот самый батюшка, который встретился мне в подвале «Магнитки», где впоследствии произошло побоище. Одет он был в церковное облачение и шел с накрытым кубком в одной руке и длинной ложечкой в другой.

– Данила! – искренне обрадовался он. – Вот так встреча. А про тебя тут такие слухи ходят... Послушал все-таки моего совета. Правильно сделал. Иж как всколыхнул всех. Ответственность, служители закона, элита... Многим ты как кость в горле!

– Я по делу!

– Ко мне? Вообще-то я сейчас немного занят...

– Вот как раз по этому делу я к вам и пришел...

Батюшка понял меня, как говорится с полу слова. Он как раз направлялся на завершающую часть службы – причастие, но ради меня немного задержал этот процесс, самолично исповедовал меня и только после этого допустил к причастию.

Весь импровизированный храм отца Николая и нескольких других батюшек находился глубоко под землей в одной из обширных комнат катакомб костела. *«Ну прямо как при первых христианах под римским носом»*. Проводить службу ему помогал еще один священник и двое послушников. Мирян, как и довелось увидеть, около двух десятков. В основном старики и старушки, но и несколько молодых лиц увидел

я на богослужении. Особое удивление у меня вызвала тетя Света, скромно стоящая в самом темном углу помещения и теребящая край одетого на голову платка.

Несколько бабушек стояли на клиросе и в пол голоса выводили заученный текст песнопений, изредка поглядывая в ветхие тетради. Если прикрыть глаза и не вспоминать, где находишься, вполне можно ощущать себя не обремененным проблемами вирусной лихорадки и ее симптомами в виде летящего в тартарары мира.

Церковное действие как никогда завораживало своей простотой и искренностью. Оно давало надежду и словно говорило, что придет тот день, когда все встанет на свои места, не придется прятаться по подвалам и вздрагивать от любого шороха, приходящего извне.

Самодельно сделанные Царские Врата и сам алтарь, с десятков икон и горящие свечи – вот и все, чем был богат этот приход. Однако, довольствуясь малым, все получали ту духовную пищу, которая им требовалось.

Я не стал здесь долго задерживаться. После «крови Христовой» и просфорой, я поцеловал святое распятие и взяв у отца Николая благословение, стал выбираться на поверхность. Но уходя, я до самого последнего момента чувствовал на себе пристальный и по-отечески добрый взгляд священника. На душе стало легче и не так тоскливо. Проблемы не казались такими невыполнимыми, а будущее сулило положительный исход рискованного дела.

Автопилот, встроенный в автомобиль нового поколения быстро довез меня по прямой одной из главных дорог города до ресторана «Дикая Орхидея». Очень, кстати, удобно, когда машина принадлежит действующему работнику ФСБ. Ни лишних остановок, ни задержек, ни проверок. Даже нашинкованные на каждом столбу биометрические видеокamеры не реагировали ни на нее, ни на кого бы то ни было внутри сидящего. Поэтому все, слава Богу, обошлось и я вошел на территорию ресторанного комплекса в приподнятом настроении.

Самого управляющего на месте не оказалось, да он мне и не требовался. Охрана проводила меня ухмыляющимся взглядом. Да и черт с ними. Мое пребывание здесь подходило к концу. Я не собирался задерживаться в любезно предоставленном номере гостиницы ни минутой дольше запланированного. *«Спасибо Захару за все. Реально крутой дед. Следует отблагодарить при возможности»*.

Открыв дверной замок, я зашел внутрь и тут не понял происходящего. На диване, напротив чемоданов, с оружием сидел Константин Сергеевич – отец Карины. Тот самый безопасник, фото которого очень долгое время висело на доске почета той организации, в которой я так давно работал.

– Ну здравствуй, сынок! Найти тебя оказалось не так уж и просто. Но ты поднял на уши всех в этом городе. Они только и занимаются тем, что пытаются поймать тебя. У меня свои

методы и как видишь – старая школа научила делать казалось бы невыполнимые вещи.

– Я задержан? – как можно более спокойно спросил я, сядя напротив.

– Нет. Пока нет. Вначале я хотел обменять тебя на свою дочь, но потом раздобыл твое дело и все изменилось. Я считал, что ты простая шпана, неизвестно какими уловками затянувший мою единственную дочь в эту ужасную авантюру, но узнав кто ты, все изменилось...

«Блин, старик явно на что-то намекает. Как я его не услышал при подходе к номеру? Наверное свалившийся груз информации притупил мою бдительность. Очень плохое качество человека, тем более прошедшего военную подготовку».

– Ты и твой брат оказались теми, кто участвовал в одном из самых главных проектов нашей страны за всю ее историю. Уничтожение лидеров мирового правительства – мой личный проект, который я курировал более десятка лет назад. Тогда вы справились на отлично и моя карьера взлетела до небес. Это оказалось весьма кстати перед уходом на пенсию. Но видишь как изменилась страна, да и весь мир на сегодняшний день. Вирус и цифровое рабство – это тот ответ, который незамедлительно последовал, когда элита пришла в себя от такого варварского метода нашей страны решать глобальные проблемы. А теперь я скажу то, что мало кто знает. Мужчина нахмурился, сосредоточенно вглядываясь в ме-

ня и продолжил:

– Наш президент оказался смещен с занимаемой должности возникшим (на скорую руку) новым мировым правительством. Как знаешь поговорку: «свято место пусто не бывает». Так вот, они выдвинули своего марионетку-двойника, который и по сей день сидит в кресле и отдает нужные «им» приказы. Мы с супругой пытались вернуть все на свои места и дорого за это заплатились. Моя жена – Наталья погибла в той операции оставив дочь Карину на мое воспитание. Меня тоже хотели устранить и только помощь многих влиятельных людей помогла замять ситуацию. К чему я все это? Карина – единственный оставшийся в погибающем мире человек, которого я люблю больше жизни и сделаю все, для ее благополучия. У меня к тебе предложение! Ты вытаскиваешь дочь из той переделки, в которую она попала по твоей вине, а я предоставляю убежище, где никто вас не найдет и не потревожит. Как я понял, ты ей симпатизируешь!

– Идет, – не раздумывая ни секунды согласился я, порядком устав от разговора.

– Вот так быстро соглашаешься? – удивился он.

– А что тянуть волынку? Ваша дочь действительно мне симпатична и если бы не этот разговор, я бы уже направлялся к месту ее временного содержания. Значит ничего у вас не выгорело, когда вы приходили к Кириллу Антоновичу по поводу этого дела?

– Как ты узнал? – изумился Константин, более вниматель-

но меня осматривая. – Неужели ты попал под эксперимент лаборатории... Точно! Невероятно! Вот почему ты им нужен живым, а я-то, старик, не понял изначально. Ты же единственный выживший после контакта с той жидкостью, что они вывели в подпольных цехах своего бункера. Потрясающе...

– Так, хватит умиляться моей живучестью, – оборвал я его. – Хорошо работают ваши разведчики, хотя вы и на пенсии. Если же есть серьезные намерения помочь мне – излагайте!

– Да-да, конечно... но все равно, это кажется фантастикой и каков результат?

– Константин Сергеевич, давайте решим дело, а уж потом я обо всем вам расскажу.

– Все, закрыли тему.

Мужчина встал и заходил по комнате, словно собираясь с мыслями.

– Еще раз повторяюсь, что вы предлагаете?

– Когда тебе удастся освободить Карину, а я в этом не сомневаюсь, вам будут забронированы места до Сочи – моей родины, где я родился и вырос. Там, в горах, по соседству с цивилизацией есть небольшой домик – наше родовое гнездо, можно так сказать. Доберетесь туда – будете под надежной защитой. Никто вас не тронет! Об этом уже позабочусь я. Документы на вымышленные имена будут готовы через два дня не считая этого. На железно-дорожный вокзал их вам прине-

сет курьер в красном. Электричка отходит ровно в полночь от третьей платформы. Не перепутай!

Он протянул мне руку и я пожал ее в ответ, в знак понимания и согласия со всем сказанным. Константин кивнул и без дальнейших разговоров направился к выходу.

– Стойте! – задержал я его у самой двери, вспомнив кое-что нужное.

Открыв шкаф с вещами, я достал из одежды банковскую карту, которую сохранила для меня Карина и протянул ее мужчине.

– Вот. Здесь хватит на все ваши расходы.

– Она принадлежит моей дочери? – изумился он.

– Нет. Просто ваша дочь сохранила ее содержимое для меня, пока я был вне зоны досягаемости.

– Хорошо. Это ускорит процесс. Запомни, через два дня! Иначе наше предприятие развалится.

Он ушел, прикрыв за собой дверь, а я еще долго слышал его удаляющиеся шаги по коридору и дальше к машине.

Сев обратно на диванчик, я задумался, а правильно ли я поступил, доверившись этому человеку? Со всех позиций выходило, что правильно. Он принадлежал к старой школе воспитания и произнесенные слова становились делом чести. Таких людей мало осталось в современном мире, но они все же попадаются. Так случилось и в моей ситуации. *«Майор Пронин, конечно же, хорош, вне всякого сомнения, но у него свои цели моей вербовки. К тому же ничего подобного он не*

предполагал. Здесь же помощь на лицо. Нежданный гость заинтересован в благополучном исходе операции. А уж его связи, думаю, завершат исход этого дела в положительную сторону».

Какой-то особенной подготовки, для очередного посещения базы ФСБ не последовало. Я рассчитывал на свои новые возможности и прикидывал за сколько смогу завершить начатое.

Разложив оружие, гранаты и несколько мин, я с особой тщательностью протер мачете и только когда перепроверил все несколько раз, принял душ и лег на пару часов вздремнуть перед боем.

Снилась Карина, ее лукаво-улыбающийся взгляд, повзрослевшие дочери, которых я должен разыскать за сорок восемь часов, Леонид, Федор, Илья и Полина. В общем, все до кучи. Но сновидения были больше позитивные, нежели негативные.

Проснулся по будильнику, быстро оделся, разложил все по своим местам и вышел к машине, попутно кинув охранникам ключ от номера, предполагая невозвращение сюда больше. Вбив в компьютер навигации предполагаемый маршрут и развернувшись на перекрестке в противоположную сторону, я чертыхнулся и остановился.

Из автомобиля впереди вальяжно вышел Алексей – супервайзер «Магнитки», где я когда-то работал. Не спеша он направился ко входу в магазин, пренебрежительным взгля-

дом осматривая проезжавших мимо андроидов и немногочисленных людей в такое это время суток.

Дождавшись, пока он войдет внутрь, я вышел из автомобиля и последовал за ним. Он нашелся стоящим у кассы, спиной к выходу. Беседуя о чем-то с новым директором, постаревший мужчина не заметил моего появления, а когда обернулся, было уже поздно.

Мой кулак праведного гнева опустился точно ему в подбородок, о чем свидетельствовал явственный хруст. Алексей, не ожидавший такого поворота событий не был к нему готов, поэтому не удержал равновесие и завалился на пол.

Немногочисленные покупатели замерли с широко раскрытыми глазами. Несколько андроидов, производящих покупки для самоизолированных граждан также остановили свое движение. Директор – немолодая женщина, с открытым ртом остолбенела и не моргающим взглядом смотрела на мою фигуру.

Я прекрасно понимал, что напичканные повсюду видеокамеры фиксируют мои необоснованные действия шизофреника (как могло показаться посторонним людям), но мне на это было чихать. Совершив то, на что давно чесались руки, я чувствовал себя удовлетворенно и ни грамма не сожалел о содеянном. Подойдя к лежащему на полу человеку и приподняв его за куртку, я заглянул в испуганные, смотрящие в одну точку, глаза и произнес:

– Это за то, что сдал Карину, мразь! Будешь дергаться –

зубов не досчитаешься! Это тебе гарантирую!

Достав мачете, я провел им по его щеке, оставив неглубокий порез и под «охи» ужаса запоздавших с покупками людей, навсегда распрощался со своей бывшей работой.

Сев в автомобиль, мне пришлось повторить комбинацию кнопок по проложению маршрута и только после того, как улица стала проноситься со скоростью, заложенной в программе машины, я откинулся к спинке сиденья и глубоко вздохнул. Конечно, не следовало поддаваться чувствам и совершать подобных действий, но назад, как известно, ничего не изменишь. Но даже случись такое, что можно было вернуть все в изначальную точку, я поступил бы подобным образом. Оставлять безнаказанным поступок Алексея – находилось выше моих принципов. Сдать свою же сотрудницу на зверские пытки... подобным фашисты только промышляли, но тогда война шла. Сейчас же мирное (относительно) время и оставлять такое – значит уподобляться захватчикам сорок первого года.

Автомобиль остановился в полукилометре от базы федералов. Проложив обратный маршрут и включив автопилот, я отправил его (словно коня из детской сказки) обратно во свояси – выбираться с Кариной будем иным маршрутом.

Дождался темноты. Ночное небо заполнила громадная красная луна. Уж не знаю, каким образом она смогла это сделать, но выглядело подобное явление устрашающе. Никогда не видел ничего подобного. Ее идеально круглый диск

возвышался над городом, словно всевидящее око, обратившее свой взор на жителей, выискивая одного-единственного, бросившего вызов «Системе». Я никогда не был суеверным, но видя такое всерьез задумываешься о потустороннем мире, пристально следящим за тобой.

Остановился я только тогда, когда до обнесенной бетонным забором с колючей проволокой, базы, оставалось не больше сотни метров. Последние низкорослые кусты заставили меня распластаться на траве и прислушаться. Очень хорошо прислушаться, чтобы не наделать глупостей, а заодно и проверить свои новые, свалившиеся на голову, возможности, от которых следовало не то радоваться, не то плакать.

Легкий ветер колыхал траву вокруг территории федералов. Насекомые копошились в своих земляных укрытиях. Одинокая птица пересекала лес, подлетая ближе. В гнездах на деревьях кто-то копошился – скорее всего детеныши. Лес шелестел листвой, словно переговариваясь друг с другом. Где-то уж совсем далеко пробежал испуганный заяц (биение его взволнованного сердца говорило об этом). За ним по пятам кралась лиса, поминутно останавливаясь и прислушиваясь.

«Нет, все те то! Слишком удалился от цели. Как сузить радиус поиска? Возможно, стоит представить это строение или внутренние помещения, или... Блин, во что я превратился?»

Поймать нужную волну никак не получалось. То-ли мозг

еще плохо соображал и ему требовалось настроиться, то ли посторонние шумы мешали, забивая голову всякой тарабарщиной... Более-менее картина прояснилась спустя полчаса напряженной работы над собой, когда на небе проявилась из-за туч красная луна. Отчего ее диск выглядел так, а не иначе оставалось загадкой. Она словно чувствовала мое настроение и присоединялась к решимости покончить с делом раз и навсегда, восстановив справедливость и расставив все по местам.

У федералов стояла небывалая гнетущая тишина. Обычно там всегда присутствовало как минимум сотня человек, но сейчас можно было расслышать не более десятка. «*Что там происходит?*» Обман ли это слуха или же какие-то иные факторы вставшие на моем пути – я не знал. Слух утверждал одно – в громадном подземном комплексе бьется лишь восемь сердец. Разум противился этому, говорил о невозможности всего происходящего и трезво оценивал ситуацию – до цели не пробраться, вновь арест, пытки, а может что и похуже!

«Интересно девки пляшут!»

Услышав ослабленно бьющееся сердце, я приблизительно понял, где находится тот человек, кому оно принадлежало. «*Карина!*» – пронеслось у меня в голове, но тут же пропало, под странностью происходящего. Семь из восьми явственно слышимых биений находились в критическом состоянии, балансируя на грани жизни и смерти. Только одно стучало чет-

ко и ясно, свидетельствуя о стопроцентном здоровье и небывалой силе. *«Явно какой-нибудь элитный оперативник, обкаченный стероидами и протеинами для охраны, скорее всего, Кирилл Антоновича. Да что там вообще за хрень происходит?»*

Не выдержав, я, пригнувшись, побежал к двери, за которой должен был находиться пункт охраны.

Луна своим кровавым глазом смотрела на меня, словно утопающая в крови планета. Будто пророк, предсказывая сколько жизней оборвется в эту ночь.

Тишина стояла абсолютная, если судить по меркам обычного человека. Даже проезжающих в отдалении машин и патрулирующих местность квадрокоптеров не было видно. Свой автомобиль, на котором я сюда добрался, пришлось на автопилоте отправить восвояси. Он сослужил мне службу, но дальнейшее его использование не имело никакого смысла – требовалось нечто более существенное...

«Господи, помилуй меня грешного!» – мысленно воззвал я к Спасителю и, рванув на себя дверь, кувыркком ушел вперед, оказавшись в помещении охраны с пистолетом в рук.

– Хрена се девки пляшут! – присвистнул я, оглядывая комнату и поднимаясь с заляпанного кровью пола.

То, где я оказался, больше напоминало мясницкий отдел гипермаркета «Магнитка», где довелось проработать несколько дней. Там также разделявали туши зверушек, привезенных огромной фурой с мясоперерабатывающей

фабрики. С одной лишь разницей – там их рубили на куски и заворачивали в полиэтилен. А здесь – нет.

Четверо охранников (удвоили все-таки после недавнего инцидента) лежали в комнате в неестественно изогнутых позах: трое на полу, один – за пультами управления мониторов. Такое чувство, что их рубили мясницким топором. *«так значит не подвел меня слух, а я-то гадал: «что такое»!* Изрезанные, располосованные вдоль и поперек, они, грудой мяса валялись в собственной крови, разлившейся почти по всему полу маленькой комнатушки. Я даже не стал проходить вперед и узнавать что да как – и так видно, что ничего хорошо.

«Мать честная, да за что же их так?» Поднявшись с пола, но все еще держа оружие наготове, я осмотрелся. Кровавые следы вели дальше по коридору: непосредственно к лифту, к сердцу самой базы и на уличную территорию.

Там творилась такая же картина. На взлетной площадке стоял федеральный вертолет с заглушенным двигателем, а около него – дюжина оперативников с оружием в всех мастей в руках: от обычного личного пистолета, до автомата и даже бортового пулемета стальной птицы. Картина явно соответствовала зависшей в неподвижности луне и говорила об обреченности этого места.

«Любопытно!» Прислонившись к стене и закрыв глаза, я вновь прислушался. На этот раз более внимательно, в свете произошедших событий. Уже семь разных по структуре зву-

ковых колебаний сердец. Одно хорошее, остальные на грани даже моего слуха. *«Уж не оставишься ли это в живых?»*

Спуск вглубь оперативного штаба и дальнейшее его исследование подтвердили мои опасения – кругом творился хаос и разорение. Чувство такое, словно попал на поле бородинского сражения. Меня окружали трупы... много трупов... настолько много, что я потерял их счет, сбившись где-то на шестом десятке. В каждой комнате, по всем коридорам и помещениям...

Неизвестные, проникшие на базу, как раз попали на пересменку: ночная смена менялась с дневной или наоборот. Присутствовали, как я понимал, абсолютно все. Зачем потребовалось уничтожить такое количество народа – являлось загадкой. Разбросанные вещи, изломанная мебель, перевернутые ящики, комоды, кровати, столы и прочее. Люди прятались везде куда могли – даже в шкафах и личных кабинках и одеждой я нашел немало жмуриков.

Пока проходил бесполезный осмотр и так понятной ситуации, звуковая волна доносила до меня лишь четыре разных биений сердца. Стараясь не тратить драгоценное время, уходящее безвозвратно, я направился к ближайшему звуку, исходящему из дальней комнаты на этом этаже. По фотографической памяти, я вспомнил, что она являлась смежной с кабинетом Кирилла Антоновича.

Обходя лужи крови и стараясь не наступать на расprostертых оперативников, я быстро добрался до нужного ме-

ста и готовый ко всему, резко отворил дверь.

Директор службы безопасности лежал на полу, уткнувшись лицом в разбросанные по всей комнате бумаги и папки с файлами. Расползшаяся вокруг него лужа бурой жидкости, говорила о незавидном его положении. Щупать пульс даже не требовалось – все слышалось и так. Жить ему оставалось не более десятка минут.

Перевернув его и осторожно усадив спиной к перевернутому столу, я похлопал его по щекам, приводя мужчину в кратковременное чувство и присев напротив, снял с лица маску для большей узнаваемости.

– Кирилл Антонович! Генерал! Да просыпайтесь уже! Вам осталось не так много времени!

– Знаю, – тихо практически на грани человеческого слуха, произнес он после продолжительной паузы.

– Где мои дочери?

Мне так часто приходилось прокручивать в голове эту фразу, но я и подумать не мог, что она будет произнесена в подобных условиях. Часто виделось избиение бывшего начальника, допрос с пристрастиями, но вот чтобы все происходило именно так – никогда!

Кирилл захрипел, закашлялся... Левый бок его военной одеждой был разорван чем-то острым и большим. Остатки жизни вытекали из его пока еще дышащего тела. Он пытался сказать что-то важное. Это угадывалось по его расширенным глазам и попыткам исторгнуть из себя воздух, которого

оставалось все меньше и меньше. Его рот открывался и так же в безмолвии закрывался.

– Ну же, Кирилл, соверши в жизни хоть что-то хорошее!

Медленно, но верно я впадал в отчаяние. Что будет, если он не успеет все сказать? Не сможет! На сколько вдохов хватит его организма?

– Красный Бор... детский распределитель... Они пока там... до завтра...

Тело дернулось, голова медленно склонилась к груди и жизнь навсегда покинула это тело.

Было ли мне его жаль? Нет. Без всяких сомнений – нет. Но уважение к покойному я все же проявил: аккуратно опустил его тело на пол, закрыл ладонью остекленевшие глаза и произнес единственную известную мне молитву – «Отче Наш». Потом встал и не оборачиваясь вышел из комнаты.

Что ж, можно сказать, дело сделано и следовало возвращаться обратно. Следовало оставить все как есть и навестить дядю Сашу, перекантоваться до рассвета и отправиться за дочерьми. Однако существовал за мной должок и не малый – Карина. Обещал я ее отцу, что верну его дочь в целостности и сохранности.

«Подкорректируем планы: хватаем в охапку девчонку, отводим в безопасное место. Моем, переодеваем, кормим, поим, лечим... Я мотаюсь в Красный Бор за детьми, отправляемся на родину предков Карины – в сочинские горы. Что ж, беготня предстоит отменная. Главное успеть во-

время. Будем молиться Богу, чтобы все прошло успешно. Иначе другого шанса уйти в тень не представится. Надоело уже от силовиков улепетывать».

Я слышал нарастающий шум биения сердца, но никак не мог до него добраться. То двери, ведущие в следующие комнаты оказывались запертыми, то упирался в глухую стену, то сам звук уходил в другое место (не научился еще полноценно использовать свою возможность).

Очередное помещение оказалось местным моргом. Человек на сто, если верно определил взглядом, хотя могло быть немногим больше. Я проходил мимо них даже не вглядываясь в лица. Зачем? Все они были однозначно мертвы, а рассматривать жмуриков совершенно не хотелось. Накрытые белой простыней по самое горло, они не вызывали у меня никакого интереса.

Я проходил и проходил мимо их рядов, продолжая прислушиваться к биению сердца, как вдруг, взгляд вырвал из общей массы знакомое лицо. Остановившись, я поискал замеченного ранее и наткнулся на нужное в десятке метрах от меня. Да, без всякого сомнения это был он – несостоявшийся хозяин нашей с Мариной квартиры. *«Интересно девки пляшут! Сергей! Значит вот они как с тобой поступили. Что ж, будем знать. Свое ты получил с полна. Хорошо, что руки тогда не замарал твоей кровью. Видишь, как оно все вышло. Значит, правда восторжествовала!»* Обойдя тело мужчины, я посмотрел по сторонам, вырвав еще несколько обра-

зов, виденных ранее и пошел по своему направлению дальше. *«Думаю здесь не мало тех, с кем мне довелось столкнуться по тем или иным причинам, начиная с момента выхода на свободу и заканчивая этими днями. Со мной опасно становится иметь дело. Пора заканчивать со всем этим сбродом. Где тут у нас живой человек?»*

Пройдя помещение насквозь и выйдя через другую дверь в коридор, я прошел по нему до упора и убедившись, что живой именно там – открыл дверь.

Полутемный серый коридор сменился ярким светом подобии лаборатории в крупных научно-исследовательских институтах (доводилось побывать и там по долгу службы, когда работал еще на федералов.

Мягкий теплый свет лился из потолка из многочисленных светодиодных ламп. Его с лихвой хватило бы не на такую крохотную комнату, где-то четыре на четыре метра, а на целый спортивный зал. В развороченной мебели, под столом с перевернутыми химическими веществами, облитого с ног до головы какой-то плохо пахнувшей жидкостью (даже мой нос учуял подобное) я обнаружил пожилого мужчину, с седыми как мел волосами и такой же бородой. *«Либо старик не следил за собой, либо имелись другие веские причины находиться в таком неряшливом состоянии»*. Спутанные в клубок, слипшиеся словно от масла, они вызывали отвращение. Да и сам человек больше походил на бомжа, чем на ученого.

Долго не раздумывая, я приподнял и отодвинул в сторону

придавивший его стол, смахнул с тела пробирки, баночки и колбы, и перевернул его на спину...

– Клеменков Игорь Васильевич... младший научный сотрудник... – прочитал я его нашивку на халате.

«Ничего себе! Младший! Если он младший, то старшему тогда сколько лет?»

– Эй, отец, – похлопал я его по щекам, – ты живой? Идти сможешь?

В том, что он выживет, я не сомневался. Сердце, хотя и приглушенно, но работало четко. Страх – да. Ужас – тоже есть немного. Даже паника и обреченность, можно сказать. Но во всем остальном этот человек был здоров и мог составить конкуренцию любому среднестатистическому дедушке.

– Отец, ты меня слышишь? – вновь спросил я, приподнимая его за голову.

Мужчина глубоко прерывисто вздохнул и часто-часто задышал, словно от вспомнившегося потрясения. Затем открыл глаза и затравленно осмотрелся по сторонам.

– Он ушел? – тихо спросил он, словно боясь своего собственного голоса.

– Ушел. Про кого вы говорите? Кто он? Здесь, кроме нас никого нет.

Игорь Васильевич встал с моей помощью на ноги и подойдя к двери, осторожно выглянул в коридор. Затем вернулся и лихорадочно стал собирать разбросанные бумаги в наплечную сумку, утрамбовывая их как попало. Руки дрожали, на

лице выступила испарина, а он все продолжал свое бормотание:

– Это не человек... да-да, именно не человек! Кто-то еще... похожий на нас, но не такой... иной... словно одержимый...

– Эй, дедушка, – не выдержал я, теряя терпение, – расскажите подробнее, кто здесь был и что сделал!

Мой голос вывел старичка из потерянности и вернул текущее положение дел. Он словно прозрел. Остановившись, посмотрел на меня, затем еще раз обвел глазами комнату и спросил:

– А вы, собственно, кто будете?

– Очнулись? Ну вот и ладушки! Я тут по делу заскочил к Кириллу Антоновичу, а у вас такое интересное происходит... Кто так поработал?

– К директору приходили? – с подозрением оглядел меня ученый. – И как, здравствует? Думаю, не очень. Не жилец он!

– Вот как? Интересно. Откуда такое умозаключение?

Игорь Васильевич продолжил спешный сбор своих документов уже не обращая внимание на мое присутствие.

– Псих этот... с мечом, нет... с ножом, что ко мне приходил... говорил, что покончит с Кириллом раз и навсегда, – на секунду задумавшись, произнес мужчина.

– Что за псих? опиши!

– Да высокий такой дуболом с тесаком в руках. Не из наших. Этих-то я знаю. А силище сколько... и как его земля

только держит?

– Не из ваших, значит, детина?

– Точно нет.

В голове стал складываться образ напавшего, но слишком фантастическим и невероятным получался будущий противник. Хотя, в свете последних событий... получается... *«Интересно девки пляшут!»* Выходило, что мой знакомый (если это действительно он, а не разыгравшаяся фантазия ученого) получил нечто большее, чем я сам. Интересно. Проверим.

– Так, теперь слушай внимательно мой приказ! Даю минуту на сборы и уходим с этого кладбища. Если хочешь выжить – держись меня! Сейчас заберем одну девчонку и на выход! Приказ понят?

– А что это ты здесь раскомандывался?

Специально применив против этого человека, я рассчитывал на его безоговорочное подчинение, но стоящий передо мной человек еще колебался. Всегда знал – чтобы вырвать кого из такой сложившейся ситуации, следовало включить диктаторские ноты в голосе по полной. Вот и пришлось испытать пройденное ранее на практике.

– У тебя есть звание старшего лейтенанта?

– Нет, – сконфуженно произнес тот.

– Вот то-то и оно. На правах старшего по званию, я приказываю завязывать со сбором макулатуры и следовать за мной к выходу. В противном случае ты остаешься здесь ждать прихода этого твоего «психа с тесаком»! как такой расклад?

Пожав плечами, Игорь Васильевич опустил голову и смирился.

– Я с вами.

Вот ведь как получается. Стоит включить в голосе металлические нотки, задавить своей диктатурой и дело сделано. Все готовы плясать под твою дудку и выполнять любые приказы.

Чтобы окончательно не смущать сотрудника лаборатории, я вышел в коридор и стал ждать.

Мертвые лежали везде. Где-то больше, где-то меньше... здесь меньше. *«Что это за тип такой, уложивший две сотни обученных оперативников? Явно не обошлось без участия ученых. Они как затычки в бочках – вначале изобретут что-то, а потом сами в ужасе разбегаются от содеянного».*

Выйдя с туго набитой наплечной сумкой, Игорь Васильевич кивнул и озираясь, пошел за мной.

Мы пробирались быстро. Намного быстрее, чем когда я впервые здесь оказался. Сопровождаемый помогал мне, подсказывая маршрут движения. Не удивительно, что перед нужной дверью мы оказались через четверть часа.

Проходя мимо распластанных во всевозможных позах людей, я вновь сбился со счета их количества на двадцатом десятке. Окровавленные, с распоротыми внутренностями... для ученого развернувшаяся картина оказалась фатальной. Его выворачивало наизнанку на каждом углу. Уж не знаю что он там ел и в каком количестве, но наружу выходило все

изрядно.

Удивительное дело. Изрубленные тела не вызывали во мне никакого интереса. Совсем другое дело представляли те, кто оказался насмерть придавлен шкафом, многокилограммовым ящиком, столом или обыкновенной тумбой. Чтобы поднять подобное потребовалось бы от двух до четырех человек. Здесь же, по утверждению Игоря Васильевича орудовал одиночка, что явно не укладывалось в простое понимание физики и математики... Одному человеку ни при каком раскладе не удастся сдвинуть с места к примеру ящик, доверху набитый использованными гильзами из полигона. Существовала явно какая-то мистификация, но вот какая? Первое пришедшее на ум предположение выглядело явным абсурдом, но глядя на меня и возникшие вокруг ниоткуда таланты, это не казалось таким неправдоподобным.

На несколько сот метров, помимо нашего присутствия существовало еще три человека. Одним из них была Карина. Ее жизнь угасала. Свидетельствовало тому редкое биение сердца и такое же дыхание. *«Надо же, уже дыхание начал улавливать. Все интереснее и интереснее девки пляшут!»* Второй звук, естественно, принадлежал тому неизвестному, который устроил здесь настоящее кладбище, искоренив само понятие «жизнь» из этих мест. В нем чувствовалось здоровье, невероятная сила и стремление к убийству.

Без дальнейших колебаний, под одобрительный кивок ученого, я распахнул дверь и мы зашли вовнутрь помеще-

ния. Это оказался гигантских размеров зал, около сотни квадратных метров. К его середине вели четыре узких мостика от каждой стены комнаты, через все те же самые злополучные бочки с неизвестной жидкостью.

– Да сколько же их тут будет? – вырвалось у меня.

– Много. Намного больше, чем вы предполагаете, – прошептал мужчина, прекрасно понимая о чем я имею ввиду. – Местные химики-биологи нашли способ изменять ДНК человека, посредством серьезного вмешательства в организм подопытного. Жаль, что гомо сапиенс оказался настолько слаб, что не мог выдержать испытаний. Не выжил ни один! Видите ли, чтобы изменения вступили в силу, человек должен предварительно... умереть! А уж сама жидкость, заполнившая все его существование, настроена на то, чтобы вернуть того счастливчика к жизни. Но где же взять этого четверти процента удачного опыта? Здесь даже морг есть, где находятся все те, кто не пережил научного вмешательства. Как вы думаете, откуда такая статистика по смертности от якобы бушующего вируса? Ответ на лицо! Здесь около тысячи коек для жмуриков. Крематорий не успевал справляться со всеми.

Я не стал обходить по периметру все помещение. Двухметровый металлический мост огибал все пространство у стен. На нем стояли столы с компьютерами и развороченные ящики с неясным для меня содержимом.

Последние слова сопровождающего я уже не слушал. Впе-

реди, в центре зала, на подвесной, на массивных металлических цепях, площадке, стоял один из множества подобных столов, к которому была привязана... Карина! Увидеть и узнать ее я мог не обладая ни каким слухом. Ее изможденное, опухшее лицо... *«Интересно девки пляшут. Неужели вместе со слухом улучшилось еще и зрение?»* Сорвавшись с места и оставив изумленного Игоря Васильевича, я побежал к девушке, совершенно позабыв о присутствии еще одного человека в этом месте.

– А вот и наш «особенный» появился. Кажется так тебя прозвали на зоне? Что же ты никак не сдохнешь? Ума не приложу, зачем некие высшие силы постоянно даруют тебе чудесное избавление от всех бед и невзгод?

Остановившись в тройке метрах от основной площадке, на едва покачивающемся мосту, я, до боли сжав кулаки, наблюдал, как живой и невредимый Андрей, поднимается с невысокого куба, заменяющего ему табурет, вальяжно подходит к девушке и берет со стола скальпель (только тут я заметил полный набор хирургического инструмента для проведения манипуляцией с человеческим телом).

Если сказать по внешнему виду капитана тюремной охраны, что он окреп – не сказать ничего. Такого борова я в жизни не видел: без того высокий рост стал еще больше, гипертрофированные мышцы на руках приводили в изумление, да и вся фигура внушала не то что страх, а ужас и панику. Теперь ясно, что случилось с моими бывшими надзирателя-

ми после, подобного мне, падения в бадью с химикатами. *«Значит вот куда занесло этого качка необученного. О сломанной челюсти вспомнил? Реваниша захотел? Своей силы не хватило – чужую заимствовал? Проучим еще раз!»*

– Что встал как вкопанный? – оскалился он. – Видишь, даже твою девчонку не тронул. Пока. Все тебя ждал. Гадал, когда же ты за ней придешь. Что-то совсем не торопился. Не нужна? А она все глаза проревела, спаситель!

Он оскалился в улыбке, отложил скальпель и взял нож.

– Кого это ты там еще привел? – присмотрелся он. – А, ученишка! Остался же все-таки живой на этом погосте. Думаешь он поможет тебе спасти эту сучку? Никого... слышишь, никого я не оставлю в живых! Оказывается, антигероем так хорошо себя чувствовать. Сам-то что думаешь? Пол города положил и хоть бы что!

Осматриваясь, я не нашел ничего, что могло бы пригодиться в предстоящей схватке. То, что она последует, не вызывало никаких сомнений. Несколько столов, ящики, хирургический инвентарь, компьютеры, оргтехника, сама платформа, висящая на огромных цепях, приколоченных к потолку... Круглая труба над всем этим центральным сооружением шла высоко вверх и заканчивалась стеклянными окнами, через которые было видно ночное небо и звезды, мигающие своим светом, словно указывающие путь, маяки.

– Как думаешь, – не заметил моего оценивающего взгляда Андрей, – что будет, если отрезать от твоей девчонки ка-

кую-нибудь ненужную часть? А?

Отвечать я ничего не стал. Выхватил два пистолета и разрядил обоймы в того, кто стал повинен в смерти такого количества народа. Не было никакого сомнения, что это был именно он.

Андрей, сгруппировавшись, присел, отвернувшись от меня спиной, подставив ее под пули. Странное дело, но ни криков, ни стонов, ни каких других звуков не последовало. Пули, словно пластилиновые, сминались о его майку десантника и опадали на металлический пол с характерным для этого звуком.

«Интересно девки пляшут. Что за терминатор?»

Капитан встал, распрямив плечи и широко улыбаясь, повернулся ко мне.

– Что, не ожидал такого? Вот и я тоже, когда меня из той бадьи вылавливали. А потом вдруг раз и я понял, что уже не тот человек, что был раньше. Если честно, мне осточертела тюрьма, заключенные, вся та жизнь, что протекла мимо меня. Но самое главное – это ты!

– Я?

– Да. После того, как ты прилюдно унизил меня, сломав челюсть, «особенный», я поклялся, что во что бы то ни было расквитаюсь с тобой и вот подвернулся замечательный случай. Да еще и какой! Твоя смазливая девчонка еле дышит, как сам видишь, но мне это не помешает еще поиздеваться над ней некоторое время. Тебя не стану убивать сразу. Гово-

рят, за донорские органы заказчики платят немалые деньги. Уверен, у нее со здоровьем проблем нет, так что сорву немалый куш. А ты на все это посмотришь. Как такой расклад?

– Думаю, дороги наши здесь расходятся. Да и не по зубам тебе столь лакомый кусочек. Вот только не пойму, зачем остальных две сотни пустил в расход? Пытался испытать всю безграничную силу?

Сбросив пустые пистолеты с моста вниз, я медленно извлек хорошо припрятанные мачете и посмотрел на Карину.

– Прошу тебя! Сорвался с ее губ еле слышный шепот.

«Потерпи, милая! Осталось совсем чуть-чуть!»

Одев маску, я скинул куртку и отбросил ее сторону, оставшись в одежде, найденной на базе майора Пронина.

– Да, слышал, ты увлекаешься холодным оружием, – вновь начал Андрей, – так вот я тоже раздобыл парочку подобных экземпляров. Знаешь ли, не люблю уступать противнику.

Он отложил нож и взял со стола свое оружие. Это оказались великолепно изготовленные парные мачете. Не грубая грязная подделка продающаяся едва ли не в каждом магазине, а действительно работа настоящего мастера-кузнеца, знающего свое дело. По сравнению с ними, мои, местами проржавевшие, непропорционально отлитые с заплесневевшими деревянными ручками, выглядели достаточно убого и жалко.

– Что ж, «особенный», здесь мы решим затянувшийся конфликт. Иди сюда и сумей забрать свою женушку обратно!

Отбросив все страхи и сомнения я рванул с места и влетел на площадку с цепями. Наши ножи столкнулись, зазвенев сталью. Я слышал, как заскрипело мое оружие, но ничего не мог поделать – слишком уж старым оно оказалось.

Андрей наносил удары с чудовищной силой, желая не то перерубить мачете, не то выбить из моих рук. Стоило прикладывать все усилия, чтобы заблокировать его выпады, но я чувствовал, что мне не выдержать долго такого напора.

Сила противника поражала. Он словно был создан из нее. Его удары не раз заставляли опускаться меня на колени.

Карина находилась ровно посередине площадки, но пока добраться до нее не представляло возможности – слишком уж непреступным казался ее охранник. Взгляд ее потухших глаз не говорил ни о чем хорошим и следовало поспешить вдвойне, чтобы не потерять ее навсегда.

Удар за ударом, взламывал Андрей мою защиту. Его замахи опускались на мои мачете словно кузнецкий молот на наковальню. Он захватывал лидерство первозданной силой. Не сумев отыгаться до сего момента, мужчина наверстывал упущенное и преуспел в этом.

Выбив один нож из моей руки, он оскалился в улыбке и пошел в яростную атаку, намереваясь одним напором сокрушить меня.

И тут я почувствовал... вернее правильно будет сказать – услышал берущую начало его мощь. До этого я не мог сконцентрироваться и понадеяться на слух. Только в спокойном,

безмятежном состоянии удавалось уловить колебания, исходящие от нужных объектов и вот теперь слух открыл новые горизонты.

Напряжение мышц капитана слышалось отчетливым горном, исходящим из его тела. Новые мощные удары посыпались на мое полупригодное, для ведения подобных боев, оружие. Мой противник в каждый замах вкладывал столько сил, что мог с легкостью перерубать деревья и дробить камни. Он стал оттеснять меня к краю площадки и я предположил, чем это могло закончиться.

Сталь жалобно скрипела и я молил Бога, чтобы она не рассыпалась преждевременно. Андрей явно вознамерился покончить со мной в ближайшие минуты. С той скоростью, с какой порхали его мачете, ему бы позавидовал любой фехтовальщик. Он решил взять меня измором. Я пятился до тех пор, пока не наткнулся спиной на невысокое ограждение, до человеческого пояса, окружающее периметр площадки.

Пригнувшись от сдвоенного рубящего удара, я перекатился кувыркком в сторону и быстро поднялся на ноги. Мачете Андрея разрезали пустой воздух и наткнулись на массивную цепь, удерживающую платформу. словно масло, она пропустила сквозь себя ножи, разъединившись надвое. Раздался скрип. Пол под ногами пришел в движение и качнулся.

Развернувшись, Андрей в гневе набросился с новой силой, стараясь разить наверняка.

Я слышал каждое начало взмаха, каждое зарождение уда-

ра. Чем больше он прилагал усилий, тем громче отзывались его мышцы и связки. Он продолжал молотить по моему мачете своим, совершенно не догадываясь о происходящих внутри меня изменениях. Я стал все более уверенно уходить из-под его ударов и словно предугадывая движения, уворачиваться и избегать столкновений. Поиски слабого места противника выводили его из себя. Он стал нервничать, злиться, теряться в комбинации ударов. Замахи стали все более продолжительными, а их частота снизилась.

Удар по ботинкам достиг цели и отшвырнул меня на тройку метров в сторону. Платформа качнулась и закрипела. Быстро встав, я сам перешел в атаку. Раз, два, три... мой старенький мачете забарабанил по его, не давая хорошо завести руку для удара. Вертясь вокруг него словно собака с тапкам, я жалил, оставляя порезы, но не имея возможности нанести одного-единственного замаха. Постепенно первожданная сила стала брать свое. Меня вновь оттесняли в сторону, к краю платформы и сейчас явственно угадывалось намерение противника сбросить мое тело вниз.

Свист рассекаемого оружием воздуха заложил плохо тренированные уши и заставил сморщиться. Воспользовавшись столь неожиданной передышкой, Андрей усилил напор, едва не выбив мое последнее оружие. Взяв себя в руки, я сумел уклониться и войдя в ближний бой, оказался за спиной у противника. словно ожидая такой поворот событий, он совершил круговое движение мачете и вновь попытался осы-

пать меня градом ударов. На сей раз я встретил их хладнокровием и точным расчетом.

Избегая ближнего боя, в котором у капитана, естественно, было преимущество, я держал его на расстоянии, готовый тем не менее в любую секунду сократить дистанцию. Идеально выверив движение, я полоснул снизу вверх по пальцам правой руки и сумел выбить одно оружие у замешкавшегося противника. Взревев, он в секунду сократил дистанцию и очередным ударом ботинка в живот отшвырнул меня далеко в сторону.

Взявшись за ножку стола, на котором стояла оргтехника, он поднял его вместе со всем содержимым и швырнул в мою сторону. Кевларовая броня, спасавшая меня от многочисленных порезов, помогла и на этот раз. Боли не чувствовалось. Лишь ушибленный висок говорил о неудачном стечении обстоятельств. Следующим предметом в меня полетел ящик с каким-то сыпучим веществом. Уходя кувырком от этого предмета, я оказался рядом со столом, где лежала Карина. Ее сердце, хотя и приглушенно, я слышал отчетливо, однако не удержался и по-привычке пощупал пальцами пульс на шее.

Андрей, увидев меня рядом с девушкой в один прыжок оказался рядом, парировал мой замах и сам свободной рукой совершил удар такой чудовищной силы, что меня отшвырнуло к бортику платформы, едва не выкинув вниз. Оттолкнув стол Карины далеко назад, капитан с легкостью поднял

металлическую флягу для химических нужд и кинул в меня. Увернуться удалось, но вторая из четырех цепей лопнула и повисла плетью.

Платформа заметно качнулась и накренилась, грозя перевернуться. Стол с Кариной стал медленно скатываться к парапету, грозя низвергнуться с такой громадной высоты в алхимические растворы.

Усмехнувшись, Андрей направился ко мне. Обменявшись ударами, он перешел в яростную атаку, намереваясь закончить затянувшийся бой. Он колот и рубил, высекая искры из нашего оружия, рассекая со свистом воздух. Его громадный кулак не раз опускался на мое тело. Спасибо броне, выданной Ильей. Она не только глушила уколы и порезы мачете, но и смягчала обычные удары.

Очередной взмах, удар, блок, уклонение... Чудовищная сила вновь оттолкнула меня далеко назад. Поскользнувшись на какой-то жидкости, я не удержал равновесие и упал. Удовлетворенно хмыкнув, Андрей прыгнул и занес над головой оружие. Со всей силы, из положения лежа, я ударил противника ногами в область живота и резко вскочил на ноги. Тело Андрея занесло назад. Платформа угрожающе качнулась и зашаталась. Капитан пытался удержать равновесие, но у меня это вышло лучше. Кувырком подобрав выпавшее мачете, я из полусидя зашвырнул его в противника. Мужчина сумел лишь отвести немного в сторону стремящееся поразить лезвие. Его нож скользнул по моему, отклонив чуть влево и мой

по самую рукоять вошел в живот, выйдя сзади окровавленным острием.

Удивленно глядя на торчащее из тела оружие, Андрей ухватился за свободно висящую цепь и дернув ее, оторвал от потолочного кольца, к которому она была приварена. Раскрутив ее над головой на подобие лассо, он зашвырнул металл в мою сторону, намереваясь поразить всей тяжестью. Сместившись правее, я изменил центр тяжести платформы и она накренилась под сорок пять градусов. На Андрея стал скатываться огромный ящик, но остановить его он уже не мог. Ящик, вместе с капитаном пробил сдерживающий их бортик и устремился вниз.

Тяжело дыша, я обернулся к Карине. Ее стол медленно, но не отвратимо приближался к обрыву. Подоспев к нему вовремя, я относительно заблокировал его дальнейшее движение ног и стал расстегивать и стаскивать удерживающие тело девушки ремни. Освободив ее и аккуратно положив на плечо, я отпустил стол и тот незамедлительно поплыл к краю пропасти, скрывшись в ее бездне. Осторожно подойдя к краю, я заглянул за парапет и увидел держащегося одной рукой Андрея за свисающий и ежесекундно прогибающийся заборчик платформы.

– Что, выиграл? – зло усмехнулся тот. – Как бы не так!

Он снял с пояса какой-то прибор и нажал кнопку.

– У вас есть пятнадцать минут, а потом – бум и никто не узнает о случившемся здесь! Вы в конец достали меня и...

Забор не выдержал нагрузки. Его крепления лопнули и он, вместе с капитаном полетел вниз.

– Господи, спаси и сохрани! – прошептал я прислушиваясь.

По всему периметру, по всем комнатам, стояли механизмы с включенным таймером отсчета времени. Все здание, весь подземный комплекс оказался планомерно заминированным и готовым вот-вот взлететь на воздух.

– Сюда! Скорее сюда! – кричал Игорь Васильевич, размахивая руками.

В азарте битвы я даже не замечал его существования, но судя по его ошалелому взгляду и трясущимся рукам, можно было сказать, что он напуган до глубины души, но продолжает держаться.

– Сюда, сюда! Здесь все заминировано!

Балансируя словно над пропастью и избегая медленно ползущих к обрыву предметов, я благополучно донес Карину до места, где стоял ученый и передал с рук на руки. Девушка впала в спячку и ни на что не реагировала.

«Пятнадцать минут. Интересно девки пляшут. Что же делать?»

Одна из оставшихся цепей, удерживающая гигантскую платформу, лопнула и все не прикрученное к полу моментально рухнуло вниз. Последняя цепь, не выдержав нагрузки, закрипела и одно из звеньев, расцепившись, позволило всему грузу умчаться вниз за поверженным Андреем. Мост

с нами заходил из стороны в сторону, грозя обрушиться подобным образом.

– Я, конечно, уважаю вашу ловкость и все такое... – начал ученый, – но что мы будем делать?

«*Действительно – что?*» Такой поворот событий не входил в мои планы. Ответа не было.

Словно читая мои мысли призыва о помощи, стеклянное окно в конце громадной трубы разлетелось на осколки и к центру бывшей недавно на своем месте платформы опустилось на металлическом тросе приспособление для поднятия грузов в вертолет, а знакомый голос, словно находясь рядом, произнес:

– Что, друг, не ожидал? Пришлось, конечно, немного повозиться, чтобы отыскать вас, но я справился. Цепляйтесь!

Улыбнувшись, я мысленно поблагодарил Бога и Илью, который по своим убеждениям пришел на помощь.

Знал ли мой сослуживец о заминированной базе или нет – значения не имело. Гораздо более значимым вопросом было то, как мне ухватить опущенный трос, когда тот висел посреди находившейся совсем недавно металлической платформы?

Не долго размышляя об этом, я разбежался и прыгнул в пропасть, намереваясь ухватиться за спасительную руку, так удачно предложенную Ильей. Расчет оправдал себя полностью. Завладев тросом, заканчивающимся ремнями, я, по инерции, пролетел чуть вперед, а потом вернулся обратно.

Аккуратно и как можно нежнее опутал ими Карину, а сам с Игорем Васильевичем встал ногами в специально сделанные для этого кольца. С силой дернув трос три раза и тем самым подав условный знак, мы стали медленно подниматься вверх.

Как такового вертолета мы не видели. Здесь имел место факт надежной маскировки летательной машины. Попав в открывшееся квадратной формы окно, мы оказались внутри стальной птицы и пока Илья набирал высоту – расположились внутри.

Однако оказать помощь затухающей жизни Карины не удалось.

– Вертолет! – закричал вдруг ученый, испугав тем самым даже меня и заставив обернуться Илью.

Действительно. К нам приближался вертолет. То, что он относился к враждебному, не составляло никаких сомнений. По всей вероятности, их система радиолокации могла обнаружить наш.

– Уходим, – произнес Илья.

Машина накренилась носом вниз, и мы полетели вперед. В приборах что-то запищало и замигало красным лампочки.

– Черт побери. Ракеты. Выпускаю дронов.

Илья умело манипулировал кнопками. Вертолет заметно прибавил скорости, а из его обшивки отделилось два сферических устройства и выпустив сноп искр, разлетелись в разные стороны. Ракеты, игнорируя нас, устремились за ними, взорвавшись далеко в стороне.

И тут земля вздрогнула и прогнулась. Громадный столп огня, дыма, пыли и обломков поднялся высоко в воздух, скрыв в своем чреве враждебную нам машину. Прогремель еще один взрыв, но приглушенный и не такой громогласный. Нашу стальную птичку тряхнуло, отчего Игорь Васильевич не удержавшись на ногах, полетел на пол, но больше ничего серьезного не произошло.

Позади, на месте недавно стоящей базы федералов, распускался огненный цветок. Его стебель ушел на сотню метров вверх и там полностью раскрылся, превратив ночь в день. От грохота заложило уши (я, со своей чувствительностью к шуму, просто валялся на полу, обхватив уши руками), а ударившая в нос гарь и дым чувствовались даже на таком расстоянии.

Илья мастерски вывел вертолет из распространяющегося кольца огня и взял курс на противоположную окраину города.

Очухавшись от непереносимой боли в голове (особенно в ушах), я наконец-таки полностью перевел свое внимание на Карину. После беглого осмотра, я понял, что моих знаний в решении ее жизненного вопроса будет недостаточно.

– Девушке нужна помощь, – крикнул я Илье. – Ваша база ей это окажет?

– О чем речь! Полина и ее медчасть уже ожидают нашего возвращения.

– Лады.

– Не волнуйся, старик, еще десять минут и мы на месте.

Кивнув, я склонился над Кариной и взял ее руку в свою. Она побледнела, губы пересохли и потрескались, под глазами стали видны синие круги, а прерывистое дыхание навредило на недобрые мысли.

«Потерпи, милая, уже скоро!»

На базе Пронина мы действительно оказались через дюжину минут. Передав с рук на руки девушку, я только сейчас облегченно вздохнул и направился к выходящему из кабины пилота, другу.

– Тут вот какое дело... Я узнал от Кирилла Антоновича, что мои дети до сих пор находятся здесь. Их перевели в Красный Бор и уже завтра должны куда-то распределить. Мне нужно, чтобы ты довез меня до местного реабилитационного центра ювеналов и вернул обратно. Это последний шанс спасти их!

– Вот что с тобой так тяжело? А, Белов? Знал же, что службой безопасности дело не ограничится, просто нутром чуял – так оно и вышло.

– Извини, друг, но это последняя просьба. Кроме тебя некому!

– Ты же собирался неотрывно следить за состоянием своей девушки!

– Я думаю, Полина и ее люди справятся лучше меня.

– Если вдруг что... и я помогу, – слышался голос наблюдающего все это время за нами ученого. – Анатомию я

знаю в совершенстве. Медицину тоже. Так что вам нечего за нее беспокоиться. Она в надежных руках. Летите!

– Так что, друг? – перевел взгляд на Илью.

– Да что с тобой делать? Ни кола ни двора. Гол как сокол... Садись в птичку!

– Спасибо!

Получаса хватило, чтобы найти нужное здание и зависнуть в воздухе. Очень удачная конструкция вертолета быть незаметным и бесшумным. Как поделился сам пилот – к этому приложил руку сам Федор. По дороге мы не разговаривали. Я думал о своем. Илья управлял небесной машиной. Он не стал спрашивать: что и почему! Разговоры потом. Сперва найти и забрать детей, а уж затем беседами увлекаться. Единственное, что я выяснил, так это то, что майор Пронин отлучился по одному срочному делу, связанному с разработкой и применением сверхсекретного оружия и под шумок Илья свистнул его железную птичку.

– Ох и влетит мне за твои выкрутасы, – пожаловался он на мою просьбу прибавить скорость.

– Всю вину возьму на себя!

– Как же, дождешься от тебя благодарностей, – усмехнулся Илья, выведя вертолет на прямую, по навигатору, до распределителя ювеналов.

Замаскировавшийся вертолет завис над нужным домом

и я благополучно спустился на крышу здания. Мне помогало несколько факторов: сама бесшумная вертушка, внезапность, отсутствие наверху камер видеонаблюдения или смотрящих в небо. Жужжание квадрокоптеров исходило издалека и я не опасался, что их сенсоры зафиксируют мое присутствие. На механических андроидов, снующих внизу, я вообще не обращал никакого внимания.

Новое здание состояло из трех этажей. Администрация, учителя – педагоги – наставники и непосредственно сами дети – предназначенные либо на продажу полностью в какую-либо семью, либо по частям – каким-нибудь нуждающимся в донорских органах богачам. «Система» идеально поставила этот процесс на конвейер. Сейчас на просторах интернета можно было найти данные о тысячах детей в возрасте от нескольких месяцев до шестнадцати лет. В несколько кликов открывались файлы об их здоровье и немногим больше требовалось чтобы договориться с ювенальной юстицией о приобретении любого понравившегося.

Мне повезло вдвойне, когда я спустился с открытого чердака здания и обнаружил, что дети содержатся на третьем этаже. По правую и левую руки шли многочисленные двери с наименованием количества мест и занимающих эти места самих детей. Слева – те, кто в скором времени должен был заменить кому-то какой-то орган. Справа – целиком шли на продажу.

Быстро пробегая глазами по десяткам имен и фамилий,

у меня сжималось сердце от увиденного. «*Это же сколько семей ювенальная юстиция смогла сломить, разобидеть и разделить на взрослых и тех, кто помладше?*» Сотни детей находились в этом приемнике и столько же уже оказались проданы неизвестным лицам, имеющим определенный запас виртуальных денежных средств, готовых потратить на получение живого организма.

Спустя четверть часа, я нашел искомое. Комната оказалась самой дальней по коридору. Из отчета, нанесенного на голографическую дверь, здесь находилось тридцать человек. В основном девочки. Белова Вероника Даниловна и Белова Кира Даниловна. Рядом стоял возраст – четырнадцать и двенадцать лет соответственно. Но как открыть эту новую дверь, я не знал. Рядом в стену была вмонтирована панель с цифровым кодовым замком и еще одна – по всей вероятности считывающая биометрические показатели.

Достав из кармана нож (последнее оружие взятое из ресторанного комплекса Рустика) и вознеся молитву Богу, желая лишь одного – чтобы цифровая панель оказалась не подлинной, а творчеством рук наших узкоглазых братьев. Через минуту кропотливой работы, мои действия завершились успехом – декоративная рамка вокруг самих цифр поддалась и со щелчком отделилась от основной части. В ту секунду я так полюбил наших азиатских коллег, что готов был расцеловать любого из них, встретившегося мне сейчас на пути.

Подобные механизмы блокировки двери считались едва

ли не самыми надежными из существующих в своем роде. Единственное исключение составляли китайские подделки, взятые с оригинала, но имеющие примитивную конструкцию. И хотя визуально они ничем не отличались, внутри имели практически полную противоположность. Вот и здесь при возведении ювенального комплекса, мастера (по всей вероятности гастарбайтеры, как часто бывает в таких ситуациях) не стали заморачиваться покупкой сложных дорогих блокировочных систем (кто же знал, что я приду), а ограничились азиатским ширпотребом. Взлом таких замков мы проходили на факультативе спецназа по взлому и проникновению в места второстепенной значимости. *«Эх, братец, братец, твоя отличная оценка по этому предмету мне здесь бы очень пригодилась!»* – мысленно пожелал я увидеть младшего Ивана.

Минут пять потребовалось, чтобы аккуратно замкнуть нужные провода, снять голографический замок и открыть дверь.

Комната встретила меня полутьмой. Лишь несколько ночников тускло освещали пространство вокруг себя. Я проходил мимо расставленных рядами кроватей с мирно спящими детьми и вглядывался в «сопроводительные метки», повешенные на бортики. В них давалась краткая информация о той или иной, кто там находился и каково было его здоровье.

Наконец, я наткнулся на то, что искал: «Белова Вероника Даниловна» и «Белова Кира Даниловна» находились рядом

друг с другом. Обе девочки мирно спали, натянув одеяло до самого носика. Их глубокое ровное дыхание успокаивало, но не настолько, чтобы потерять бдительность.

– Кто ты такой?

Резко открывшиеся глаза одной из дочерей прервали ход мыслей.

– Что ты здесь делаешь? – спросила, проснувшись, другая.

Я не стал ничего объяснять, просто снял маску и сказал:

– За вами пришел!

Старшая Вероника с просонки протерла глаза и взвизгнув от радости, выпрыгнула из кровати и повисла на шее.

– Папа!

Следом присоединилась вторая и я, наконец, ощутил себя самым счастливым человеком на свете.

– Пора уходить. Мне здесь не рады и если все откроется нам несдобровать!

– Мы никуда не поедem без своих друзей! Помоги им выбраться из здания и они не забудут твою щедрость! – опротестовала все мои попытки увести их, младшенькая.

По их умным взглядам, я понял, что они не отступят, а еще то, что они очень быстро повзрослели и их детство давно закончилось, уступив место чудовищному настоящему.

Спорить оказалось бессмысленно. Они обе уперлись и стояли на своем. Пришлось сдаться. Оказывается, у них уже был план побега. Завтра намечалось тотальное распределение детей всего центра и в полночь они должны были бежать.

В их распоряжении оказались шифры всех комнат и входных дверей самого здания и ворот забора. На мой непонимающий вопрос по поводу охраны, Вероника пояснила, что кроме андроидов здесь никого по ночам не бывало.

Моя помощь заключалась лишь в поднятии тяжелых металлических защитных роллет, преграждающих выходы на каждый этаж и перед парадным входом соответственно. Обычно таким делом, как пояснила Кира, занимался «специально обученный» робот-дроид с заложенной в него подобной программой, но сгодился и я на столь силовые упражнения.

Килограмм под двести, роллета со скипом поднималась вручную. Хотя мне и помогали ребята из старшей группы, легкости от этого не прибавилось.

Через пол часа здание напоминало тихо жужжащий разбуженный улей. Их план оказался не таким уж и детским. Точное исполнение его контролировали мои дети и несколько ребят из взрослой группы. По их тайному договору, все собрались в холле, спустились скопом до первого этажа и когда андроиды разъехались для очередного обхода – массово сваливали из разблокированных дверей до находящегося под напряжением забора. Там, один из старших отключал охранную систему ворот, обесточивая все по периметру и открывал доступ к долгожданной свободе.

Уж не знаю, какими ухищрениями они добыли коды доступа, но у них все получилось. Уже с крыши здания, подни-

маясь на тросе внутри вертолета, мы видели, как раскрылись массивные створки ворот и дети, словно молекулы, бросились врассыпную. Андроиды даже не успели завершить объезд вокруг здания. Квадрокоптеры, запоздало свистя, пронеслись над лесом, пытаясь дать общую картину творящегося бесчинства.

Ярко алая, можно сказать багровая луна провожала нашу стальную птицу единственным оком, смотрящим не то с недоверием, не то со злостью.

Началась наша общая семейная радость. Девчонки весело щебетали, порхая вокруг меня и рассказывая о творившихся вокруг них бесчинствах и о всем том, что происходило после моего ареста.

Карина, медленно, но уверенно шла на поправку. Дав медикам и Полине сроку два дня, я торопил их, ссылаясь на срочную поездку и уход на «дно», в «тень» существующей «Системы». Жена Ильи вначале сопротивлялась такому раскладу дел, но потом сдалась и сказала, что сделает все возможное, чтобы поставить девушку на ноги в столь короткий срок.

Я не мог не нарадоваться. Воссоединение семьи прошло на редкость легко и непринужденно. Дочки признали меня и не отходили ни на шаг, боясь потерять вновь. Наши беседы длились весь день и практически всю ночь. Вероника и Кира удивили меня своим знанием и пониманием мира. Про

мать они ничего не хотели слушать. Для них Марина все еще была жива, просто из-за занятости она не могла сейчас присутствовать. Нет, то, что она умерла, их, разумеется, осведомили. Но внутренняя жизнеобеспечивающая система заблокировала эту информацию не желая мириться с ее правдивостью. Я не настаивал. Раз им так проще – пусть будет по их разумению.

Майор Пронин все не появлялся. По видимому переговоры о новейшем оружии проходили не так, как он планировал. Ждать его мы не стали. Илья вновь выделил уже нашей семье свою личную машину, которая и довезла нас через два дня до железнодорожного вокзала.

Карина, все еще достаточно слабая, передвигалась только с помощью поддержки. Полина вначале вновь воспротивилась нашему уходу, но Илья остудил ее пыл и девушка окончательно «умыла руки».

Прямой поезд до места назначения без пересадки с вагонами-купе уже стоял на платформе, поджидая нас и еще некоторых запоздавших путников, гостеприимно раскрыв двери. Курьер, посланный Константином – отцом Карины, благополучно передал нам нужные для поездки бумаги и мы, отдав некоторые из них андроиду-проводнику, беспрепятственно прошли внутрь, заняв положенные места.

По легенде, придуманной самим Константином, мы – Денис и Каролина (муж и жена) с детьми Викторией и Катериной, по делам бизнеса в солнечный Адлер на заключение

выгодной сделки. *«Что ж, очень хорошая история. Уверен, дело выгорит и оно того стоит!»*

Электричка, монотонно стуча колесами, приближала нас к относительному покою и стабильности, где отсутствовало постоянное напряжение и оглядывание по сторонам. По крайней мере так говорил сам Константин в нашей последней беседе.

Видеокамеры в самом поезде отсутствовали. Это играло нам на руку. Биометрию при посадке с нас никто не считывал – отец Карины подсуетился – а больше и не требовалось.

Второй день мы пребывали в комфорте и полу расслабленном состоянии. Дочери, щебетавшие без умолку, смилостивились оставить мои уши в покое и пройтись до вагона-ресторана осмотреться что да как. Я не возражал. Тем более мой слуховой аппарат не распознал никакой угрозы в ближайшем окружении. Довольные и счастливые Вероника и Кира удалились, напевая какой-то знакомый детский мотив песенки и мы остались одни.

– Что, жизнь налаживается? – устало произнесла Карина.

За прошедшее время после освобождения, девушка заметно окрепла и повеселела. Медики Полины хорошо знали свое дело и сделали все возможное, чтобы поставить ее на ноги. Хотя бледноватость еще сохранялась, во всем остальном намечался подъем: синие круги под глазами ушли, слабость заменилась жизнерадостью, страх – умиротворенно-

стью, а боль притупилась и уже не рвала тело как раньше.

– Почему ты выбрал меня? Чем я тебе так насолила? За-
чем искал встречи со мной и вернулся в магазин? – тихо
спросила Карина, после долгой паузы.

Признаться честно, я ожидал подобного разговора, но от-
вет никак не мог сформулироваться в единое целое.

– Ты мне нравишься и всегда нравилась.

– И только?

– а к кому мне было идти? Все, что оставалось в прошлой
жизни – не спрашивая мнения отняли и растоптали. Как та-
ковых друзей не было. Даже Илью с Полиной я считал от-
вернувшимися от меня. Перекантовался пару дней у друга
отца и это все.

– Значит, меня ты рассматривал как временное место пре-
бывания?

Девушка смешно нахмурила бровки и смотреть в ее глаза
без улыбки было невозможно. Поэтому я отвернулся в ок-
но и с удивлением обнаружил возникшее, словно из ниотку-
да, бескрайнее море, почти вплотную подходящее к желез-
нодорожным путям. Оно умиротворяло и заставляло приза-
думаться, задерживая на себе взгляд, словно гипнотизируя.

– Теперь еще и отворачиваешься! Я так и знала. Все вы
мужики одинаковые.

– Ничего ты не знала... В смысле, все мы разные и сход-
ства совершенно никакого. А вот между нами имеется...

– И какое же? – едва не прыснула она от смеха.

Я пытался сообразить, зачем сморозил такую глупость, но было уже поздно. Потом последовала долгая пауза обдумывания ответа, но в голову ничего конкретного не приходило.

– Да начать с того, что мы несколько лет работали вместе...

– Ой, не могу, – улыбнулась она. – И это разве сходство? Да ты обо мне вообще ничего не знаешь!

– Отчего же, немного знаю. Когда ты смущаешься, то трешь пальчиком кончик своего носика. Когда идешь, то немного прихрамываешь на одну ногу, но это не из-за анатомии, а вследствие усталости. В задумчивости кусаешь свои красивые губки, а потом, пока никто не видит, часто увлажняешь их гигиенической помадой. Когда смеешься, на щеках выступают ямочки. Когда злишься – то вспыхиваешь, словно феникс и краска заливает все лицо до самой шеи. А еще мне нравится твоя татуировка на бедре в виде розы. И еще... ты очень красивая!

Выдохшись от разговора, я тихо сидел и осматривал призадумавшуюся Карину, которая не моргая, глядела в пол перед собой, размышляя над какими-то глобальными проблемами.

– Знаешь что, – наконец сказала она, – муж и жена мы с тобой только на этой липовой бумаге. Дальше наши пути расходятся.

«Ну слава Богу, – выдохнул я, – а то уж подумал, что произнесет более страшные вещи! Главное сейчас сохра-

нить инициативу и не упасть лицом в грязь».

Положение и затянувшуюся паузу спасли девочки, вернувшиеся из осмотра местности, продолжая болтать без остановки. Карина вышла из размышлений, улыбнувшись им. Подозвала ближе, усадила рядом и стала расспрашивать про увиденное в хвосте поезда.

У меня наметилась минутная передышка. Никогда не умел правильно разговаривать с девушками, а тут...

– Идем быстрее!

... а тут на меня накатило знакомое чувство опасности и слух затопил окружающий мир:

– Это точно они?

– Не уверен.

– Так да или нет?

– Очень похожи. Нужно проверить!

– Так, отряд, берем всех живыми! Лишних свидетелей не допускаем. Работаем в тамбуре. Три связки по три человека. Первая тройка на месте?

– Почти. Еще один вагон и начинаем.

– Вторая?

– Пока нет, но мы приближаемся.

– Третья – со мной! Я замыкающий! Захват по отработанному сценарию. Вяжем, упаковываем в стоящие на перроне изокубы и уже на месте разбираемся что к чему. Всем все ясно?

– Да.

– Так точно.

– Работаем!

Вскочив с места, я выдернул из спокойствия Карину, поставив рядом со мной и серьезным голосом, глядя в глаза, произнес:

– Собирай вещи, детей и уходите к головному вагону! Дальше действий никаких не предпринимайте. Я вас догоню!

– Что случилось? – настороженно поинтересовалась она.

– Папа, мы с тобой! – прошептали дочери.

– Нет, вы пойдете с Кариной и дождетесь меня там. Это приказ!

Выйдя из купе, я повернул в хвост поезда и быстрыми шагами стал приближаться к тамбуру, соединяющему два вагона. С той стороны был уже виден мужчина, открывающий соседнюю дверь.

Влетев в место для курения, я сшиб первого появившегося человека на пол, усыпив его ударом ботинка. Второй получил дверью в нос. Его я втянул к себе за черный комбинезон без каких-либо нашивок и оприходовал по виску несколько раз, прежде чем он затих. Третий уже сам пошел на меня. Его удары запоздало рассекали пустой воздух и вскоре он слег рядом со своими товарищами.

Эффект внезапности оправдал себя на все сто. Вторая тройка показалась проходящими мимо закрытых дверей купе и вошла ко мне.

– Что за... – начал было один из них, но не сумел договорить.

Точным ударом в нос я отшвырнул его к входной двери и пробив в грудную клетку, заставил согнуться и закричать. Двое других напали одновременно, действуя сообща. Но то ли подготовка их подвела, то ли самоуверенность... Бой с ними прошел быстро и не затратно для моего организма. Секунд через тридцать они легли рядом с предыдущими, оставив на щеке лишь жгучую ссадину.

Последние три человека с капитаном уже бежали ко мне, едва завидев через стекло нас разделяющее. Прошло более трех минут, прежде чем я остался один на один с капитаном. За это время я сильно получил по плечу и в живот, но во всем остальном чувствовал себя хорошо.

– Ну и набрали же мне дилетантов, – проговорил оставшийся мужчина сам себе, сделал резкий замах, намереваясь произвести болевой прием, отработав на мне теоретические занятия.

Уйдя в защиту, я целенаправленно подставил под удар левое плечо и перехватил его руку, намереваясь взять инициативу, но он, словно сумев предвидеть будущее, выкрутился из захвата и вновь перешел в нападение. Отбив удары, я взялся за его запястье, отвел руку в сторону, поднырнул под ней и выйдя из-за спины – сломал в локте.

Дабы избежать крика боли, я зажал рот капитану и нажав на болевые точки, спровоцировал потерю сознания.

Глубоко вздохнув и медленно выдохнув, я осмотрелся. Место побоища напоминало мирно спящий разбойничий лагерь. Валяющиеся тела в развалку заполнили все пространство небольшого тамбура. Если бы не узость помещения, я бы справился намного быстрее, а так пришлось повозиться несколько дольше.

Мои девчонки уже добрались до головного вагона и теперь ожидали только меня. Однако пришлось задержаться еще минут на пятнадцать. Путь проезда нашей электрички проходил с одной стороны через большой овраг с высокой густой травой и кустами. Это время мне понадобилось для того, чтобы аккуратно открыть сдвоенную дверь и по одному вытолкнуть спецназ (то, что это именно он, я не сомневался) в открывшийся проем. Подобный способ их устранения не являлся ахти каким хорошим, но достаточный запас времени нам обеспечивал. Пока они придут в себя... Пока свяжутся со своими или дойдут (переносную мини радиостанцию я предварительно вывел из строя)... Пока внятно объяснят ситуацию и причины поражения...

Электронная дверь входа в головной вагон электрички открылась при моем появлении. С чем было это связано, осталось неясно. Может случился фактор совпадения, а может все оказалось подстроенным...

Вскоре состав стал снижать скорость, а потом и вовсе

остановился.

– Адлер, – прозвучало в динамиках и двери открылись.

Боковая скрытая дверь отъехала в сторону, открыв образ стоящей на соседних путях другой электрички. Не решаясь подставлять остальных, я первым выглянул наружу. Рядом находящаяся «ласточка» (новый вид скоростного поезда) готовилась к отбытию. Двери, выходящие на платформу закрылись (это можно было наблюдать через большие стеклянные сквозные окна). Не зная что делать дальше, свистнул. В ту же самую секунду часть хвостовой вагонной стены «ласточки» разъехалась в сторону. За ней оказалось несколько человек. Перебросив трап, они кивком предложили перебраться к ним, что мы и сделали. Люди скорее всего относились к отцу Карины, так как осмотрели нас с головы до ног, улыбнулись и кивнули. Девушка с более чем скромными пожитками (на базе у Ильи брать ничего не решились, хотя он и настаивал). Вероника, Кира и Карина перешли на соседнюю электричку. Я замыкал группу. Трап убрался. Замаскированные двери стали на свои места, прекрасно изображая цельные стены. «Ласточка» тронулась и мы поехали дальше.

Краем зрения я увидел удаляющуюся платформу оставленного поезда и творившуюся там панику: несколько военных машин, четыре кареты «скорой помощи», и столько же приготовленных для принятия гостей (то есть нас) каталок с изокубами для блокирования зараженных «смертельным» вирусом. Вздохнув, я отвернулся от окна. «А ведь Констан-

тин все рассчитал правильно. Сам-то я вряд ли сумел пройти сквозь ряды подчиняющихся «Системе» благополучно, не навредив своим девчонкам. Спасибо тебе, наставник!»

– Значит так, – сказал один из присутствующих. – Мы все уважаем нашего нанимателя и задолжали ему. После этой операции долг будет списан и мы окажемся в расчете. Так и передайте своему отцу!

Карина кивнула, внимательно выслушивая наставления.

– По прибытию на место, дабы не светиться перед видеокамерами и местной полицией, вас встретит грузовой кар, который довезет до границ железнодорожного вокзала. Там пересядете на наш автобус. Конечная остановка – Роза Хутор – излюбленное место нашего президента.

Мужчина усмехнулся, посмотрев на своих бойцов.

– Дальше дела обстоят следующим образом – фуникулеры поднимут вас на самый пик горы. Ну а там будет кому встретить. Здесь все билеты и сопроводительный лист – чтобы не заблудиться, но это вряд ли.

Мужчина протянул мне папку-скоросшиватель.

– На этом все. Приятного отдыха, «молодожены»!

Люди удалились, предоставив нам полную свободу действий.

Найдя нужные места, мы сели, ощущая близость того момента, когда закончится все это бегство.

Переезд занял около часа. Проводница проверила наши документы и билеты, но не обнаружила ничего противоза-

конного. Должники Константина действовали оперативно. Подготовить за двое суток весь этот ворох документов – то еще занятие – кропотливое и малоинтересное.

Вокруг раскинулся небывалой красоты пейзаж: исполинские горы, поросшие невысокими деревьями; река, протянувшаяся под нами практически на всем пути следования. Гигантские, продолжительностью в несколько километров, тоннели; подвесные мосты, на которых мы пересекали низменности и неровности... Впечатлений и эмоций оказалось море. Особенно после грязного, болеющего, утопающего в разрушении, пыльного места, где всем нам довелось побывать до этого. Яркое солнце согревало землю и все на ней находящееся, даруя жизнь...

По прибытию, нас действительно встретил грузовой кар. Водитель, улыбнувшись, подмигнул нам и тайком вывез за пределы железнодорожного вокзала. Подъехав вплотную к нужному автобусу, стоявшему на автостоянке (без помощи мы бы долго искали нужный), он кивнул нам на прощанье и мы быстро пересели на другое средство передвижения.

Складывалось такое ощущение, что за нами по пятам гнались гончие, в виде карательных органов новой воцарившейся «Системы». Окружавшие нас красоты мало интересовали, за исключением, разве что детей, которые с восторгом открывали для себя все новое и новое.

Проезжая мимо роскошных зданий, светящегося не хуже новогодней елки громадного строения казино... мне каза-

лось, что я нахожусь если не в другом мире, то в иной стране точно...

Четверти часа хватило, чтобы оказаться в нужном месте. Наш новенький автобус остановился и эстафетную палочку принял другой человек. Он провел нас до сооружения с подъемниками – фуникулерами и затерявшись в толпе – растворился, словно его и не было. Отыскав нужные билеты и передав их контролирующему процесс погрузки работу, мы сели в остекленную кабинку, напомилавшую лифт и стали медленно подниматься на гору.

С высоты птичьего полета можно было разглядеть все пространство внизу, не занимаемое горами. Немногочисленные люди, придерживающиеся масочного режима и переживающие распространение вируса, казались муравьями, вяло копошащимися после долгой спячки. Олимпийская деревня расположилась чуть в стороне. Это место я с детьми и женой видел еще по телевизору, когда подобных событий и в помине не было. Здесь же, под нами, раскинулась горно-лыжная трасса, пока еще без снежного покрова, но поменяющая свое очертание через пол года. По периметру всей трассы тянулись создающие искусственный снег пушки – на тот случай, если зима выдастся теплой и без осадков.

Великолепие гор вызывало совершенно иные чувства, нежели созерцание творений человеческих рук. Природа показывала свою мощь и могущество и с этим следовало считаться. Свежий чистый воздух без примесей выхлопных га-

зов и выбросов заводских фабрик пьянил, наполняя невидимым лекарством (причем совершенно бесплатным), давно не существующем в городах-мегаполисах и стремящихся к ним провинций.

Дважды мы делали пересадку на соседние фуникулеры, проложенные человеком к самому пику горы, открывая для себя новые виды и дали, о которых никогда бы не узнали сидя у себя дома.

Уши заложило от разряженного воздуха. Невидимое лекарство поступало в легкие, заставляя их работать как никогда ранее.

Настроение даже не испортила начавшаяся было гроза с громом и молнией, но без дождя. Она прошла стороной, оставшись далеко внизу, ниже середины нашего, казалось бы бесконечного восхождения. Ее мы заметили еще в автобусе, при подъезде к фуникулерам, но не придали значения, отвлеченно и с восхищением разглядывая окружающие красоты. А лицезреть было на что.

Пожалев, что пока нет возможности ознакомиться со всем более внимательно, с толком и расстановкой, я спрыгнул с передвижных сидячих платформ, помог остальным девчонкам удачно совершить этот маневр и вышел к девственному лесу, едва тронутому человеческим присутствием.

В отдалении журчал небольшой водопад, берущий свое начало где-то в глубине гор. Птицы заливались пением на все лады. Осматривая окружающее нас великолепие, я по-

нял, куда еще не смогла приложить свою лапу «Система», заменившая в последние годы весь уклад человеческой жизни.

– Все эти механизмы, здания, спортивные комплексы, кафе, рестораны и прочие архитектурные изыски были построены в рекордные сроки для проведения в этих местах олимпийских игр, как вы помните. Здравствуйтесь, дети!

Голос настолько резко вывел нас из созерцания красот, что я заметил, как все испугались и посмотрели туда, откуда он прозвучал.

– Папа! – воскликнула Карина и бросилась на шею.

Я вышел из спальни и обнаружил свою девушку разливающую нам свежесваренный кофе. Аромат исходил великолепный: как от дымящегося напитка в кружке, так и от самой Карины. Подойдя сзади, я обнял ее за талию и поцеловал в шею. Она засмеялась, но отстранилась.

– Хватит приставать, дети увидят!

Изобразив кислую мину, я взял кофе и тут услышал чье-то присутствие помимо нашего.

– Кари... – начал было я, но в дверь постучали, а потом она открылась.

На пороге нашего дома стоял майор Пронин с большим черным чемоданом в руке.

– Вас на удивление сложно оказалось найти, – с улыбкой сказал он, без приглашения входя в дом и ставя чемодан на стол.

– Это свои, – успокоил я Карину, уже схватившую широкий кухонный нож.

– Уже три месяца прошло, а от вас никаких весте, – продолжал майор, словно не замечая нас. – Это же надо, какой бардак произошел после моего отъезда и недолгого отсутствия! Вертолет угнали, беспилотный автомобиль тоже... он, кстати, не принадлежит Илье, а является собственностью моей компании. Базу федералов уничтожили, детей ювеналов распустили, а потом ухитрились потеряться по пути следования к этому месту. Я слишком поздно узнал, что вам благоволит Константин. Когда же я понял, то сразу явился сюда.

– Что еще вам от меня нужно? – спросил я, обняв Карину и успокаивая ее.

– Тоже, что и тогда – нашего с вами сотрудничества! То, что вы ото всех скрылись, еще не означает, что вас не ищут и не найдут. Конечно найдут, когда страсти вокруг развороченной базы улягутся. Тогда вам не сумеет помочь даже Константин. Кстати, где он сам?

– Поехал в город за продуктами, – фыркнула девушка.

– Ничего страшного. С ним я побеседую позже.

– Так что вы предлагаете?

– Сотрудничество, Данила Игнатьевич! Только сотрудничество! Вы нужны нам...

– Или мои способности?

– Одно без другого не существует. Видите ли, у меня есть

некоторые связи в правительственных кругах, поэтому нас и не трогают ... пока. Но ходят слухи, что это тоже ненадолго. Так вот, я собираю команду... команду людей, которая сможет противостоять «Системе» и добраться до президента, чтобы задать некоторые щепетильные вопросы. С Федором ты уже знаком. Еще ты. Вот бумаги о твоей неприкосновенности. Отныне никто ни тебя ни твоих родных не сможет и пальцем тронуть!

– То есть, иными словами – работа на вас или скорый арест?

– Если грубо, то – да!

Посмотрев на Карину, я улыбнулся ее лучезарным глазам, а она в ответ кивнула и, спрятав нож обратно, взялась за кофе.

– Ну хорошо. Я согласен! С чего начнем?

Подойдя к чемоданчику и открыв его, я обнаружил прямоугольный кейс и еще один, но уже поменьше. Открыв первый, я присвистнул, продемонстрировав нахохлившейся девушке два мачете-близнеца идеальной, можно сказать ювелирной работы неизвестного искусника-кузнеца.

– Дамасская сталь с примесями титана и некоторых других веществ. Более подробно ты сможешь о них поговорить с Федором. Это его творение, – пояснил майор. – Кажется с такими вы любите обращаться? Федор приложил немало усилий, усовершенствуя их.

Открыв второй, я развернул одежду, сброшенную (как

мне казалось) в утиль в базе Пронина.

– Ваша бывшая спецовка. Не так ли? Тот же Федор немало удивился, имея с ней дело. Он немного доработал и ее. Сами увидите, что из этого вышло!

– Так с чего начнем?

– Илья Иванович... не о чем вам не говорит?

– Нет, – честно признался я.

– Собирайтесь! Расскажу по дороге!